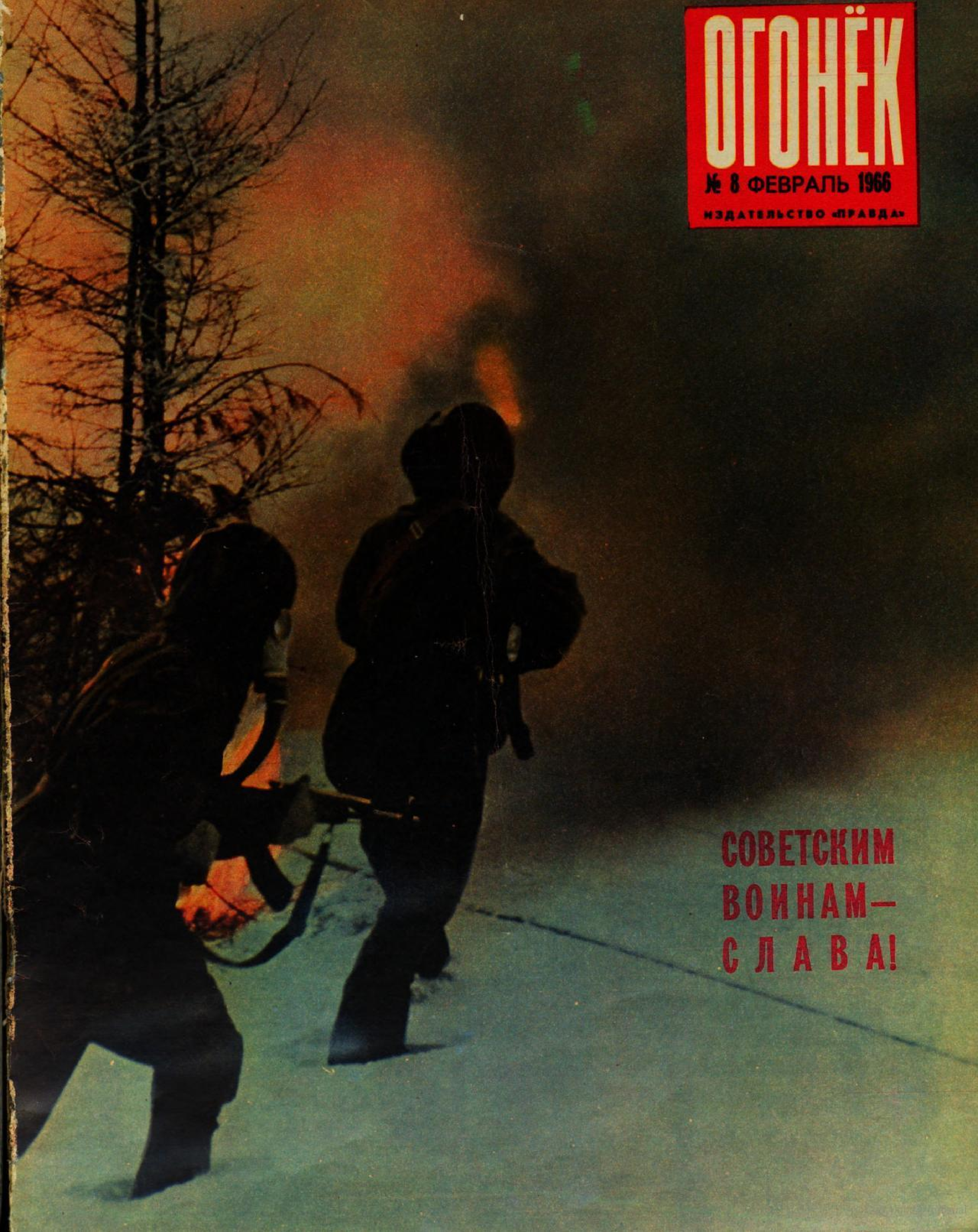

ОГОНЁК
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
СОВЕТСКИМ
ВОИНАМ—
С Л А В А!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 8 (2017)

20 ФЕВРАЛЯ 1966

И. ТУНКЕЛЬ, З. ХИРЕН

КОММ

С о всеми этими людьми мы провели один только день. Но если учесть, что знакомство это произошло на партийной конференции Ждановского района города Москвы, где один за другим поднимались на трибуну коммунисты и говорили о том, что составляет основу основ их жизни, то день — это не так уже мало, не такой уж короткий срок.

...За громадными окнами зала, где идет заседание конференции,— поток тягачей, панелевозов, могучих МАЗов. Все спешат. Надо поскорее миновать переезд до того, как опустится шлагбаум, чтобы пропустить еще один железнодорожный состав. А набирается их немало. И в вагонах и в кузовах — продукция заводов, фабрик Ждановского района. Удивительная судьба у этой недавней окраины столицы. Продукция, изготовляемая здесь, расходится чуть ли не по всем странам земного шара. Причем продукция особая. Вот, скажем, часы. В 73 странах мира люди сверяют время по их стрелкам, по их циферблатам. К этому следует прибавить космос: ведь у Алексея Леонова были с собой часы «Стрела».

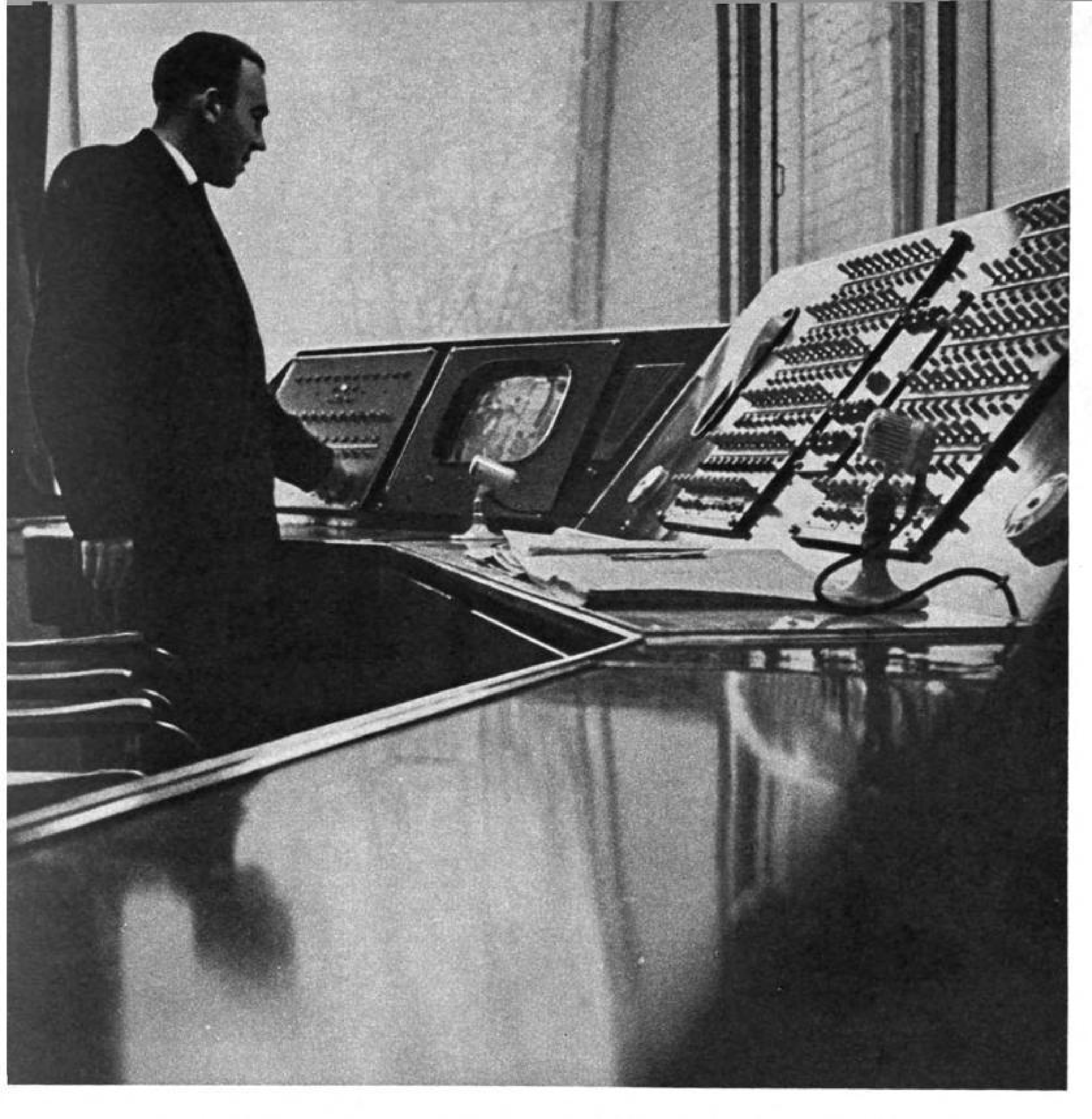
Делегаты партийной конференции Ждановского района города Москвы.

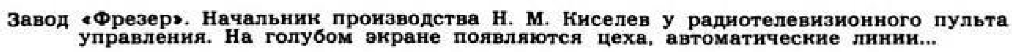
Ну, а теперь очередь за Луной. Или взять, например, малолитражный автомобиль «Москвич-408». Он завоевал признание чуть ли не в 50 государствах. Район получает заказы на машины, станки, сверла, прокатные станы от фирм шведских, английских, французских, причем это те изделия, которые извечно ввозились к нам из-за границы. На конференции разговорились мы с академиком, Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии Александром Ивановичем Целиковым. Опытный завод Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института металлургического машиностроения, которым он руководит, готовит к отправке в Англию стан для прокатки шаров. И тут мы не могли не вспомнить встречи свои со сталеварами и прокатчиками московского завода «Серп и молот», в особенности со старыми мастерами, которые еще помнят те времена, когда владельцем предприятия был француз Гужон. Не только оборудование ввозил он из Англии, но даже рабочих оттуда выписывал. Француз платил им в десять раз больше, чем русским, уверяя, что сталь варить — это специальность англичан. И вот новость: английская фирма «Хелепебс» обратилась к ждановцам через «Станкоимпорт» с убедительной просьбой продать им стан для прокатки шаров. А вслед за англичанами с подобной просьбой обратились шведы, французы.

На партийной конференции мы оказались среди тех, кто создает своими руками материальные ценности Советского государства. Состав делегатов очень пестрый, очень разнообразный. Судя по докладу мандатной комиссии, среди них, кроме двух академиков,— двадцать два доктора и кандидата технических наук, заслуженные учителя и врачи, директора заводов, рабочие, мастера. Это они и создают ценности, завоевавшие широкое признание во многих и многих странах нашей планеты.

Убеленные сединой старые большевики и совсем молодые, внешне больше похожие на комсомольцев, чем на коммунистов. Пожилые делегаты если не вслух, так между собой молодых этих людей называют парнишками, а сравнивать начнут их, так не с сыновьями,— с внуками. В общем-то, ничего обидного во всем этом нет, однако из того же доклада мандатной комиссии стало нам известно, что среди делегатов более тридцати человек моложе тридцати лет, не старше сорока — без малого 200. Значит, в подавляющем большинстве делегаты — это молодежь и люди, недавно достигшие зрелого возраста. Вот и судите сами... Молодые остаются молодыми, среди них и такие, которых лишь в прошлом году приняли в партию, а старые... Старые, судя по их острым репликам, горячим выступлениям, не утратили задора. Ведь нельзя забывать, что старая гвардия — это молодая заря Страны Советов. Все на своих революционных постах. Это явствует и из отчетного доклада сек-

УНИСТЫ

Завод «Фрезер». Начальник производства Н. М. Киселев у радиотелевизионного пульта управления. На голубом экране появляются цеха, автоматические линии...

Новые Кузьминки.

ретаря Ждановского райкома партии Николая Васильевича Ермакова, это же следует из всего, что мы увидели и услышали на конференции.

Вот, например, Александр Иванович Пикалов. Он ровесник подшипникового завода. Оба родились в 1932 году. Обстоятельства сложились так, что вся жизнь Пикалова тесно переплетается с жизнью завода. Тут он окончил ремесленное училище, стал слесарем, отсюда ушел в Советскую Армию, затем, вернувшись, вновь поступил на завод, вновь слесарем, а потом стал монтером-наладчиком. Теперь он нянчит 27 станков в цехе шарикоподшипников. В 1961 году приняли в партию, а с 1962 года по нынешний день — партгрупорг. Все в группе значительно старше Пикалова, за исключением станочницы Люси Трофимовой.

Худенького, стремительного этого человека все еще продолжают называть Сашей. Он член пленума райкома партии, студент третьего курса машиностроительного техникума, отец троих детей — двойняшек Игоря и Сергея (слава богу, с этого года они пошли в школу и не надо их больше по утрам таскать в автобус, чтобы перед работой закинуть в детсад). Зато появилась Таня. Пикалов ее по утрам захватывает с собой, а возвращаясь, забирает из яслей. А там — вновь в автобус, вновь на завод, теперь уже в техникум. И так изо дня в день. Конечно, с нашей стороны, может, было не очень тактично задать Пикалову еще вопрос о том, увлекается ли он, скажем, спортом или искусством: забот у него хватает. Но такой вопрос мы задали.

— Играю на трубе в оркестре строительного клуба,— ответил он.— Обычно туда приходит и жена с ребятами, любят послушать музыку. Почему на трубе? Так я ведь в армии был в музыкантском взводе, трудно отвыкнуть...

На конференции был такой любопытный момент. Во время одного из перерывов в зале погас свет и на экране появились — кто бы вы думали? Те самые коммунисты и коммунистки, которые продолжали оставаться в своих креслах. Правда, одежда на них была другая, рабочая, и заняты они были другим... Незадолго до открытия конференции активисты района подготовили любительский кинофильм. Они ездили с завода на завод, со стройки на стройку и всюду старались запечатлеть на пленке обыденную жизнь коммунистов. И когда в зале зажгли свет, мы как бы другими глазами взглянули на своих новых знакомых.

Мы тоже побывали на предприятиях района, и там вновь повстречались с делегатами конференции.

Все коммунисты района заняты подготовкой подарков к XXIII съезду партии. Они охотно рассказывают об этих подарках и показывают их: полностью автоматизированные цехи, счетно-вычислительные станции, управление производством с помощью телевидения и радио, новые машины, приборы. Но люди много говорят и о недостатках, которые

Монтер-наладчик, партгрупорг А. И. Пикалов: «Еще остается время и в оркестре поиграть...»

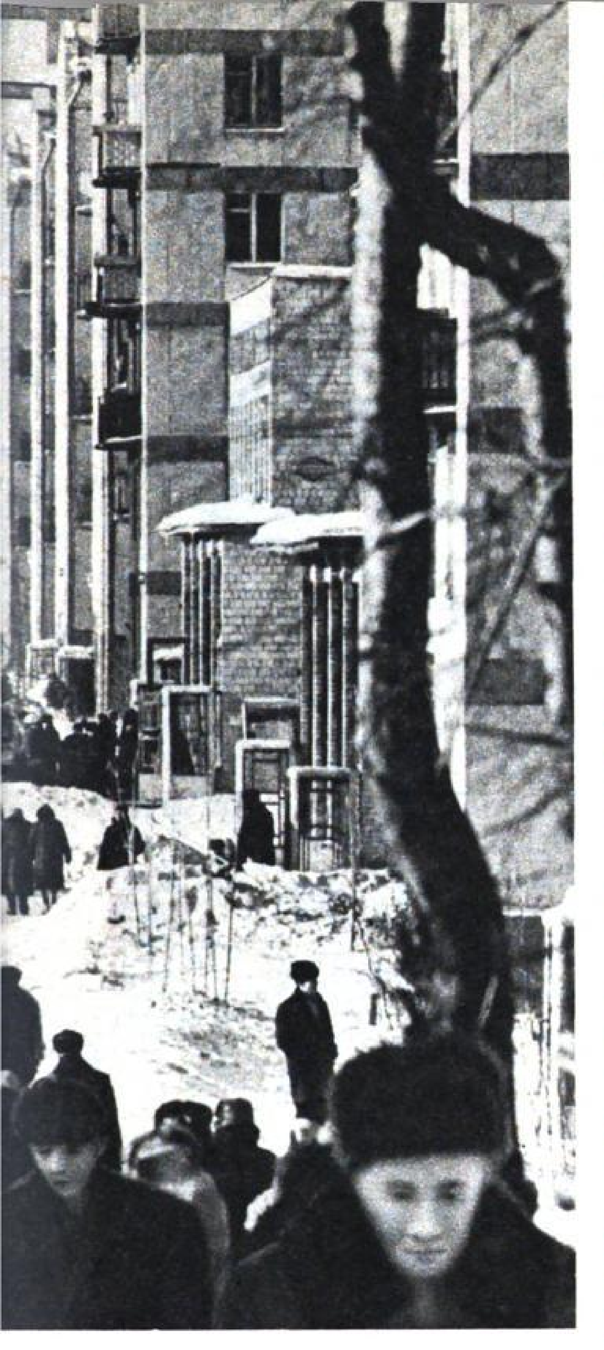
Летчик-космонавт П. И. Беляев: «У космонавтов свои подарки съезду...»

Старая большевичка А. В. Сергеева: «Революционные традиции не умирают...»

Улица Юных ленинцев.

СЛУШАЯ ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД

174

автоматических, полуавтоматических, конвейерных линий вступили в строй за последние четыре года.

900

автомобилей «Москвич», 200 тысяч подшипников дадут стране заводы Первый Государственный подшипниковый и малолитражных автомобилей из сэкономленного металла.

2 500

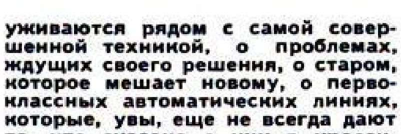
видов новых изделий освоили предприятия района за два последних года. 700 устаревших снято с производства.

33 000 000

рублей сэкономлено на предприятиях Ждановского района за счет снижения себестоимости товарной продукции в период от XXII до XXIII съезда КПСС.

Работница А. Н. Зайцева: «О наших «Москвичах-408» говорили добрые слова...»

уживаются рядом с самой совершенной техникой, о проблемах, ждущих своего решения, о старом, которое мешает новому, о первоклассных автоматических линиях, которые, увы, еще не всегда дают то, что сказано о них в красочных проспектах.

Когда мы спросили директора Московского нефтеперерабатывающего завода Демида Васильевича Иванюкова, что его волнует, он начал с того, что стакан обыкновенной газировки стоит ныне дороже стакана бензина. Мы не сразу поняли, к чему это, но Иванюков тут же растолковал, что речь идет о ценах. Конечно, труднее разведать, добыть, изготовить стакан бензина, чем стакан газированной воды, а вот если судить по установленным на них ценам, то этого не скажешь.

Или такой вопрос. Присылают новое оборудование. Вроде все в порядке, а потом оказывается, что смонтировали неправильно, надо все разбирать, вновь собирать. Представляете, сколько денег на ветер бросают! О том, как люди начинают бережливо считать деньги, рассказывает нам секретарь цеховой партийной организации Петр Ефимович Ряпухин. Он сетует: часто хорошие, добросовестные рабочие вынуждены работать убыточно. Они перевыполняют план, стремятся к высокому качеству, но достигается все это дорогой ценой. Часто выбрасывают резец, который мог еще служить и служить. Одной очень добросовестной работнице об этом сказали, она разнервничалась, стала протестовать. А потом сама разобралась и согласилась: да, не всегда использует она правильно инструмент. Теперь каждый рабочий стремится экономить. Так зародился хозрасчет на рабочем месте. Хорошее дело, да вот беда, материально не стимулируют. Один раз в приказе отметили — и все.

В районе пока лишь три предприятия работают по новым условиям планирования и материального стимулирования. За их деятельностью следят все. Один из делегатов рассказал о первых шагах подобного планирования. Говорят директору: «Теперь ты можешь принимать самостоятельные решения». Конечно, первым делом хочется расширить производственные площади, а директору наказывают: «Имеешь право строить только бытовые корпуса и склады». Это значит, что верхняя одежда висит в прекрасных светлых комнатах, а хозяева этой одежды работают в плохо освещенных помещениях. Или другой пример. Предприятие имеет возможность выпускать нужные народу предметы широкого потребления, а разрешения не дают. Говорят, в соответствующих инстанциях не утвердили номенклатуру. Вот как на первых порах выглядит иногда самостоятельность директора. Тут, пожалуй, требуется и психологическая перестройка и в первую очередь со стороны Министерства финансов, Госбанка, Моссовета.

...Когда перелистываешь сейчас блокнот, стараясь выделить, что же было главным на партийной конференции, то неизменно встает одна главная проблема — забота о благе наших людей.

Депутат Верховного Совета СССР, сталевар Люблинского литейно-механического завода Г. М. Аулов: «Настроение? Отличное!»

Инженер Г. В. Цыплаков: «Двести тысяч подшипников из сэкономленного металла? Это здорово!»

Главный конструктор Московского завода малолитражных автомобилей А. Ф. Андропов: «Задумок у нас много...»

Самая почетная

Свердловчанка Валентина Стенина была в Тронхейме самой старшей по возрасту в команде советских спортсменок. Дважды чемпионка мира, она была и самой опытной среди наших конькобежек. Теперь, когда судейские протоколы чемпионата мира стали достоянием истории, когда подсчитаны секунды и очки, можно смело сказать: Валентина Стенина совершила спортивный подвиг.

Много лет наши конькобежки прочно удерживали первенство на крупнейших международных соревнованиях. Это стало уже традицией. Однако в последнее время победы приходили все с большим и большим трудом. На вес золота ценятся очки суммы многоборья. Вспомним, что после первого дня чемпионата в Тронхейме впереди была замечательная спортсменка из Корейской Народно-Демократической Республики Ким Сон Сун, что совсем близко к ней была голландка Стин Кайзер.

Вот они, три соперницы-подруги, стоят на пьедестале почета. Валя Стенина — с лавровым венком чемпионки мира. Все-таки она победила! Это третья ее победа в мировых конькобежных чемпионатах, и, право, самая почетная!

Фото В. Шандрина (ТАСС).

ДРУЖБА, ПРОВЕРЕННАЯ ВРЕМЕНЕМ

Исполнилось 18 лет со дня подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Советским Союзом и Венгерской Народной Республикой.

Годы, прошедшие после заключения этого Договора, еще больше упрочили братскую дружбу, связывающую народы двух стран, укрепили торговые, экономические и культурные связи.

На снимке: столица народной Венгрии. Новый мост через Дунай — «Эржебет».

Фото МТИ — ТАСС.

ПОПРАВКА К СПИСКУ ГЕРОЕВ

МНОГОКРАТНЫЕ ГЕРОИ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Издавна считалось, что только четыре советских военачальника имели по четыре ордена Красного Знамени за боевые подвиги во время гражданской войны. Вот их имена: В. К. Блюхер, С. С. Вострецов, Я. Ф. Фабрициус и И. Ф. Федько.

Но, оказывается, список прославленных героев не ограничивается этими четырьмя выдающимися командирами Красной Армии... Во 2-м номере «Военно-исторического журнала» публикуется сообщение сотрудников Государственного архива Советской Армии подполковника запаса А. Иванова и майора запаса В. Червякова о других героях гражданской войны, награжденных четырьмя и пятью орденами Красного Знамени.

В сообщении указывается, что ряд военачальников получили ордена Красного Знамени вместе с холодным (кортик) или огнестрельным (револьвер) оружием, на которых был прикреплен этот орден. С учетом этого обстоятельства пятикратными кавалерами ордена являются ныне здравствующий Маршал Советского Союза С. М. Буденный и покойный соратник В. И. Чапаева — И. С. Кутяков. Четырежды награждались орденами Красного Знамени (кроме уже упомянутых нами полководцев) такие видные военные деятели, как С. С. Каменев, Г. И. Котовский, И. П. Уборевич, Г. Д. Хаханьян, Н. В. Куйбышев и И. И. Хорун.

ПРИТЯЗАНИЯ И ФАКТЫ

Американская пресса комментирует посадку советской космической станции на Луне. «Советы,— заявило агентство ЮПИ,— одержали важную победу в соревновании с Соединенными Штатами в области высадки человека на Луну». «Русские сделали прыжок вперед: они опережают Соединенные Штаты»,— писала газета «Вашингтон пост». «Русские лидируют на данном этапе соревнования за высадку человека на Луне»,— отметила «Ньюс энд Обсервер». «Гонка к Луне идет в пользу России»,— с огорчением признала «Бостон Глоб».

В этой связи стоит, пожалуй, вспомнить о том, что заявляла американская пресса несколько лет назад. Вспомнить, как после преждевременных восторгов этой прессы дельцы в США продавали билеты на первые пассажирские полеты на Луну и даже распродавали лунные участки.

В статье «Давайте застолбим Луну теперь же!» американский журнал «Мекэникс Иллюстрэйтед» вполне серьезно советовал: «Мы можем побить красных посредством установки нашего флага на Луне, выстрелив им туда из ракеты». И далее: «Обладание Луной является таким важным фактором в сформулировании принципов, касающихся прав в межпланетном пространстве, что как раз теперь наступило время для правительства США действовать смело. Конгресс должен немедленно сделать заявление, устанавливающее юрисдикцию США на Луну по праву первого контакта. Установка американского флага на Луне может последовать за этим заявлением в качестве заявочного столба. Мы сможем забросить наш звездно-полосатый американский флаг на Луну, прежде чем русские оторвутся от Земли».

По заверению «Мекэникс Иллюстрэйтед», государственный секретарь Джон Фостер Даллес в свое время даже «предписал одному из своих помощников изучить все юридические проблемы, которые могут возникнуть в ближайшем будущем в космическом пространстве». Даже ставился вопрос о создании для этих целей специального отдела в госдепартаменте!

Для вящей убедительности своих рассуждений упомянутый журнал сопроводил статью рисунком, показывающим, как с помощью звездно-полосатого флага можно превратить Луну в колониальное владение и стратегическую базу США в космосе.

Борис ЗАВАДСКИЙ

Наша реплика

«МЯСОРУБКА ХЁРШИ»

Так назывался фельетон («Огонек» № 6, 1966 г.), в котором рассказывалось о воинственных мечтаниях генерал-лейтенанта Люиса Хёрши, главы ведомства по набору в американскую армию. В частности, говорилось о том, как Хёрши предполагает загнать в армию студентов и уголовников. И это было не преувеличение фельетониста. Мы специально назвали источник, из которого почерпнули столь оригинальные мысли,— американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Прошло несколько дней, и в том же журнале снова появилось имя генерала. На сей раз пишется уже не о его мечтаниях, а о том, как они претворяются в жизнь. Понятная поспешность. Агрессия во Вьетнаме требует все новых и новых солдат. Отныне их будут набирать за счет студентов. В зависимости от курса их теперь будут брать в армию — где треть от общего количества, где половину, где две трети и т. п.

Надеемся, «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» известит читателей и тогда, когда будет осуществлена вторая половина программы Хёрши (мобилизация уголовников). Судя по всему, без них американской армии уже никак не обойтись.

В. Н.

ЗОРИ СВЕРШЕНИЙ

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

ТАЛЛИН

Юноша Койт и девушка Хямарик любили друг друга. Судьба подарила им вечную жизнь, превратив Койта в утреннюю зарю, а Хямарик — в вечернюю. С тех пор и летят они по небосводу и светят людям; но только раз в году Койт может приблизиться к Хямарик настолько, чтобы увидеть кончики ее развевающихся розовых волос... Так поэтично говорит о происхождении зорь сказание древних эстов.

Нынче в Эстонии часто вспоминают это сказание: зима здесь морозная, яркая и румяная, и каждый вечер провожает людей на покой мирная Хямарик, и каждое утро Койт помогает начинать дневные дела.

Первые месяцы нового года. Обычно в это время подсчитывают плоды людского труда за прошлый год. И вместе с тем это — время новых начинаний и новых свершений. Сейчас они окрашены подготовкой к XXIII съезду партии. Каждое предприятие республики ко всем своим обычным делам прибавляет дела особые, предсъездовские.

...Таллин. Его в равной мере можно считать и древним и современным городом: стройка здесь началась семь с половиной веков назад, но, пожалуй, еще никогда тут не было так много новостроек сразу. Его юные спутники быстро растут: в Мустамяэ, например, первый дом появился в 1963 году, а сейчас в этом районе живет уже 28 тысяч человек.

В Таллине есть заводы, отметившие свой столетний юбилей; другие же рождены в пору нынешнего развития промышленности. Для тех и других город построил 49 новых корпусов из стекла и бетона. В тех и других готовятся сегодня трудовые подарки съезду.

Почти половина эстонской промышленности сосредоточена в Таллине, а для второй ее половины столица готовит инженеров и поставляет сырье. На каждом предприятии, в каждом учреждении чувствуется пульс республики.

Линии электропередач соединяют Таллин с Нарвой, с Прибалтийской ГРЭС, где рождается эстонское электричество. Недавно статистическое управление республики сообщило, что за семилетку производство электроэнергии и теплоэнергии в Эстонии выросло в 6,5 раза. И это заслуга Прибалтийской! Теперь рядом с ней начинается другая — Новоприбалтийская электростанция.

...Ярким заревом пылает сланцевый бассейн. В 1965 году шахты Эстонии подняли на-гора 15,8 миллиона тонн сланца. К съезду шахтеры решили дать сверх плана 40 тысяч тонн. А вот совсем маленькая капля в море предсъездовских дел шахтерского края: в Кохтла-Ярве открыли детский сад «Олимпия»...

...В эстонских колхозах идут отчетно-выборные собрания. Люди вспоминают два важных итога минувшего сельскохозяйственного года: поля дали по 22 центнера зерна и по 170 центнеров картофеля с гектара. Это большая высота! Но надо не только удержать ее, надо добиваться большего. Колхозные механизаторы обязуются ко дню открытия съезда привести в готовность всю свою железную конницу.

Добрые предсъездовские вести приносит каждый день труда республики.

Таллин. Улица Виру. Фото В. Сальмре.

Навстречу XXIII съезду КПСС

Имран КАСУМОВ,
секретарь правления
Союза писателей
Азербайджана

БАКУ

Бакинский аэропорт расположен на дальних подступах к городу: в окне самолета обычно мелькают лишь кромка моря, прибрежные поселки, рощи нефтяных вышек. Но вот недавно «ИЛ-18», на котором мы возвращались из Москвы, дожидаясь какой-то нужной сигнализации, был вынужден сделать широкий круг над Апшеронским полуостровом, и перед нашими взорами неожиданно открылась полная панорама Баку.

Мы, конечно, узнали свой город, но это было как бы новым знакомством: мы рассматривали Баку с высоты полета.

Я не отрывал глаз от полыхающего внизу светового моря и думал о том, что есть категория истин, не тускнеющих от повторений. Уже давно идет по земле слава об огнях Баку и слава о золотых руках тех, кто день ото дня делает эти огни все ярче. Они сейчас там, внизу: разведчик на морской буровой; ученый, проводящий в лаборатории еще одну бессонную ночь; строитель гигантского жилого массива на Нагорном плато; оператор за пультом управления нефтеперерабатывающей установки; молодая мать, склонившаяся над колыбелью ребенка; хлопкороб, работающий не в городе, но близкий всем его жителям.

Все они есть и будут главными героями нашего искусства. Но совершенно очевидно, что художнику, стремящемуся к подлинным высотам, нужно искать и находить новую точку зрения, позволяющую увидеть новые душевные качества своего современника.

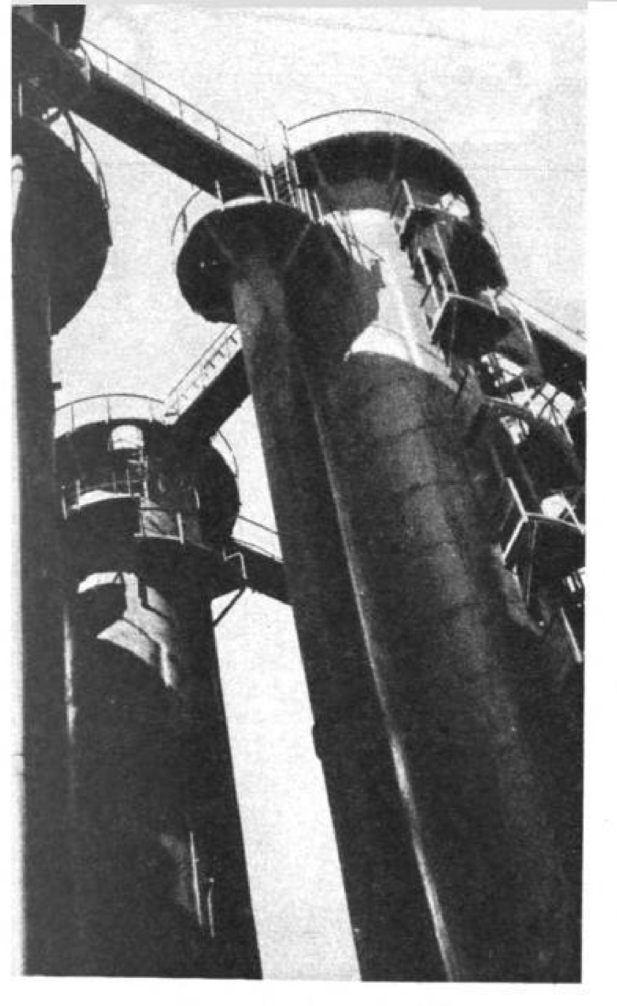
Я знаю, что сегодня, в преддверии XXIII съезда партии, в этом поиске находятся и азербайджанские художники: Кара Караев сейчас создает ораторию об отважных покорителях Каспия; Мирза Ибрагимов завершает роман «Маяк» — о трех поколениях рабочего класса Баку; живописцы Микаил Абдуллаев и Таир Салахов запечатлевают время и его героев в своих новых полотнах.

Я вспоминаю своего старого друга бурового мастера Михаила Павловича Каверочкина, надежного и неистового человека, сложившего голову в битвах с морской стихией. Он говорил мне: «Я на жаркой дороге. Дайте мне книгу или фильм, чтобы они были стаканом прозрачной родниковой воды. Я выпью, обрету новые силы, пойду дальше...»

И ответ на эту просьбу рабочего человека можно увидеть в новых свершениях художников моего народа, свершениях, наполненных светом идей нашей партии.

В академгородке Баку стал под крышу главный корпус Академии наук Азербайджанской ССР.
Фото Н. Игнатьева.

Королевство сланцевой химии.

Фото В. Сальмре.

Казалось бы, клей — явно второстепенное изделие сланцехимической промышленности. Но в век химии, синтетики клей приобретает огромное значение. До сих пор для склеивания синтетических материалов в нашей стране употребляли только дорогие импортные мастики. А недавно на комбинате «Стройпластмасс» в подмосковном городе Мытищи испытали клей, полученный на эстонском комбинате «Кивиыли» из сланцевых фенолов. Опыты дали отличные результаты. Мастика, изготовленная из сланцевой клеевой смолы, «ДФК-8» ничем не отличается от импортных. Она прекрасно склеивает поливинилхлоридные плиты, линолеум и другие синтетические материалы.

В отличие от подобных импортных клеев мастика «ДФК-8» не горит и не вызывает взрыва. Кроме того, этот клей не токсичен и, следовательно, не наносит вреда здоровью.

Новый клей сейчас завоевывает популярность у строителей и у работников предприятий, которые производят строительные материалы. А эстонские химики-сланцевики продолжают свои исследования, разрабатывают новые разновидности мастики для склеивания синтетических материалов.

Виктор СОРК

«Вольте» помогают молодеть

Таллинский завод «Вольта» — один из старейших электротехнических заводов страны: ему 60 лет. Сейчас он выпускает электромоторы, которые идут в 50 стран мира. «Вольта» все время омолаживается: строит новые корпуса, внедряет прогрессивные методы производства, улучшает оборудование...

Молодеть «Вольте» помогает прославленный венгерский Чепельский завод: по плану СЭВ он сделал для эстонского предприятия автоматическую линию, которая обрабатывает станины электродвигателей. Когда линия была привезена в Таллин, сюда приехала с Чепельского завода группа монтажа под руководством начальника сборочного цеха Ференца Вуковича и ведущего конструктора Йожефа Флейшера. Тотчас образовался интернациональный монтажный штаб из русских, эстонских и венгерских инженеров, наладчиков и электриков. Объединенными усилиями линия была приведена в действие. Сейчас она уже работает на полную мощность.

На снимке: друзья из Венгрии — ведущий конструктор Йожеф Флейшер и контрольный мастер Лайош Немет.

ЧИСТЫЙ ГОЛОС

Пятнадцать лет назад на Таллинской фабрике роялей появился рояль номер 1 — тот самый, который находится теперь в фойе театра «Эстония». Рояль с порядковым номером 23 стоит в Кремле, в Георгиевском зале. На нем играли Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс, Ван Клиберн. Несколько лет назад на международной выставке в Нью-Йорке Клиберн дал такой отзыв таллинскому роялю: «Мне было очень приятно играть на великолепном рояле «Эстония». Могу сказать, что голос его особенно чист и он может создать очаровательную атмосферу звука... Благодарю за доставленное наслаждение».

Недавно появилась на свет новая модель рояля — «Эстония-3». У нее компактный корпус, усовершенствованная клавиатура, новый советский полиэфирный лак придает инструменту густую сияющую черноту.

Эстонские пианисты считают, что «Эстония-3» получилась лучше всех предыдущих моделей.

Андрес ПЛООМПУУ

На снимке: голос струн пробует главный акустик Таллинской фабрики роялей Артур Курмет.

Эстафета столиц

ТАЛЛИН • БАКУ • ТАЛЛИН •

КОМФОРТ НА ПЕРЕПРАВЕ

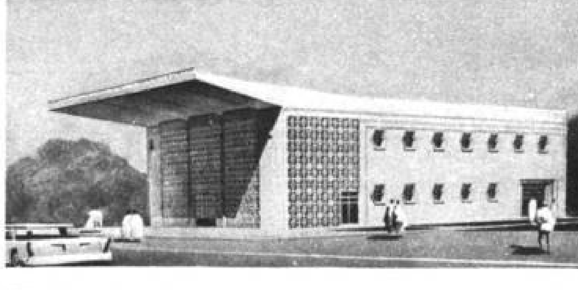
Каждый день в Баку к переправе подходит паром — либо «Советский Азербайджан», либо «Советский Туркменистан»,— открывает свое чрево, заглатывает железнодорожный состав в десятки вагонов и перебрасывает его по морю в Красноводск. Эти паромы изготовлены в Сормове.

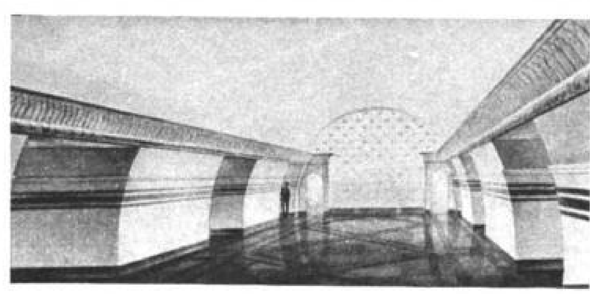
А недавно сормовцы спустили со стапелей еще одно такое же судно. Как рассказал нам главный диспетчер пассажирского флота в Каспийском пароходстве Эюб Юсупович Исмаилзаде, третий паром будет столь же комфортабельным, как и первые два. Он сможет перебрасывать на противоположный берег Каспия автобусы, легковые машины и пассажиров за одиннадцать с половиной часов. Имя нового парома — «Большевик Гамид Султанов».

И. МАМЕДОВА

На снимке: паром через Каспий.

КОЛЬЦО ЭКСПРЕССОВ

В Баку строится метрополитен. Он будет пятым метро в нашей стране. Сейчас в центре города, около здания Бакинского горисполкома, сооружается станция «Коммунистическая». Отсюда возьмет начало первая трасса под землей. Она свяжет улицу Коммунистическую с площадью имени 26 бакинских комиссаров и железнодорожным вокзалом. Дальше экспрессы пойдут по кольцу. Это будет в конце следующего года.

На снимке: макет станции «Нефтезаводская».

Доктор соленых степей

Бич Мугани, Ширванской и Мильско-Карабахской степей — соль. Громадные массивы засоленных земель ждут, когда к ним придет человек и вернет им здоровье, чтоб они смогли приносить людям пользу. Гидротехники и мелиораторы давно уже работают на этих землях. Однако дело движется медленно.

Сейчас два бакинских коллектива — научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации и ремонтно-экскаваторный механический завод — создали новый дреноукладочный комбайн. Он укладывает трубы диаметром до 300 миллиметров. Десять таких комбайнов уже уложили многокилометровую дренажную сеть в соленых степях Азербайджана.

В. ДИМИТРОВ,
сотрудник газеты «Бакинский рабочий»

СВОЕНРАВНАЯ КРАСОТА

Что может увезти с собой турист на память о Таллине? Керамическую вазу, скатерть или салфетки с национальным орнаментом, серебряные браслеты, кольца, застежки... Все эти сувениры сделаны Таллинским художественным комбинатом.

«Удивительно своенравна красота... Она никак не хочет быть привязанной к затвердевшим формам, которые так нравятся профессорам академий...» — это писал на рубеже прошлого и нынешнего столетий старый мастер эстонского искусства Кристьян Рауд. О своенравном характере красоты не забывают эстонские художники в ателье художественной обработки металла. Мастер ателье Эгон Родима показывает нам браслет — прямой потомок тех, что носили эстонские женщины в далекой древности. Он дошел до наших дней, стилизованный, лаконичный, и обрел более смелую форму. Художники ателье ищут новые пути в обработке металла, пробуют слить его с эмалью и драгоценными камнями. Сейчас в руках мастеров новые орнаменты 1966 года.

Виктор КЕЛЬДЕР

На снимке: потомственный ювелир Лиа Манг.

Летите, парни...

Хандо РУННЕЛЬ

Я кошу, я поля пашу,
в дальних звездах струится воздух.
Я пашу и стада пасу —
пусть молодые летят к звездам.

Летите, парни, меня не ждите!
У меня плуг и тяжелый трактор.
И с кобылой моей, как видите,
было б в космосе трудновато.

А без них не могу я, парни,
крепко держит меня земля,
рук моих ожидают пашни —
вы летите, а мне нельзя.

Знаю толк в черноземных почвах,
резать лемехом пласт умею.
Ну, а в звездах, орбитах и прочем
вы окажетесь поумнее.

Я кошу и поля пашу,
в близких звездах струится воздух.
Я пашу и стада пасу —
сыновья прилетят к звездам.

Перевод с эстонского Роберта ВИНОНЕНА.

ПРИЗНАНИЕ И СЛАВА

Признание и слава пришли к эстонской балерине Хельми Пуур после первых же выступлений. Уже в двадцать два года она стала заслуженной артисткой ЭССР.

Внезапно Хельми Пуур сразило тяжелое заболевание. Казалось, возвращение на сцену невозможно. Ее лечили врачи Таллина и Тарту, Ленинграда и Москвы.

Август 1960 года. Сцена «Эстонии» засыпана цветами. Друзья театра празднуют второе рождение Хельми Пуур.

И вдруг новая беда. Снова болезнь, теперь уже другая, подстерегла Хельми. И ей пришлось еще раз начинать все сначала: учиться вставать, ходить, делать примитивную гимнастику.

Силы прибывают, и труд в больничной палате становится все более упорным. И так каждый день, несколько лет... Наконец наступает час, когда Хельми вновь обращается к тем педагогам, у которых училась в юности,— к народной артистке СССР Наталии Дудинской и к народной артистке РСФСР Алле Шелест.

Полгода назад, в дни 25-летия республики, Хельми снова вернулась в театр. Уже выступила в балете «Ромео и Джульетта». На очереди — «Жизель». Позади гастроли в Кремлевском театре, где она танцевала «Шопениану». Москвичи назвали ее эстонской Улановой...

Эльвира ЭННОК,
артистка Государственного русского драматического театра ЭССР

На снимке: Хельми Пуур — Джульетта.

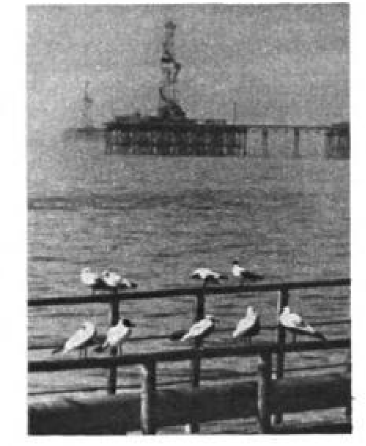

БАКУ • ТАЛЛИН • БАКУ • ТАЛЛИН • БАКУ • ТАЛЛИН

СВОИ ПИРОГИ

В редакционную почту поступили два читательских письма с Нефтяных Камней—поселка в море. Слесарь нефтепромыслового управления имени XXII съезда КПСС С. Ананян сообщает: «Здесь, на искусственно созданном песчаном островке, построен новый хлебозавод, который будет выпекать в сутки до десяти тонн хлеба и булок. При заводе цех кондитерских изделий. Так что теперь мы сможем лакомиться собственными пирогами».

Педагог вахтенной школы П. Джавахишвили прислал свои рисунки и фотографии Нефтяных Камней. Одну из них — «Крылатые друзья нефтяников» — мы публикуем.

КИНОРАССКАЗ О 26

В Баку из Москвы прибыла только что отснятая кинолента о двадцати шести бакинских комиссарах. Режиссер-постановщик Аждар Ибрагимов создал ее на студии «Мосфильм» силами московских и бакинских кинематографистов. Город на Каспии был свидетелем массовых съемок этого фильма. И бакинцы первыми увидят широкоэкранную эпопею, посвященную незабываемой странице истории борьбы за Советскую власть на Кавказе.

А. КУЛИЕВА

На снимке: рабочий момент.

Фото С. Кулишова.

КЛЮВ САМЕНДАРА

Шахова коса. Так называют оконечность Апшеронского полуострова—чуть выгнутую полосу песка, на километры врезавшуюся в воды Каспия. В Азербайджане ее сравнивают с острым клювом птицы Самендар. По преданию, добрая Самендар являлась людям в пламени огня из апшеронских недр, богатых нефтью и газом.

Эта легенда невольно вспоминается сейчас, когда глядишь на семидесятиметровую вышку, птицей спустившуюся из подоблачных высей на Шахову косу. Здесь намечено пробурить первую в Европе скважину глубиной в семь километров — к залежам нефти и газа, источникам огня.

Бакинцы называют ее просто «Сотой» — по номеру в ряду разведочных скважин, рассчитанных на сверхглубины. Принял буровую прославленный в Азербайджане проходчик недр Ага Дадаш Кербалай оглы. Еще никто в стране не бурил глубже, чем он: самая глубокая его нефтяная скважина — 5 044 метра.

По технической оснащенности «Сотая» может соревноваться с крупным заводом.

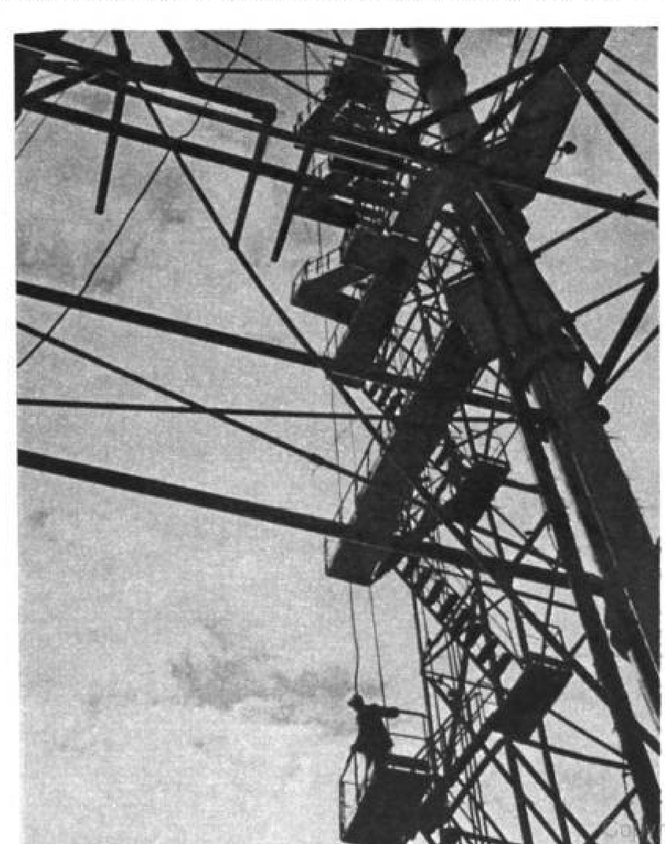
Проходка семикилометровой скважины должна осветить многие вопросы геологии, бурения и разработки нефтяных и газовых месторождений. Геологи получат ценные сведения по всему разрезу возможной нефтеносности.

Сейчас разведочное долото находится почти на полпути к намеченной отметке — на забое в 3 300 метров. И вот впервые в практике бурения — спуск обсадной колонны на такую глубину. С завидной легкостью Самендар вонзает в недра длинный клюв из стальных труб...

К. ВАРЛАМОВ,
сотрудник газеты «Бакинский рабочий»

На снимке: скважина № 100 — самая глубокая буровая в Азербайджане.

Фото К. Кузьменко.

Рибера

В. Н. ЛАЗАРЕВ,
профессор

Рубеж XVI—XVII веков был в европейском искусстве эпохой глубокого кризиса. Господствовавшее во второй половине XVI столетия направление зашло в тупик. Его далекие от жизни образы, холодные и надуманные, все меньше и меньше отвечали новым общественным запросам. Католическая церковь, отстаивавшая в романских странах свои позиции, нуждалась для пропаганды своих идей в ином искусстве — более живом и полнокровном, понятном широким массам, обладавшем силой и непосредственностью эмоционального воздействия. Таким искусством было искусство барокко, ранее всего сложившееся на итальянской почве и вскоре получившее распространение во всех тех европейских странах, где католицизм, остался господствующей религией.

Создателями нового, барочного стиля были братья Каррачи, Караваджо, Бернини. Среди них Караваджо (1573—1610) занимает несколько особое место. Он наиболее решительно порвал с маньеристическими традициями и наиболее последовательно отстаивал в искусстве новые, реалистические принципы. И если и ему пришлось отдать дань барочной патетике, то среди итальянских живописцев его времени он был самым сдержанным, самым мужественным и самым жизнелюбивым. Вот почему его искусство породило такой широкий отклик во всех европейских странах, включая Испанию, вот почему караваджизм стал своего рода боевым знаменем, под которым боролись за новые эстетические идеалы все передовые художники. Среди них был и Рибера, сделавший наиболее последовательные выводы из художественной реформы Караваджо.

Хосе Рибера родился в 1591 году в Хáтиве, небольшом испанском городе, расположенном на одном из склонов горной цепи Южной Валенсии. По-видимому, первые уроки живописи он получил у местного живописца Франсиско Рибальты, одного из самых ранних испанских караваджистов. Как теперь выясняется, произведения Караваджо и его ближайших учеников находились в довольно большом количестве в испанских собраниях и привлекли к себе пристальное внимание не только Рибальты, но и Хуана Санчеса Котана и Хуана Баутиста Майно, а позднее также Сурбарана и Веласкеса. Остаются неясными причины, по которым Рибера покинул свою родину в 1612—1613 годах. Известный свет на это бросают слова самого художника, сказанные им испанскому живописцу Хусепе Мартинесу, который посетил его в Неаполе в 1625 году: «...Испания — добрая мать для иностранцев и жесточайшая мачеха для своих собственных уроженцев. Я очень хорошо принят и очень высоко ценим в этом городе (то есть, в Неаполе) и королевстве, оплата моих работ меня совершенно удовлетворяет, и вот я следую правдивой пословице: кому хорошо, тот не двигается [с места]». Но прежде чем попасть в Неаполь, Рибера побывал в Риме и в Северной Италии, где изучал творения великих мастеров. За свой малый рост и молодость Рибера получил в Риме прозвище «Спаньолетто» («Испанчик»). Вначале жизнь его была трудной. Лишенный средств, голодный и оборванный, он все же со свойственной ему страстью отдавался любимому им делу. Особенно сильное впечатление произвели на него работы Рафаэля и Караваджо. Первые привлекали его своей построенностью, своим композиционным ритмом, вторые — своим плебейским реализмом, осязательной ощутимостью и конкретностью образов. Именно Караваджо научил Риберу лепить форму резкими контрастами света и тени и пользоваться плотными, тяжелыми, черноватыми тенями, призванными усилить материальность изображаемых объемов. Караваджо привил ему вкус к такому свету, который падает сверху вниз и который как бы вырывает из окружающей их тьмы фигуры и предметы.

Не позднее 1620 года Рибера приехал в Неаполь, где протекала вся его дальнейшая художественная деятельность. Неаполь находился в руках испанцев, проводивших здесь политику жесткой руки. Неаполитанские вице-короли стремились подавить все местные демократические традиции, что привело в конце концов к кровавому восстанию Мазаньелло (1647). При их дворе господствовал строгий и чопорный испанский этикет, огромным влиянием пользовалась католическая церковь, процветали бесконечные дворцовые интриги. Не меньшие интриги находили себе место и в среде художников, перебивавших друг у друга придворные заказы. Официальным стилем было барокко, получившее на неаполитанской почве оттенок подчеркнутой помпезности. В живописи особой популярностью пользовались разнообразные сцены мученичеств, на которых нередко лежит печать неприкрытой жестокости и религиозного фанатизма. Это была среда, погубившая много первоклассных дарований. И хотя Рибера не сумел целиком избегнуть влияния этой придворной среды, он все же сохранил те крепкие демократические навыки, которые вынес из Валенсии и которые позволили ему остаться поборником реалистической доктрины даже в этих трудных условиях.

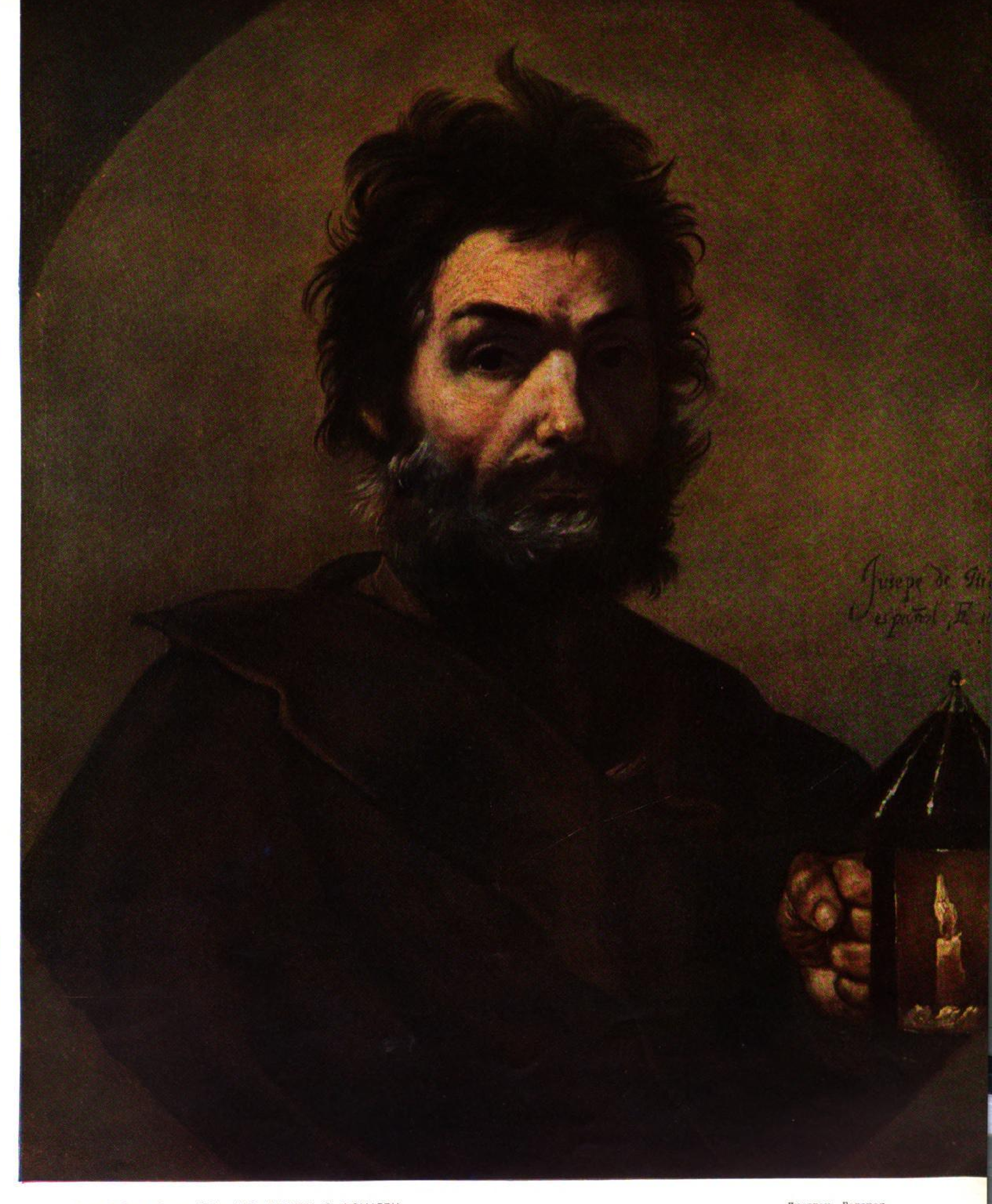
Первым обратил внимание на Риберу герцог де Осуна. С этого времени Рибера стал придворным художником неаполитанских вице-королей. Большинство своих картин он выполнял по их заказам и заказам испанской и неаполитанской знати. Наряду с живописью Рибера занимался и графикой. В 20-е годы он создал ряд превосходных офортов с применением сухой иглы. Эти офорты принадлежат к лучшему, что оставил после себя художник. Выполненные в уверенной и свободной манере, они отличаются удивительной прозрачностью и как бы залиты рассеянным серебристым светом, что дало повод некоторым исследователям говорить об их своеобразном пленэризме.

О видном положении Риберы в Неаполе свидетельствует такой факт, как посещение его в 1629 или в начале 1630 года Веласкесом. С этого времени Рибера начинает получать заказы и от испанского короля Филиппа IV, в чем нельзя не усматривать воздействие на последнего Веласкеса, который высоко ценил Риберу и считал, что по силе и красоте красок он далеко опередил всех других живописцев.

Среди немногочисленных отзывов Риберы о современных ему художниках весьма интересна его отрицательная оценка болонского живописца Доменикино — одного из наиболее типичных представителей болонского академизма. Рибера порицает его за то, что он не умеет писать, так как «берет краски не из наблюденной натуры». Выступая против Доменикино, Рибера, однако, не сумел в своем собственном творчестве избегнуть академической идеализации природы. Нередко в его полотнах (особенно больших алтарных образáх) мы находим приукрашенный, слащавый типаж, преувеличенную патетику жестов, погоню за эффектной, внешне понятой драматической ситуацией. Но не следует никогда забывать, что дань болонскому академизму в той или иной степени отдали все итальянские живописцы, даже и те, кто принадлежал к реалистическому лагерю. В этом проявлялась консервативность дворянских вкусов, воспитанных на образцах «облагороженной натуры».

Последние годы жизни Риберы были омрачены рядом горьких разочарований. Восстание Мазаньелло поколебало его положение как придворного живописца. Уменьшилось количество заказов, и он впал в бедность, принужденный выпрашивать деньги у своих богатых заказчиков. Тяжелым ударом для художника стал роман его дочери с принцем Хуаном Австрийским II, незаконным сыном Филиппа IV. Она бежала с принцем в Палермо, обесчестив имя своего отца в глазах испанской знати. Рибера покинул Неаполь и переселился в Позилиппо, где умер всеми забытый 2 сентября 1652 года.

Если не считать офортов, от Риберы осталось большое количество картин, довольно равномерно охватывающих все основные периоды его творчества. Далеко не все из этих картин он выполнял полностью собственноручно. У него была большая мастерская, и он широко использовал труд своих учеников и помощников. Этим отчасти объясняется неодинаковое качество его работ, даже если они несут на себе подпись художника. Рибера писал и большие парадные алтарные образá, и картины на модные в те времена античные темы, и жанровые композиции, и портреты. Он любил создавать серии картин, объединенные одной темой («апостолы», «пророки», «античные философы»). Лучше всего ему удавались однофигурные композиции, скупые и монументальные, ясные и простые (особенно хороши «Св. Себастьян», «Св. Онуфрий», «Сон Иакова», «Св. Инеса», «Хромоножка», «Св. Иероним» и другие). В них есть нечто столь неподражаемо испанское, что они с первого же взгляда выдают руку соотечественника Сурбарана. Намного слабее многофигурные композиции Риберы (если не считать таких замечательных вещей, как «Иаков со стадом Лавана» и «Оплакивание Христа»). В этих картинах немало от барочной риторики, от искусственности поз и жестов. Несмотря на то, что Рибера внимательно изучал творения Рафаэля, достижение слитной, естественной композиции всегда было для него трудным делом. Невольно создается такое впечатление, как будто он заполняет пустоты картины дополнительны-

Хосе Рибера. Около 1591—1652. ДИОГЕН С ФОНАРЕМ. Дрезден. Галерея.

Хосе Рибера. АНТОНИЙ ОТШЕЛЬНИК. Фрагмент.

Москва. Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

ми фигурами и предметами, не обладая даром объединить их в единую ритмичную композицию. Зато в передаче отдельных кусков природы Рибера неподражаем. Как никто другой, чувствовал он живую плоть, будь то цветущее молодое тело или изборожденная морщинами старческая кожа. В этой связи А. Н. Бенуа делает тонкое наблюдение. «Гениальность Риберы,— пишет он,— сказывается именно в том, что у него вибрирует каждая пядь эпидермы, всюду под оболочкой упругих, трепещущих мускулов чувствуется мощный, полный жизни механизм костяка». Вот почему даже в своих самых «контрреформационных» полотнах Рибера достигает такой материальной ощутимости и такой силы и непосредственности выражения, которые тщетно было бы искать у современных ему итальянских и особенно неаполитанских художников.

Для передачи столь ценимой им плоти вещей Рибера выработал совсем особую живописную технику. Он пишет кистью с тонкими жесткими волосками, накладывая краску на поверхность грубого холста жирным, плотным слоем. В более ранних вещах он отдает предпочтение резким свето-теневым контрастам и темной грунтовке с примесью асфальта. С середины 30-х годов характер письма меняется: все становится более легким и воздушным, исчезают былые тяжелые красноватые тени, увеличивается количество промежуточных оттенков между наиболее освещенными и затененными частями, колористическая гамма обретает благородный серебристый оттенок. Классическим образцом живописи этого рода является эрмитажный «Св. Онуфрий» (от 1637 года), поражающий тонкостью тональных соотношений и строгостью и лаконизмом письма. В поздних картинах Риберы с их великолепной красочностью особенно хороши янтарно-золотистые тона, как бы излучающие из себя скрытое в них сияние. Но и в поздних вещах Рибера охотно прибегает к пастозной манере письма, которая чередуется у него с иной манерой — более гладкой и невесомой. Это крайне затрудняет датировку картин Риберы. Их невозможно выстроить в один последовательный ряд, так как в них встречаются порою совсем неожиданные, выпадающие из строгих хронологических рамок решения.

Самая ранняя из воспроизводимых в этом номере журнала работ Риберы — «Св. Себастьян и св. Ирина» (1628 г.). Эта хранящаяся в Государственном Эрмитаже картина относится еще к раннему периоду творчества художника, когда он писал в темной (тенеброзо) манере. Падающий сверху свет как бы выхватывает фигуры из окружающей их тьмы, загораясь на лицах и руках женщины и на мертвом теле Себастьяна. В позе погибшего мученика есть немало показного и искусственного, от чего Рибера откажется в своих зрелых работах. Но, как всегда, великолепно написано тело, обнаруживающее глубокие познания художника.

Уже к 30-м годам относится «Диоген» (1637 г.), входивший в состав серии воображаемых портретов прославленных античных мудрецов (Дрезденская картинная галерея). В этих портретах тщетно было бы искать иконографической достоверности. Типаж для своих философов Рибера выискивал на площадях и улицах Неаполя, среди самых демократических кругов населения. Перед нами пожилой человек с усталым, бледным лицом, с всклокоченными волосами и бородой. В руках он держит фонарь — эмблему Диогена. Письмо решительное, смелое, волевое. Энергичные контрасты света и тени лепят форму, обретающую на наших глазах такую реальность, что невольно хочется прикоснуться к ней руками, в такой мере она воздействует на наше чувство осязания. Здесь особенно ясно видно, насколько органически усвоил Рибера основные художественные принципы караваджевского искусства.

Пожалуй, к числу самых совершенных работ Риберы относится дрезденская «Св. Инеса» (1641 г.). В этой картине художник не оставляет места ничему внешнему, никакой барочной патетике. В образе святой он достигает необычайной одухотворенности. Выставленная палачами совсем обнаженной на поругание толпе, Инеса прикрывает свою наготу длинными, ниспадающими с плеч волосами и белым покрывалом, принесенным ангелом. Вполне возможно, что моделью для художника послужила его дочь. Но Рибера отказался от точной передачи натуры и преобразил реальный образ в направлении такой душевной тонкости и поэтичности, которые были не очень свойственны его искусству. Фигура Инесы как бы погружена в потоки золотистого света, отчего она обретает необычайную мягкость и нежность, в которых, однако, нет и намека на слащавость, присущую многим женским образам мастера.

Самая поздняя из воспроизведенных здесь работ Риберы — деталь московской картины, изображающей Антония Отшельника. Эта подписная вещь датирована 1647 годом. Как верно отмечают, святой написан с той же модели, которая была использована художником в его известном полотне в Прадо («Апостол Андрей»). Перед нами крепкий старик с умным, энергичным лицом. В отличие от Рембрандта Рибера передает не столько внутренний мир своей модели, сколько все индивидуальные приметы старческого лица — глубокие морщины и борозды, впадины и выпуклости кожи, особый характер волос, необычную форму бороды. Этот своеобразный физиологизм ограничивает рамки риберовского реализма, в чем сказывается его внутренняя близость к караваджизму.

Искусство Риберы благодаря глубокой последовательности реалистических установок мастера породило широкий отклик и в Неаполе и в Испании. В Неаполе под его сильным влиянием находились братья Фраканцано, Бартоломео Пассанте, Сальватор Роза, Лука Джордано, Массимо Станционе, Андреа Ваккаро, Пьетро Новелли и Маттиа Прети, в Испании следы его воздействия обнаруживаются в работах Алонсо Кано, Переды, Хуана де Севильи, Эстебана Марча и Мурильо, в Голландии его офортами увлекался сам великий Рембрандт.

Все эти мастера, каждый по-своему, использовали творческое наследие Риберы. Одним он импонировал драматизмом своих образов, другим — трезвым, неприкрытым реализмом, третьих он притягивал смелостью свето-теневых решений. Но можно без преувеличения утверждать, что всем им он помогал отойти от академических формул и рецептов и в какой-то мере преодолеть условность барочных штампов. А для XVII века с его засильем барочной эстетики это было явлением глубоко прогрессивным, во многом подготовившим почву для победы реалистических течений.

Историческая судьба Риберы, как всякого большого художника, была противоречивой. Его личность начала быстро обрастать легендами, в чем был немало повинен историограф неаполитанской живописи де Доминичи. С именем Риберы стали связывать не только изображения кровавых сцен мученичеств, но и мифических кровавых деяний в жизни. Кое-что от этой традиции перешло в поэму Байрона «Дон Жуан», в которой мы читаем следующие характерные строки о Рибере:

«Spagnoletto tainted
His brush with all the blood of all the sainted».

(Спаньолетто опорочил свою кисть кровью всех святых). Отклики этой же романтической традиции дают о себе знать и у А. Н. Бенуа, писавшего, что «от своих товарищей-караваджистов —нидерландцев, французов и итальянцев — Рибера отличается тем, что для него огромное внимание к жизни, требуемое натурализмом, обусловлено аскетической, чисто испанской мыслью о тленности всего земного существования. Он любуется жизнью, как пушкинский Дон Карлос любуется Лаурой, считая нужным перед горячим лобзанием напомнить любимой о старости, о разрушении тела, о смерти». И хотя в этих словах отражена какая-то грань риберовского творчества, эта грань была все же не главной. Гораздо существеннее было то жизнеутверждающее начало, которое несло с собою творчество мастера, во многом перекликающееся с современной ему испанской литературой. И это прекрасно поняли русские художники XIX века, иначе Крамской, Чистяков, Савицкий и Суриков не дали бы столь высокой оценки лучшим творениям Риберы. Для них он был, а для нас он остается и по сей день одним из крупнейших представителей испанской реалистической живописи XVII века.

ЧЕЛОВЕК—ЛЕГЕНДА

«...Если написать о Камо всё, что я слышал, никто не поверит в реальное существование такого человека, и читатель примет образ Камо как выдумку беллетриста...— сказал в свое время Алексей Максимович Горький.— Но, как нередко случается, оказалось, что действительность превышает «выдумку» своей сложностью и яркостью».

Кинофильм «Чрезвычайное поручение» счастливо вобрал в себя и сложность сюжета и яркость образа героя. И герою особенно повезло! Ведь иногда актер играет в нескольких фильмах, а зрители не запоминают его, хотя роли вовсе не были эпизодическими. А вдруг тот же актер в новом фильме сразу завоевывает признание миллионов, находит дорогу к самому их сердцу. Что же произошло? Актер нашел самого себя, нашел свою роль и раскрылся в ней, заблистав всеми гранями оригинального, неповторимого дарования.

Несколько лет назад зрители тепло приняли артиста Гургена Тонунца в картине «Арменфильма» «Лично известен». Наверное, до этого Тонунц снимался и в других фильмах. Однако настоящее знакомство массового зрителя с актером состоялось именно тогда, когда актер предстал в образе Камо — человека редчайшей воли, изумительной отваги.

Новая встреча с Камо в картине «Чрезвычайное поручение» — хорошая, обогащающая нас встреча. В новом фильме наш герой умудрен боевым опытом — он возмужал. У него орлиная зоркость, и в то же время он стал еще человечнее. Подкупают его задушевность и простота. У него редчайшая активность жизнеутверждения; он обаятелен и остроумен. Смотришь на Камо-Тонунца и вспоминаешь слова, которые неистовый Симон Тер-Петросян (Камо) шутливо говорил о себе: «Земля смеется, когда я по ней хожу, она радуется моей жизни».

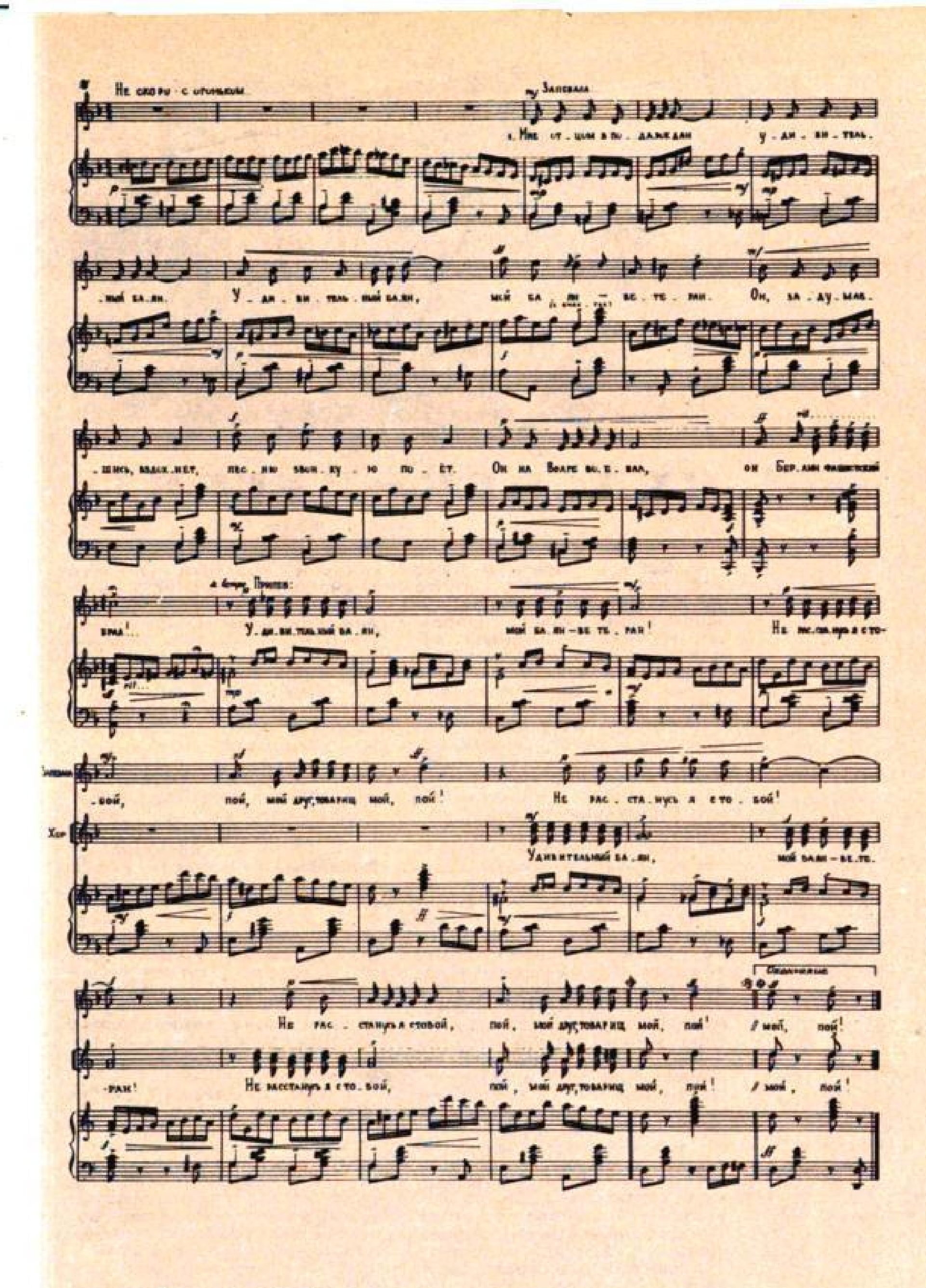
Фильм от первого до последнего кадра смотрится с неослабеваемым интересом. Начинается он так: Камо только что вышел из кабинета Ленина, получив от Владимира Ильича чрезвычайное поручение—доставить Степану Шаумяну удостоверение о назначении его чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа; Камо надо пробраться через неимоверно сложные вражеские кордоны; живой, динамический кинорассказ переносит нас в самую гущу захватывающих событий...

Фильм «Чрезвычайное поручение» открыл зрителям еще одного незаурядного актера —С. Соколовского в роли небезызвестного Бориса Савинкова, волевого, опасного врага революции. В картине занят также Борис Чирков, мастерски показывающий недавнего агента царской охранки, который «по наследству» перешел к белогвардейцам.

Сценарист Константин Исаев, режиссеры-постановщики Степан Кеворков и Эразм Карамян создали яркую киноповесть о легендарном времени и о человеке-легенде Камо.

Михаил АНДРИАСОВ

На снимке: кадр из фильма «Чрезвычайное поручение».

Баян-ветеран

Слова М. РУДЕРМАНА.

Музыка К. ЛИСТОВА.

Мне отцом в подарок дан
Удивительный баян.
Удивительный баян,
Мой баян-ветеран.
Он, задумавшись, вздохнет,
Песню звонкую поет.
Он на Волге воевал,
Он Берлин фашистский брал!..

Припев:

Удивительный баян,
Мой баян-ветеран.
Не расстанусь я с тобой,
Пой, мой друг, товарищ мой,
Пой!..

Был баян мой на войне,
А потом — на целине.
Снова в армии поет,
Мир и счастье бережет,
Славит Родину мою —
Снова мой баян в строю.
Запевала фронтовой,
Пой о жизни молодой!

Припев:

Удивительный баян,
Мой баян-ветеран.
Не расстанусь я с тобой,
Пой, мой друг, товарищ мой,
Пой!..

«Баян-ветеран» — так называется песня, которую мы здесь печатаем. Боян-ветеран — так нам хочется назвать ее автора Константина Яковлевича Листова.

В старину на Руси боянами называли певцов-дружинников, тех, что воспевали славные подвиги своей рати. Славным делам героической Советской Армии посвятил большинство своих песен композитор Листов. В годы гражданской войны начал писать их красногвардеец Константин Листов, а на фронтах Великой Отечественной войны — майор Листов.

Когда руководитель Ансамбля песни и пляски Советской Армии А. В. Александров познакомился с нотами «Песни о тачанке», он сказал авторам: «Будем петь ее не меньше пяти лет». Это было в 1937 году. И до сих пор ее поют. «Землянка» написана в 1942 году. Ее тоже поют до сих пор.

Мы будем рады, если долгая жизнь уготована и этой песне!

26 АПР 19

Рассказ

Всеволод ИВАНОВ

Газету принесли очень рано. Сведения в ней были обычные, военные. Впрочем, Петр Игнатьевич не совсем внимательно и прочел. Дело в том, что вчера сослуживец, человек вялый и на память неспорый, сказал: «А кто-то мне передавал, Петр Игнатьевич, кто, хоть убей, не помню, будто на прежней вашей квартире, собственно, в соседнем домоуправлении, поскольку ваша квартира разбомблена, ждет вас письмо и, если не ошибаюсь, из Саратова». Вот и все.

Кто из Саратова? Почему из Саратова? До войны семья Власовых была чрезвычайно многочисленной. В Гомеле, где они жили, многолюдной семьей не удивишь, но о семье Власовых даже упоминалось в газете. Писали также, что семья дружна, впрочем, так обо всех семьях пишут. Разумеется, были ссоры, и даже по пустякам, но теперь, если вглядеться, семья действительно была отличная, почти несбыточно отличная.

Недобрая година досталась Власовым! В первые же дни войны убило стариков, там принялось за тех, кто помоложе, а по дороге, знать, унесло и детей. Перед самой войной Петр Игнатьевич — он к тому времени работал в Москве — отправил жену с тремя детьми погостить к родителям. Писем от жены не было недели две. Пришел он как-то с учения — его уже зачислили в ополчение,— а в окне столовой гудит здоровеннейший шмель и гудит так, словно овладел всей квартирой. На столе письмо, почерк чужой.

От всей семьи с ее детьми, внуками, племянниками, двоюродными, троюродными, бабками и глуховатыми дедами уцелели только два брата: старший, Петр, и младший, Иван. И от Ивана не было с фронта вестей вот уже месяцев пять. А парень он очень аккуратный, и не мог он написать на прежний адрес: по его же словам, новый адрес брата он запомнил наизусть — Якиманка, 34, кв. 15.

«Может быть, знакомый? Или фронтовой его товарищ в Саратове, которому и передал он последние слова? — думал в смятении Петр Игнатьевич.— Но почему, повторяю, по прежнему адресу? Бредил, что ли? Поскорее бы окончить служебные поручения — для того и поднялся рано — и получить письмо. Как фамилия этого профессора, который временно исполняет обязанности управдома? Что-то странное. Ах, да, профессор Мускусный, юрист. Впрочем, если привыкнуть, ничего странного и нет».

Но при всем том, если оглядеться, день

Из рукописного наследства. Публикация Т. В. Ивановой.

ЕЛЯ 44 ГОДА

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

хорош, крайне хорош, несмотря на все перенесенные страдания, а может быть, именно потому. То, что не увидали твои дети, жена, сестра, отец и мать, твои племянники и племянницы, досмотри и дорадуйся ты! В этом наслаждении нет ничего позорного, наоборот, оно даже в какой-то степени обязательно — то, что называют «овершением», когда мечут верх скирда. «Мы ведь выехали все из деревни и еще помним эти деревенские термины».

Уже несколько лет сон для Власова не имел былой юношеской свежести. Ему не хотелось, как прежде, поваляться свободные полчаса в постели, когда словно рассматриваешь те грезы, которые не успел рассмотреть ночью. И чем он меньше спал, тем больше он был доволен сам собой. Вот и сегодня, несмотря на это письмо!

Для него чудесным и необыкновенным сном стал день, каждый и благословенный день его жизни. Вчерашний день он вспоминал как нечто удивительное, поражающее, нечто наполняющее его существо наслаждением и тонким чувством восторга. Он был уверен, что для тех, кто хоть раз испытал это чувство, оно становится такой необходимой потребностью, что они начинают предпочитать его всякой другой жизненной радости, желая возможно чаще вызвать его.

И в еще сильнейшей степени это относилось к каждому новому дню, который он встречал с бьющимся сердцем и с широко распахнутой душой. Иначе его жизни нет никакого оправдания!

И так как в силу случайности эти дни его протекали в Москве, то видеть и ощущать Москву для него было первой и последней целью, целью, пред которой бледнело всякое иное желание, угасало всякое другое чувство, исчезало всякое иное пламя страсти. Он знал, что живет в такую историческую эпоху, когда внешние условия в высшей степени благоприятствуют развитию скрытого зародыша любви к этому великому и многоумному, как Одиссей, городу.

Но он понимал также, что в развитии этой любви есть доля и его заслуги. Как-никак он много работал в этом городе, посидел в трудах, многому научился и многих научил многому хорошему. И теперь, когда эта сильная любовь к родному и милому городу наполняла его сердце робостью, стыдливостью и таинственностью, словно возвращая его к уже оставленным берегам юности, он считал законным и справедливым это чувство преданности к городу и преданности города к нему, этому человеку в потертом кожаном пальто и засаленной по краям, старой кепке.

«Однако при всем том было бы крайне любопытно узнать, что в этом письме. В дни войны каждое письмо — несомненная и точная определяемость того чувства, которое владеет тобой. Я убежден в этом и потому-то так стремлюсь его получить. Ах да, вспомнил. В Саратове живет Опочин, которого я просил навести справки — он уезжал ведь в Гомель,— достали ли трупы моих родных из-под развалин и где похоронили. Мне так и не удалось до сих пор побывать в Гомеле. И, кажется, думая о родных, забывшись, я дал Опочину свой прежний адрес. Да, да! Несомненно».

Особенно любил он этот город на заре.

Власов одевался с тем чувством робости, с которым ты всходишь на вершину горы, когда тебя охватывает холодный и благодетельный воздух горных высот, блеск и течение света, отражаемого близлежащими, еще полными синего ночного цвета ледниками и плывущими над тобой облаками, отражающими и эти скалы, и эти льды, и течение света, и самого тебя, утопающего среди скал, льдов и высокого священного пространства. В юности он любил лазить по горам.

И это чувство не покидало его, пока он спускался по длинной лестнице дома, еще темной, так как прикрытые синей толстой бумагой окна лестницы пропускали только узкие полоски света, похожие на струйки дыма. Никого он не встречал, и это радовало его: он первым, первым вступит в город, в город на заре!

Затем он выходил на улицу.

И этим утром он вышел тоже рано, не так рано, как прежде, но тоже рано.

«Конечно же, Опочин! Другой? Нет другого!»

Налево от него было низкое кирпичное здание музея, направо — года два тому назад разбомбленная фашистскими самолетами школа, еще не восстановленная. На левом крыле школы уцелели слова из Конституции, и при матово-розовом свете утра он часто читал их как клятву верности своему народу и как клятву мести врагу. Такова была его утренняя молитва.

Власов шел мимо замоскворецких домиков. Они теперь такие разнообразные. После того, как убрали все деревянные заборы, домики, как будто предоставленные самим себе, разбрелись в разные стороны. Кричал, звенел и стучал железным кнутом трамвай, этот ранний городской пастух, а домики, не обращая на него внимания, шли себе каждый по своим делам, каждый в разную сторону.

Возле некоторых молодые женщины в сапогах и солдатских ватниках уже кололи мокрые, покрытые влагой ночи дрова, а кое-где рачительные огородники уже втыкали в тугую землю железные прутья, остатки кроватей, какие-то пузатые деревянные ножки от столов, оплетая все это кусками ржавой колючей проволоки, невесть откуда попавшей сюда. Это были энтузиасты, великие растители моркови и картофеля, поэты земли, драгоценный труд которых воспоют впоследствии.

Домики кончались серым многоэтажным колоссом, который хмуро смотрел на этих пигмеев, на эту подслеповатую тень прошлого и, не уставая, твердил всем своим видом каждому прохожему: «Ну, что вы глядите на них, посмотрите на меня, полюбуйтесь: я такой же красивый, как и до войны». И прохожий добавлял про себя: «А может быть, еще красивее». И переходил к другому дому, который был еще шире, еще красивее.

«Позвольте, но, несомненно, я и Вере Николаевне, которая везла подарки на фронт,— внутренне отчеканил самому себе Петр Игнатьевич,— назвал тоже прежний адрес. Вера Николаевна слышала где-то, что моя младшая сестра, Софья, подруга Веры Николаевны, работает врачом в дивизии генерал-майора Прокопьева; именно ту-

да и направлялась Вера Николаевна. И, помню, при этом известии я словно весь насквозь прозяб. Вернувшись, Вера Николаевна избегала встреч, я понимаю, почему. Но она могла и не обнаружить сестру, когда та совсем в другой дивизии; все же на всякий случай адрес оставила. Вот уже и два адресата! Да, в этом деле надо быть прозорливым, хе-хе».

Перед ним открывалась река, словно большая стальная дверь в день весны, оправленная в гранитную раму набережных, с решеткой мостов.

Над ней в золотой короне, весь сверкающий, чистый, высокий и мудрый, как волхв древних легенд, вставал Кремль.

Кремль безмолвно, чудовищно-прекрасно повисал над всей удивительной панорамой Москвы, и нарастающий мощный гул невидимого сторожевого самолета, проносящегося где-то в облаках, был как бы голосом этого великого сторожевого замка нашей Родины, этого разума страны, этого символа мощи и неистребимой веры сынов нашего Отечества.

«Я с вами,— словно бы говорил он Власову,— и вы со мной. Вперед, братья, вперед на врага, уже видна заря победы!»

Мимо стен Кремля в своем стремлении вечности катились весенние воды реки. Подернутые чешуйками ряби, спокойные, простые, они напоминали мысли людей, которые ежесекундно, ежеминутно катятся возле стен Кремля, дыша на него запахом весны, полей, лесов и холмов; дыша на него всей грудью уверенного в себе народа, народа, который трудится и воюет так, как никакой народ на свете; дыша гордостью и силой.

«Я с тобой,— как бы говорит эта река, разлившаяся во всей своей весенней красоте и разозлившаяся на врага во всей своей старинной ярости,— и ты со мной. Да, впереди уже вижу зарю победы! Салют тебе, Кремль!»

«Салют тебе, народ мой!»

«Салют вам, первые весенние зеленые побеги, цвету которых суждено будет видеть новые залпы побед, а созревшим зернам, может быть, окончательный разгром врага и его уничтожение. Салют тебе, Первый май!! Будь же ты тем Первым маем, о приходе которого с восторгом и счастьем вспомнят потомки и все участники, все те, кто будет петь и восхвалять победу, восхвалять смелость и удаль, уничтожившие врага, восхвалять тебя, моя страна, моя Москва, мой Кремль!»...

«Но между прочим,— вернулся опять к своим мыслям Власов,— этот профессор, он же управдом, кажется, и не знает моего нового адреса. «Буду заходить за письмами»,— сказал, кажется, я ему. И не зашел. А он был хорошо знаком с моим отцом: отец, когда гостил у меня, любил снабжаться книгами: профессор обладает дивной библиотекой. Значит, отец жив? Написал ему? Но почему же не на службу мне? Кто-кто, а он-то знает, где я служу. Может быть, думает, что я эвакуировался? Да-а, отец у меня — старик несокрушимый! И, возможно, спасся еще кто-нибудь, помимо отца?»

Пройдя поляной Красной площади, Власов углубился в лес домов, в чащу строений, которые, заглядывая через плечо друг друга, толпились за площадью.

Он пересекал Москву, направляясь на восток.

Было еще рано, и он не рисковал опоздать никуда. Он мог быть уверен, что всюду он увидит лица с глазами, еще чуть припухлыми от сна, с движениями, еще не столь крепкими и точными. Утро еще начиналось, а ночь еще не кончилась. Она еще целиком лежала в подъездах домов, в узких старинных переулках, из которых люди выходили нехотя, ежась и потягиваясь, ворча на жизнь, как ворчат все, кто еще не совсем познал ее сладость и быстротечность или кто считает, что ему мало отпущено этой жизни, хотя каждому из нас отпущено столько, сколько мы способны поднять, понять и почувствовать.

На улицах, тех, что пошире и поновей, ночи уже не чувствовалось.

Было утро, а пожалуй, и день.

Лица людей, и встречных и обгоняющих его, были наполнены дневной заботой. Из трамваев и из метро выходили приезжие. Их можно было узнать по широко открытым глазам, которыми они вглядывались в Москву. Их взоры были очень близки взорам Власова, и он радовался им, как своим собственным взорам.

Эти люди казались ему близкими, почти родными, и он, наверное, расспросил бы каждого из них, не покажись подобная навязчивость подозрительной да и неуместной. У каждого свои дела, свои заботы, каждый чувствует, что времени в обрез, и где там болтать о том, что и передать-то невозможно на нашем сухом и неточном языке обыденности! Обменявшись понимающими взглядами, а иногда и улыбнувшись друг другу, они расставались, чтобы никогда не встретиться, а может быть, и встречаться ежедневно, ежечасно, кто знает?

Власов, помимо письма, шел еще и по делу, по одному из тех многочисленных дел, которые ему надо было выполнять каждое утро и выполнение которых доставляло ему такое высокое и неиссякаемое наслаждение, мало, впрочем, понятное комунибудь, кроме него: настолько оно было обыденно, просто и общедоступно. Сегодня, например, ему предстояло достать три грузовика, для того чтобы перебросить часть продукции из одного района города к вокзалу с тем, чтобы погрузить ее в вагоны и отправить в прифронтовую полосу.

Власов наблюдал эту заботу — дневную общую заботу труда—на всех лицах, и сердце его трепетало. Он был равен им, этим простым, стойким и вместе с тем поразительно героическим людям Москвы, людям 44-го года! Пройдут столетия, эти люди оживут на театральных сценах, на страницах книг или в кино, и хотя — технически— эти книги, кино, и театр, и песни будут мало похожи на наши, а может быть, и совсем непохожи, но, боже мой, как он желает, чтоб будущие творцы и художники передали хоть сотую часть того, что он видит сегодня своими глазами, ибо он уверен, что если они передадут хоть сотую, хоть тысячную долю того, что он видит, они создадут великие, потрясающие произведения!

«Гениальные произведения произведениями, а ведь, пожалуй, постесняются сказать в гениальном-то произведении, что фамилия профессора права была Мускусный. Негероично! А не исключена возможность, что именно он, думая обо мне, нашел моего отца. Связи-то какие! Мускусный! Ха-ха! Запах. Война, знаете, не равнина, тут встречаются и овражки, и ямы, и пещеры собственности, где всякие спекулянтики обретаются, и они для спасения жизни, чтоб ублажить профессора Мускусного, знаменитейшего защитника, найдут всех и все. Именно, именно! Так и есть!» — думал, глядя на перекресток, Петр Игнатьевич.

У перекрестка стоит группа из трех рабочих и юноши лет девятнадцати, а возможно, и меньше, на костылях. Рабочие идут на завод. Неподалеку трамвайная остановка. Юноша, по-видимому, недавно выписанный из лазарета, еще с бледностью, приобретаемой в больнице и еще не покинувшей его, вышел их провожать. Возможно, что это братья, близкие родственники, а то просто друзья. Как бы то ни было, они разговаривают так, словно жили всегда вместе. Они советуют юноше не стоять на утреннем ветру. «Застудишься»,— говорят они заботливо и напоминают ему, где находится обед, уже приготовленный, видимо, за утро.

Юноша же договаривает то, что он еще не успел им договорить на ходу, какие-то воспоминания о битве, где его ранило. «Тут ударило мне в лопатку, раздробило ногу, а я его поливаю из пулемета»,— говорит он торопливо, и нет никакой рисовки в его голосе и жестах, просто нужно объяснить то, что им казалось неясным. Они кивают головой и бегут к трамваю. Для них это тоже — обычное дело, то, которое, если понадобится, и они будут выполнять завтра.

Юноша глядит вслед друзьям и, опираясь на костыли, собирает силы, чтобы двинуться обратно. Взор его спокоен, уверен и тверд. Через неделю, месяц, полгода, когда нога и рука поправятся, он поднимется на ступеньки трамвая и в тесной толпе, не совсем вежливой, отправится на работу делать то великое и ответственное дело, которое делают эти юноши сейчас на заводе. Воевать — так добросовестно, работать — так тоже добросовестно — вот что говорит его взор, мельком брошенный на Власова, который проходит мимо него, направляясь к тому заводу, куда только что уехали трое молодых рабочих, трое московских бойких юношей.

«А может быть, и братья спаслись, почему только отец?— думает Власов.— Надо скорее к Мускусному!»

Слышна песня. Ее поют молодые, звонкие, лазурные голоса. Они заглушают треск трамвая, который, казалось, ничто не способно заглушить; они покрывают экстазные гудки автомобилей, грохот широких ломовых телег; они царят и колеблются над улицей, заключая в себе все надежды и все чувства сынов Прометея!

Юный, высокий, любующийся своей четкой походкой и умением командовать офицер ведет роту таких же юных и таких же любующихся своей силой и своим умением ходить и драться молодых людей. Это совет-

Фото Дм. Бальтерманца.

ДИК
ВА

ТОР
ЛЯ

Диктор на экране телевизора...

Не правда ли, в каждом доме, где есть телевизор, к дикторам относятся, как к старым, а главное, близким знакомым, даже друзьям? А друзей, известно, всегда выбирают по вкусу: одному ближе Валентина Леонтьева, другому — Нина Кондратова, «наша Нина», третьему — Аня Шилова, а многие считают своим другом Игоря Кириллова...

Много, очень много тех, кто зачислил себе в друзья Валентину Михайловну Леонтьеву. Иные из них дружат молча, про себя. А другие шлют письма. Письма разные. Короткие и длинные. Рассказывают о самом сокровенном. Спрашивают совета, порой по очень сложным житейским, семейным делам... Просят ответить: «Что бы вы посоветовали?» И сидит допоздна за письменным столом, старается понять и помочь Леонтьева — друг, на которого возлагают надежды.

Маленький Женя из города Электростали подружился с Валентиной Михайловной Леонтьевой, когда ему было 3 года. Сначала писала другу-диктору бабушка. Рассказывала: Женя уверен, что тетя Валя разговаривает с ним, только с ним, поэтому и старается быть послушным и вообще хорошим. За это бабушка низко кланялась всей студии и благодарила Леонтьеву. Потом стали приходить письма от самого Жени — этакие смешные каракули. Сейчас почерк стал почти взрослым, мальчик — тоже; за 12 лет у Валентины Михайловны накопилось 12 Жениных фотографий...

А как Леонтьева стала диктором?

— Слушайте, Валя, прочтите вы сами текст! Не ждать же нам театральную знаменитость до бесконечности!..

После этой длинной сердитой фразы все стало как во сне: операторы неслышно передвигают к ней кинокамеры — ближе, ближе, еще ближе. И вот Валентина Леонтьева растерянно вглядывается в экран студийного монитора, на котором возникает крупным планом ее лицо. Испуганные глаза. Вскинутые от удивления брови. Но рассматривать себя некогда, надо вести передачу в эфире. Листок с текстом чуть дрожит в руке. И вдруг Валентина слышит в наушниках удивленный возглас режиссера: «Подумайте только, наш помреж совсем как актриса!»

Как актриса!.. Многие на студии не знали, а кто знал, тот как-то мало придавал значения тому, что Валя и есть актриса, окончившая Московскую театральную студию. На сцене Леонтьева сыграла немало серьезных, разноплановых ролей — среди них Джемма в «Оводе» и Лариса в «Бесприданнице».

Есть на свете такие люди, о которых все всем известно. А Валентину Леонтьеву отличала сдержанная молчаливость... Никто не знал, как она девчонкой-сандружинницей, с трудом передвигая отекшие от голода ноги, оказывала помощь тем ленинградцам, которые были еще слабее, чем она сама... Ничего этого не забудешь никогда, но где найдешь слова о том страшном, что было? Валя и росла такой — молчаливой, хотя было, конечно, в ее жизни и забавное и радостное. Разве забудет она, как бережно прятался в чемодан поглубже аттестат с золотой каемкой: еще потеряешь там, в Москве, и не поверят, что круглая отличница!..

Приехав в столицу с мечтой о театральном институте, Леонтьева, неожиданно для себя поступила в химико-технологический. На институтском конкурсе художественной самодеятельности Валю Леонтьеву признали победительницей.

И вот стоит перед директором худющая студентка. Стоит, сияя, в уверенности, что ее вызвали поздравлять и хвалить. А слышит: «Химия — не ваше призвание. Вы актриса. Для вас главное — театр».

Директор был прав. Только мечта ведь может измениться...

Что пленило ее в этом потоке жизни, разворачивающейся на экране телевизора, потоке событий, происшествий, раздумий, страстей, жизни то самой обыкновенной, то приподнятой и необычной,— трудно объяснить. Но что-то, наверное, подсказывало молодой актрисе, что именно здесь ее призвание, что никакая сцена не даст ей возможности так вплотную общаться со зрителем, заглядывать этому зрителю в глаза, обращаясь к нему с тем, что хочешь сказать как бы один на один.

Затянула, заманила Валю, кроме того, еще и нелегкая экзотика телепередачи... В огромном павильоне студии, залитом огнями, все поражает человека, попавшего сюда впервые. Яркие созвездия софитов горят среди переплетения труб, кабелей. Телекамеры, покорные рукам управляющих ими людей, разъезжают вправо и влево, словно бы разглядывая все кругом своим оптическим глазом. Тут и там стоят микрофонные журавли. Нет, не журавли, а скорее диковинные черные жирафы с бесконечно длинной шеей и крошечной опущенной головой... Так выглядит рабочее место телеоператоров и помрежа — самого скромного из создателей передачи. И когда Валентине сказали, что временно ей могут предложить лишь эту должность,— как было отказаться! Она все равно была счастлива. А потом все как-то забыли, что Валя надеется стать диктором. Все, но не Ольга Сергеевна Высоцкая — талантливый, известный диктор радио. Она начала заниматься с помрежем Леонтьевой. Заниматься тем, из чего слагается мастерство диктора. И вот наконец наступил день, когда Валентина Леонтьева впервые появилась на экране, улыбнулась и сказала: «Здравствуйте, товарищи». Сказала всем. А себе представила, что говорит это какому-то одному человеку. Доброжелательному. Может быть, чуть ироничному. Собеседнику, умеющему слушать других.

Диктором работать трудно! Даже еще трудней, чем Валя ожидала. Но она призвала на помощь всю свою способность думать, анализировать, добираться до сути вещей. И стала понемножку накапливать арсенал собственных, завоеванных и постигнутых, освоенных средств общения со зрителем самым разным...

Вот, например, идет репетиция детского телевизионного спектакля. Так называемая «трактовая» репетиция, когда все всерьез, как в решающий момент передачи. Напряженно работает бригада, создающая спектакль. Передаются по каналам звук и изображение. Только не включен еще выход в эфир. Говоря по-театральному, идет ответственный «прогон» спектакля. Репетируется сказка «Гадкий утенок». Диктор Валентина Леонтьева в этой передаче — Ведущая. Рядом с ней сидит и слушает, задает вопросы кукла — Буратино. Валя привыкла к любопытному длинноносому мальчишке, который в любой момент может озадачить ее неожиданным вопросом... Обнимая рукой деревянное тельце Буратино, Валя, не прерывая рассказа, поворачивается лицом к камере, а Буратино сидит себе в той же позе. «Ну, куда ж ты смотришь, разве не видишь: левая камера зажглась!» — сердито говорит ему Леонтьева. В ответ из-под стола раздается обиженный голос Синельниковой, артистки театра Образцова: «Валя, да мне ведь этого снизу не разглядеть!..»

После репетиции режиссер сказал: «Как хорошо все прошло сегодня! Просто отлично!..» А Валентине важно разобраться, почему прошло хорошо. Видно, потому, что телевидению приносит успех только такая обстановка, где вместо заученной натянутости царит непринужденность.

...Идут дни. Идут передачи. И все время идет творческий поиск. Диктор телевидения во всем, что он делает, добивается правдивости, естественной импровизации. Только так может возникнуть чувство близости тех, кто в кадре, с теми, кто смотрит на экран телевизора. И если диктор чувствует себя в павильоне студии доброжелательным хозяином передачи, ненавязчивым и спокойным, если он не заискивает и не суетится, а остается самим собой,— вот тогда, наверное, зритель и принимает его всей душой. Принимает таким, какой он есть.

А ведь мало того, что надо самому вести себя непосредственно: необходимо еще помочь и тем, кто впервые пришел на студию. Это не входит в ее обязанность, но Валентина Леонтьева заранее приходит в студию, чтобы пообщаться с выступающими. Нет, она не учит их, как вести себя в кадре. Просто знакомится с ними, говорит о чем-то интересном для собеседников и для нее самой, старается устранить скованность, которая невольно охватывает людей в незнакомом месте, да еще перед огромной невидимой аудиторией. Люди знакомятся, осваиваются, отсюда и возникает свобода, полное взаимопонимание!..

Вот, оказывается, какая это собирательная профессия — диктор! Он должен быть и актером, и педагогом, и психологом, не помешает ему и чувство юмора... Как-то перед началом передачи Валентина Леонтьева стала по своему обыкновению знакомиться с участниками: подойдет к одним и поговорит, отойдет к другим... Народу много, передача сложная. Должны принимать в ней участие и люди... влюбленные. Валя увидела юношу и девушку, подошла к ним и спрашивает:

— Мне сказали, здесь должны быть влюбленные. Это вы и есть?

Юноша.— Нет, мы уже женатые.

Леонтьева.— А разве женатые перестают быть влюбленными?

Засмеялись все, кто был в павильоне, и сразу всем стало просто и легко. Этот пустяк окрасил всю передачу светом шутки, доброжелательности. Значит, напрашивается еще один вывод: в работе диктора нет пустяков, нет мелочей. Все важно. Все твое дикторское — человеческое!

Е. КАБАЛКИНА

ские солдаты, сыны Москвы, ее питомцы, защитники ее, защитники Отечества, творцы его славы. Сейчас все их внимание направлено на песню, так же как спустя несколько дней или часов оно будет направлено на битву.

«Не похоже, чтоб они четко видели образ улицы или лица прохожих. Напряжение их нервной системы перешло известный предел, исчезла улица, лица людей, музыкальные ноты слились, сознание расплавилось в песне — песне, воспевающей их Отчизну, их славу, их оружие,— и отдельные элементы ощущений растворились в море русской песни, в море русской славы! ...Они поют тебя, Москва, они поют тебя, Родина, они поют тебя, Победа!.. Они идут на бой ради твоего будущего, ради будущего всего человечества, ради чеха, поляка, француза, американца — ради всех тех, кто жаждет свободы и процветания всех положительных сил земли!» — думает Власов.

— Да не Петр ли это Игнатьевич! — раздается ровный, превосходно отточенный голос, совершенно не согласующийся с выражением лица, которое радо-радешенько. Впрочем, это с профессором, особенно в волнующие дни войны, случается нередко.

— Он самый.

— А у меня для вас письмо. Я все, все сразу скажу, не извольте удивленно пятиться. От брата! Ивана Игнатьевича! Очень все просто. Написал мне повторно, так как письмо на ваш новый адрес, по-видимому, затерялось. Жив, здоров. Письмо на квартире. Мой помощник вручит его вам. Кстати, поезд из Саратова, если, конечно, не запоздает, прибывает через три часа. А я, извините, не совсем радушно, иду. Предписана прогулка.

Профессор Мускусный уходит.

Почтенный, знаменитый профессор вышел рано утром. Перед тем, как пойти на лекцию, и даже перед тем, как позавтракать, он должен ради здоровья, которое ему предписано беречь, должен совершить большую двухчасовую прогулку. Он идет по маршруту, раз и навсегда выбранному. И вот ему нужно пересечь улицу. А по улице как раз против него идет эта поющая рота молодых и крепконогих солдат.

Профессор ждет. Он слушает песню. Сначала она мелькает в нем подобно этим розовато-золотистым облачкам, которые проносятся там, наверху, утренним ветром и поглощаются бездонным небесным пространством. Но постепенно песня сгущается внутри него, наполняет все его тело, и тело крепчает, выпрямляется, как бы приобретая крылья. Он снимает шляпу и так стоит, устремив строгий взор на улицу, в лица этих солдат.

Из неясных воспоминаний, из обрывков полузабытых стихов, из страниц вечных книг, из разговоров со своими студентами — из всего этого перед ним встает образ единой великой Москвы, образ несущейся победы!.. Гордость наполняет сердце профессора. Рота уже прошла. И вот он твердым и четким шагом солдата переходит улицу, и у него, как у каждого деятельного человека, экстаз, едва возникнув, уже превратился в полезный труд, в красноречивую статью. Он напишет ее сегодня и напечатает. Еще раз он подтвердит свое мнение, сказанное давно, что страна наша выковала победу над фашизмом и скоро осуществит ее на всем протяжении фронта, «на всем протяжении тела фашизма!» — напишет профессор Мускусный.

26 апреля 1944 года саратовский скорый не опоздал.

Не опоздал на перрон и Петр Игнатьевич.

1944 г.

Молнии над морем

Инженер-подполковник
М. НОВИКОВ

На противоположной стороне бухты один за другим гасли огни в засыпающем Севастополе. В черной воде отражались крупные южные звезды и топовые огни боевых кораблей. Порыв ветра донес мелодичный перезвон склянок с крейсеров и эсминцев...

«Скоро смена!» — подумал курсант Терновский, стоявший на посту у склада. Вдруг далеко в море, где-то за Херсонесом, вспыхнуло и будто загорелось голубоватым пламенем небо. Через несколько секунд наступила темнота. Потом снова загорелось и погасло. Сердце курсанта тревожно сжалось: «Неужели война? Надо поднимать тревогу!» Однако в городе и на рейде было тихо...

На следующий день в военно-морском училище шепотом передавались рассказы о таинственном свете — его видели многие. Курсантам тогда объявили: «В море происходили испытания осветительных ракет. Никаких разговоров!»

Подробности о таинственном свете Георгий Терновский узнал, когда после окончания училища его назначили работать в Управление вооружения и снабжения боеприпасами Народного комиссариата Военно-Морского Флота. В 1934—1935 годах осветительные ракеты испытывались на торпедных катерах под Севастополем. Участвовали в опытных стрельбах создатели грозного ракетного оружия — конструкторы В. А. Артемьев, Г. Э. Лангемак, Ю. А. Победоносцев и другие.

Как-то в беседе с сослуживцем П. И. Ивановым, принимавшим участие в этих испытаниях, лейтенант Терновский поинтересовался:

— А почему нельзя применить ракеты на море как боевое средство?

— Ракеты по точности и дальности стрельбы значительно уступают артиллерии.

Лейтенант задумался. Довод, кажется, веский. Во всяком случае, для крупных боевых кораблей с мощным артиллерийским вооружением, ведущих бой на большой дистанции. Ну, а на малых, быстроходных кораблях? Ведь тяжелых орудий на них не установишь, да и малокалиберных может быть не более одного-двух. А ракет можно поставить несколько десятков. А это так пригодится при поддержке десанта!

Своими соображениями Терновский поделился с непосредственным начальником. Ответ был коротким: «Занимайтесь своим делом».

К счастью, заместитель начальника управления контр-адмирал М. И. Акулин внимательно выслушал его.

— Надо все это подробно изложить на бумаге!

Несколько майских вечеров 1939 года лейтенант Терновский просидел в управлении за докладной запиской. Неплохой художник, он быстро подготовил эскизы торпедного катера и десантного судна с ракетным вооружением.

Ознакомившись с материалом, контр-адмирал Акулин в углу первого листа написал красным карандашом: «Интересно. Заслуживает внимания. Для доклада Галлеру». Л. М. Галлер был начальником Главного морского штаба.

Судьбу своего доклада лейтенант Терновский так и не узнал. Молодого командира отправили в Ленинград, на Высшие специальные артиллерийские курсы. Свидетельство об их окончании было получено 25 июня 1941 года, когда уже четвертый день полыхала война!

Как-то Георгий Владимирович Терновский (он уже стал капитан-лейтенантом) по служебным делам попал в Анапу. Здесь он случайно встретил старого знакомого — начальника штаба авиаполка подполковника В. Павлова.

В землянке Терновского заинтересовала артиллерийская дистанционная трубка.

— Почему она с какой-то крыльчаткой?

— А это от РСов! Слышал о реактивных снарядах?

— Кое-что, да видеть не приходилось...

— Ну раз так, пойдем, покажу в действии! Ими у нас вооружены истребители.

После этой встречи Терновский начал работать над созданием нового морского оружия с удвоенной силой. А уже 2 марта 1942 года установка с использованием авиационных ракет и направляющих была смонтирована на катере «МО-084». В тот же день под руководством капитан-лейтенанта Г. Терновского был произведен первый, опытный выстрел ракетой.

...Командир Новороссийской военно-морской базы Г. Холостяков в порт приехал вместе с генерал-майором авиации В. Ермаченковым и сразу же поднялся на борт «малого охотника».

— Давай отваливай! Покажите свое оружие в действии!

Первые две ракеты направили просто в воздух. Затем залп повторили. Потом выпустили по цели все четыре реактивных снаряда.

В восьмом часу вечера 4 апреля 1942 года из Новороссийска вышел транспорт «Калинин», направлявшийся с важным военным грузом в Керчь. В охранении шли три катера. Это были первые не только в Советском Союзе, но и во всем мире корабли с ракетным вооружением.

На мостике флагмана находились командир конвоя старший лейтенант И. Леднев и капитан-лейтенант Г. Терновский. Примерно на траверзе Анапы над караваном на большой высоте пролетел немецкий самолет-разведчик.

Скоро, видимо, пожалуют и фашистские бомбардировщики. Действительно, минут через пятнадцать со стороны кавказского берега появились восемь гитлеровских пикирующих бомбардировщиков «Ю-87». Вот они сваливаются на крыло и начинают пикировать.

Огонь!

В пламени и дыму уходят навстречу врагу реактивные снаряды. Через несколько секунд перед фашистскими пикировщиками встала стена из восемнадцати черных разрывов. Ошеломленные таким

отпором, гитлеровские летчики отказались от атаки, круто развернулись и стали уходить.

Терновский отвернул рукав реглана и, посмотрев на часы, заметил: «Девятнадцать пятьдесят!» Это время по праву следует считать историческим: впервые в истории современного флота произошла боевая стрельба ракетами с корабля!

О возможностях нового оружия на флоте капитан I ранга Г. Холостяков доложил прибывшему в Новороссийск заместителю наркома Военно-Морского Флота адмиралу И. Исакову. Он живо заинтересовался ракетами, подробно расспросил Терновского о боевых возможностях нового оружия.

Сторожевые катера с зенитным реактивным вооружением неоднократно успешно отбивали атаки вражеской авиации. Однако Терновский скоро понял, что использование неуправляемых реактивных снарядов для зенитной стрельбы с небольших, легко подверженных качке судов все же недостаточно эффективно, тем более что фашистские летчики стали менять высоту выхода в атаку. Поэтому решили использовать ракеты для поддержки десантных операций.

Первый удар по врагу четыре черноморских ракетоносца нанесли в ночь на 12 декабря 1942 года в районе хутора Алексин, югозападнее Новороссийска. В точно назначенное время по команде капитан-лейтенанта Терновского дала залп первая пара катеров — на врага ринулось сразу шестьдесят четыре реактивных снаряда.

Реактивными установками на Черном море была снабжена группа торпедных катеров. Они использовались для стремительных и мощных ударов по береговым целям противника.

Надо сказать, что в иностранных флотах реактивное оружие появилось значительно позднее. Так, американцы впервые использовали катера и плавающие бронетранспортеры с ракетами лишь 15 декабря 1943 года, при высадке десанта на остров Араве в Тихом океане.

Благодаря энергии капитана I ранга (ныне вице-адмирала) Г. Холостякова, поддержанного адмиралом И. Исаковым, почин черноморцев получил широкое распространение на Военно-Морском Флоте.

...Квартира Героя Советского Союза, капитана I ранга в отставке Георгия Владимировича Терновского. По стенам, сплошь заставленным полками с книгами, бегают зарницы электросварки с ближайшей новостройки. В этом мерцающем свете барк, изображенный на барельефе, кажется стремительно летящим под всеми парусами в ночном море.

— Скажите, этот барк — произведение известного художника? — спрашиваю я.— Почему-то он кажется очень знакомым.

Георгий Владимирович улыбается.

— Вырезал сам, когда было лет семнадцать. Учился тогда в Пензе, ходил в художественное училище и бредил флотом. А знаком он вам вот почему...— Капитан вынимает морской офицерский кортик. На верхней части ножен выгравирован точно такой же барк.— Перед войной объявили конкурс на оформление кортика. Приняли мой эскиз...

МЕЧТА БЕЛА КУНА

Снимок сделан 7 ноября 1922 года на Красной площади в Москве.

20 февраля исполняется 80 лет со дня рождения Бела Куна, видного деятеля венгерского и международного рабочего движения.

Мы публикуем сегодня отрывки из воспоминаний **Ирины КУН**, соратницы и жены замечательного революционера.

Три года мы не виделись. Да и перед этим были вместе всего лишь полтора года. Когда его взяли в солдаты, я сразу переехала к родителям в Надьечед, потому что ждала ребенка. Прежде чем попасть на фронт, Бела Кун часто приезжал ко мне на день или два. Потом однажды и с фронта вернулся — больной, контуженный. Лежал в госпитале. Как только выздоровел, его сразу же отправили опять на фронт. Восемь месяцев провел он на поле боя и как раз перед тем, как должен был приехать в отпуск, попал в плен вместе со всем корпусом. Вместо него прибыл солдатский сундучок и в нем «военные трофеи»: две пары грязного белья.

Сперва я часто получала открытки из плена, потом вести стали приходить все реже и реже, когда же разразилась Октябрьская революция, связь между нами совсем оборвалась.

И, несмотря на это, я все время знала о нем. У тех, кто возвращался из плена, всегда находилось что рассказать о России, о революции, о Бела Куне. Правда, рассказы эти звучали не всегда достоверно, но я тем не менее узнавала из них, что Бела Кун жив... А это было самое главное для меня.

Кое-кто из бывших пленных засиживался у меня до позднего вечера, и мы с сестрой часами слушали рассказы о той, тогда еще незнакомой нам стране.

Вернувшиеся офицеры в большинстве своем воспринимали и революцию и Бела Куна чрезвычайно просто. Большевики — грабители, Бела Кун грабит вместе с ними. Или так: офицеров, которые не желают сражаться за русскую революцию и хотят приехать домой, Бела Кун вешает на первой попавшейся сосне. Конца и края не было этим диким слухам, которым почти никто не верил, но все их повторяли.

Попадались среди офицеров и такие, кто говорил о русской революции серьезно и сочувственно, с большим уважением отзывался о Ленине, о его соратниках, особенно о Свердлове, но и о других тоже. Вернувшиеся рабочие, подчас не понимая всего до конца, чуяли рабочим нутром, что это их революция, что речь идет об их освобождении. Роль Ленина объясняли простыми, но понятными словами.

Беседы с этими рабочими дали ответ на многие тогда еще непонятные вопросы. «Ленин — вождь рабочего класса всего мира,— говорили рабочие.— Он стал во главе освобождения рабочего класса, показывает трудящимся, как надо бороться за свое освобождение». Про Бела Куна они тоже уже не говорили всякую чепуху. Попросту рассказывали, что он вместе с товарищами по плену возглавил сотни тысяч военнопленных и участвует вместе с ними в русской революции. Многие встречали его в Кремле, где, как они рассказывали с гордостью, у Ленина в охране стоят венгерские солдаты. И добавляли: в Венгрии должно случиться то же самое, что в России. Бела Кун с товарищами скоро приедет и возглавит революционное движение, которое и в Венгрии принесет освобождение рабочему классу.

В эту пору я получила от Бела Куна два письма. В одном он сообщал, что здоров и просит вместе с дочкой приехать к нему в Россию. Такого же содержания письмо привез мне и возвратившийся из плена актер Йожеф Бароти. Эти письма унесла полиция во время одного из обысков, и, как видно, они пропали навеки.

* * *

Будто и не было трех лет разлуки, будто только недавно расстались, будто он вернулся домой из служебной поездки — так просто и непосредственно встретились, так разговаривали, так понимали друг друга с полуслова!

Сперва он расспрашивал о личных, семейных делах, о том, как живут его родители, как чувствует себя брат Шандор, которого тяжело ранили на войне: получил пулю в лицо, две — в легкие, больше года пролежал в госпитале, потом был снова отправлен на фронт. Бела Кун молча слушал мой рассказ про брата.

Затем спросил, кто из моих братьев был на фронте и где они сейчас. Когда сказала, что старший брат на итальянском фронте и от него нет никаких вестей, Бела Кун опять ничего не ответил. Он-то знал, в каких трудных условиях были наши солдаты на этом участке фронта.

Потом поинтересовался тем, как мне жилось, пока его не было дома, и с огорчением смотрел на мою поношенную одежду. Но опять ничего не сказал.

Я знала: если ему неприятно что-нибудь, он всегда молчит. А когда я иногда упрекала его за это, ответ был один: «У меня достаточно широкие плечи, я уж как-нибудь и один выдержу. Мне костыли не нужны: люблю ходить на своих ногах». Такой уж характер был у него, изменить его я не могла, оставалось только смириться.

* * *

Агнеш было шесть месяцев от роду, когда отец видел ее последний раз. Фотографию дочки и мою он пронес через фронт, плен, гражданскую войну и привез домой.

Теперь, в ходе беседы, он спросил вдруг, как я воспитываю Агнеш. «Надеюсь, не научили ее верить в бога!» И, не дождавшись ответа, тут же непререкаемо заявил, что впредь он будет воспитывать ее: «Хочу, чтобы стала хорошей коммунисткой».

И рассказал, что в России после взятия власти сразу же очень много сделали для пролетарских детей. Национализировали лучшие особняки, дворцы и передали их под детские сады, детские дома. Рассказывая, он пришел в такое возбуждение, что я подумала: вот пойдет сейчас отбирать пештские дворцы и виллы и отдаст их пролетарским детям.

Помню, на второй день после приезда мы отправились с ним погулять в Буду, и он, указывая на великолепные особняки и виллы, сказал: «Видите, в таких домах живут в России Ленина дети пролетариев. И у нас будет то же самое, как только возьмем власть в свои руки».

Бурятские мотивы

Даши ДАМБАЕВ

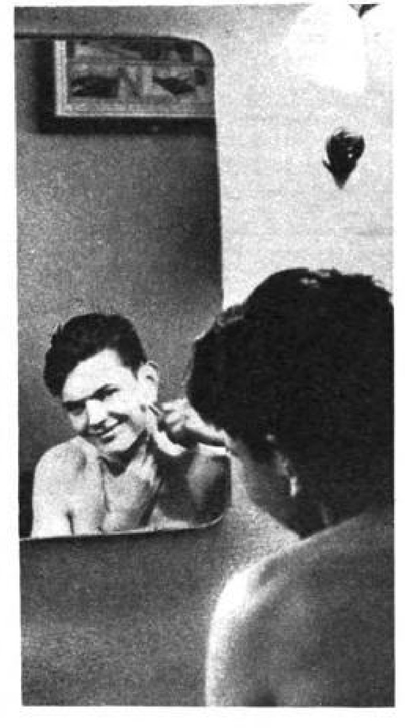
Возвращаюсь
Из краев я дальних
И, забыв тотчас
Печаль и грусть,
Тороплюсь,
Как будто на свиданье,
В свой родной,
Приветливый улус.

Я спешу,
И кланяюсь прохожим.
По обычаю —
Знаком я или нет —
«Сайн байна!» [1]
Мне говорят.
И тоже
«Сайн байна!»
Я говорю в ответ.

Обдает
Мне сердце
Мягкой лаской,
И светлее
Кажутся пути.
Чем бы мне
За это наше
«Здравствуй!»
Землякам душевным
Отплатить?

Перевел с бурятского А. ЩИТОВ.

[1] Бурятское приветствие.

Владимир Слугарев. Петр Гречкоедов.

Бюро Услуг — Бюро Информации

«Я мать Эдуарда Калиновского, который служит сейчас в армии. Я часто слушаю по радио и читаю в газетах об армейских делах, о наших воинах, но мне хотелось бы знать, как служат мой сын и его земляки. Расскажите о них...
С уважением
Екатерина Герасимовна КАЛИНОВСКАЯ, пенсионерка. Город Рогачев, Гомельской области».

●

БЮРО УСЛУГ — БЮРО ИНФОРМАЦИИ «ОГОНЬКА» ВЫПОЛНЯЕТ ПРОСЬБУ Е. Г. КАЛИНОВСКОЙ. В ЧАСТИ, ГДЕ СЛУЖИТ ЕЕ СЫН, ПОБЫВАЛИ НАШИ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

Тут без Валентина Мазалова не обойтись.

Екатерина Герасимовна, посмотрите, как ведет занятия Ваш сын Эдуард.

ЮНОШИ, НЕ ЗНАВШИЕ ВОЙНЫ

А. ЩЕРБАКОВ **Фото Г. МАКАРОВА и В. МИШИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Дорогая Екатерина Герасимовна!

Мы только что вернулись из командировки; отправиться нас побудило Ваше письмо. Видели Вашего сына. Много говорили с ним и с его земляками, которых Вы, вероятно, тоже знаете. Они уезжали из Рогачева вместе с Эдуардом.

Можем Вам сказать сразу: парни попали в хорошую часть. Для них четверых она имеет особое значение. И если кто-то скажет: «Это мой родной полк, моя родная дивизия»,— то они могут сделать это первыми: у них есть на то все основания. Часть эта — гвардейская, трижды орденоносная. Она вела жаркий бой у стен Вашего города и освобождала его от гитлеровцев. Это было двадцать с лишним лет назад.

Часть родилась в Сибири в то время, когда над нашей страной уже полыхала Отечественная война, и первый экзамен на зрелость она держала в Сталинграде. Для многих новобранцев известные всему миру бои у поселка Баррикады были последними, юноши навсегда остались лежать там, на земле Сталинграда, и гранитные монументы, которые воздвигнуты в этом городе,— память и об их мужестве, их беззаветной преданности Родине. Они погибли, парни, чья юность началась и кончилась войной.

...Зимой рассвет не укладывается в армейский распорядок дня. Холодная ночь еще топчется в военном городке, а для солдат уже наступило утро. Давно прозвучала команда «Подъем!», и юноши, родившиеся в год последних, победных салютов, застыли в строю, подтянутые, сильные, с открытыми строгими лицами, как у тех, которые почти четверть века назад в Сибири в спешном порядке проходили суровую военную подготовку.

Я думаю, годы, отделившие эти два поколения солдат, привнесли много общего в их характеры: целеустремленность, уверенность в своих силах, увлеченность тем делом, которое доверила им страна.

Таков и Ваш земляк младший сержант Петр Гречкоедов. Тракторист, в армии он быстро постиг премудрости профессии электрика по ремонту автомобилей. Петр — комсорг роты. Забот у него предостаточно. Но ему, должно быть, мало их. Кроме звания младшего сержанта, появилось у него еще одно — рационализатор. Обмотку бобины при ремонте испокон веков снимали вручную. Петр задался целью сконструировать приспособление для этого дела. И вот уже первые заметки, наброски, расчеты ложатся на листки бумаги.

...Как ни уплотнен рабочий день солдата, а перекур ему положен. Во время перекура я встретился еще с одним Вашим земляком, Владимиром Слугаревым. В колхозе он был заместителем бригадира, а тут — заместитель командира взвода.

— В армии,— говорит Володя,— есть такая поговорка: командир — отец солдата. Но он не только отец, но и товарищ, друг. Товарищество в нашем деле превыше всего. Фронтовики могут рассказать о том, как снимали шинели в страшный мороз, чтобы укрыть раненого, о том, как делили на всех последнюю щепотку табака, как, рискуя жизнью, прикрывали разведчиков. Конечно, сейчас другое время, но солдатское товарищество есть и ныне. Без него нельзя.

Солдаты очень трогательно заботятся друг о друге, и мы бы смогли долго рассказывать Вам, Екатерина Герасимовна, об этой черте их характера. Заботятся и на учении, когда порою туго приходится, и в казарме, когда, бывает, и загрустит парень.

...Вечер. Отдыхают воины. Пишут домой письма, сидят у телевизора или читают. И обязательно где-то в казарме слышится песня. Хорошо поют солдаты, особенно когда на баяне играет младший сержант Валентин Мазалов. Он тоже из Рогачева. И его очень любят однополчане.

Екатерина Герасимовна! Вы, конечно, ждете, что мы скажем о Вашем сыне. Мы застали его в классе на занятиях, и не в качестве ученика, а в качестве учителя. Командир отделения младший сержант Эдуард Калиновский обучал радиоделу солдат призыва 1965 года. Новобранцы смотрели, как он буквально с космической скоростью сыпал морзянку. Смотрели с удивлением и с завистью, подобной той, с какой обычно следят за игрой виртуоза-пианиста или за колдовством волшебника-хирурга. А Эдуард время от времени поднимал от ключа глаза и улыбался.

Эдуард, может, и писал Вам, как его тяготили на первых порах армейские порядки, однако скоро он понял, что на военной службе иначе нельзя, понял, что вырабатываемые этим порядком собранность, требовательность к себе закладывают в нем такие качества, без которых человеку очень трудно в жизни. Скорее всего именно поэтому уже через год рядовому Калиновскому доверили отделение, а три месяца спустя он надел погоны младшего сержанта. Примерно в то же время его избрали членом комсомольского бюро подразделения.

Армия есть армия. Солдатский труд — тяжелый труд, требующий и выдержки и смелости. Мы видели этих парней на учениях. В белых маскировочных халатах они ползли по глубокому снегу, мчались на бронетранспортерах навстречу злющему ветру, поднимались в атаку под грохот орудийных раскатов и автоматную дробь. Мы уверены, что, если вдруг понадобится еще раз стать на защиту родной земли, они будут достойны своих предшественников-однополчан, эти юноши, никогда не знавшие войны.

Днем и ночью...

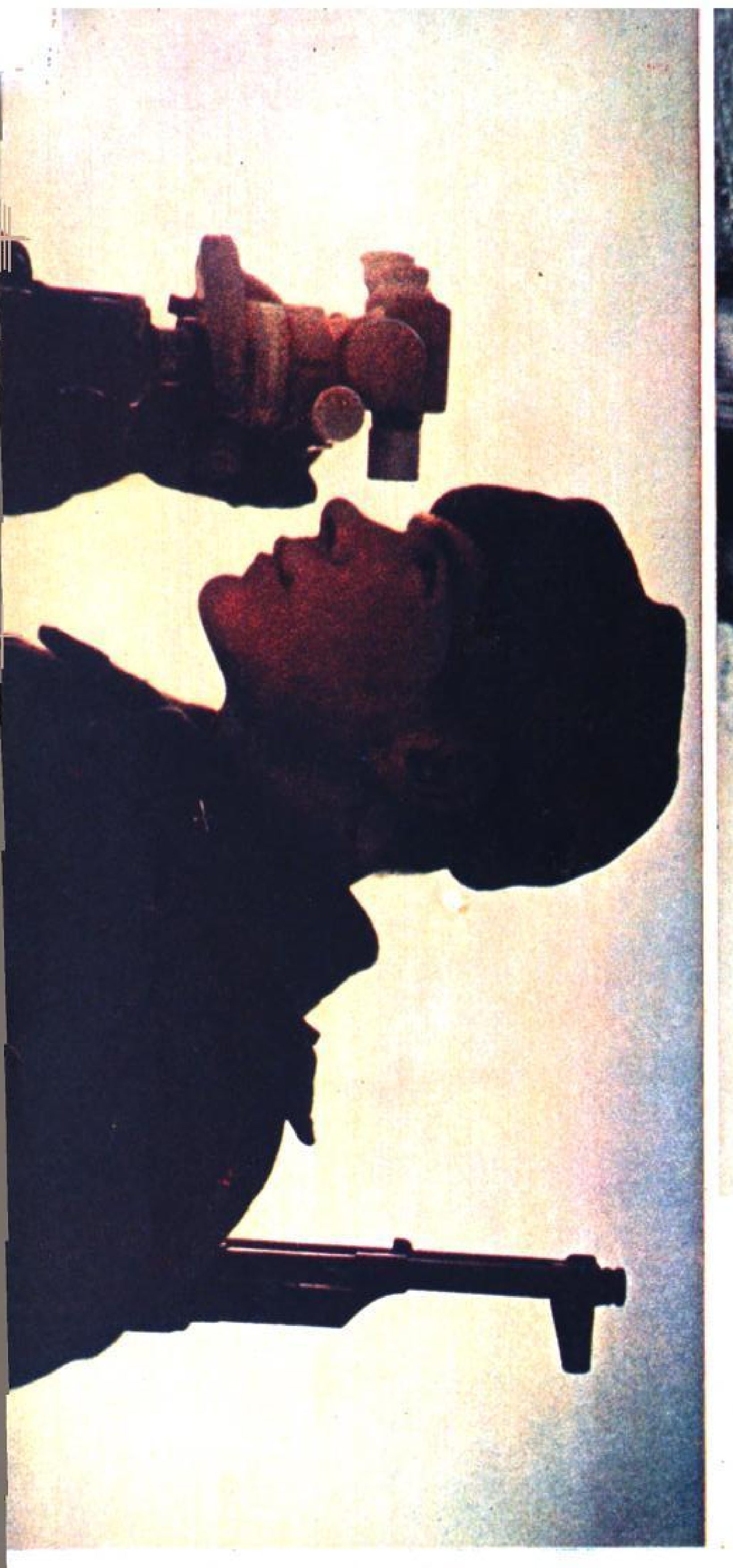
Там, где пройдут саперы гвардии старшего лейтенанта Жученко, мин не будет.

Прицел будет точен.

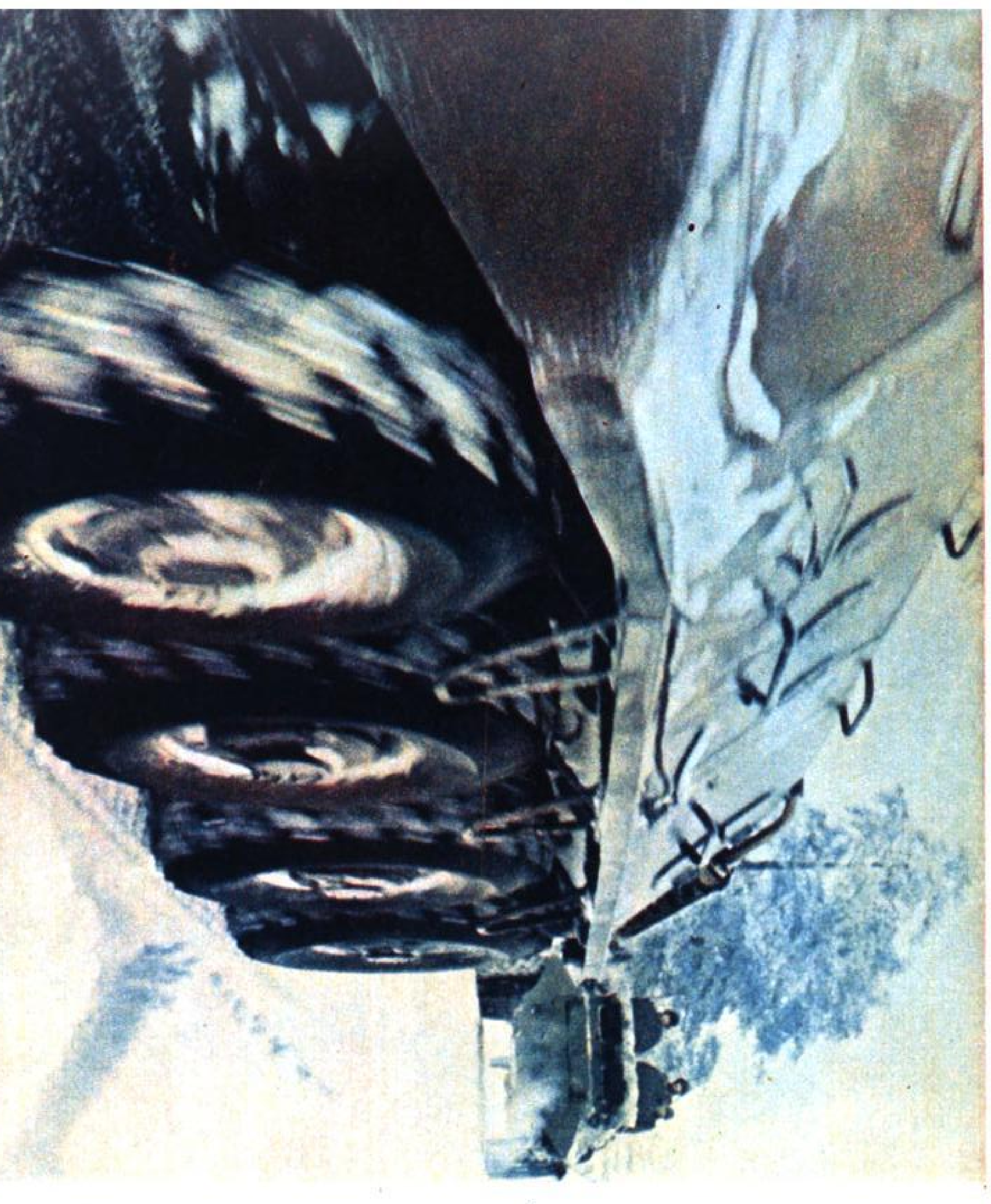

Гвардия атакует.

Перед артиллерийскими стрельбами.

Марш-бросок.

Гвардейская пехота уверенно действует в самых сложных условиях.

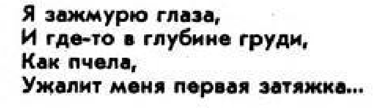
Евг. ВИНОКУРОВ

ИЗ КНИГИ «Ритм»

История
1941 год

На улице, и средь застолия,
И в час, когда лежал больной,
Всем верховодила История.
Она стояла надо мной...

А я в совхозе сено кашивал.
Следил глазами поезда.
И, маленький, ее я спрашивал:
— За что? Кому? Зачем? Куда?..
Темнело. Стало что-то ветрено!
О косу я водил брусок...
Знал: мне увидеть предначертано
Ее, Истории, кусок.
Трассировали в небо синее,
Пересекая ночь, тогда
Ее светящиеся линии.
Ее гремели поезда.

* * *

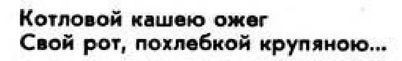
Котловой кашею ожег
Свой рот, похлебкой крупяною...

Жестокий жестяной рожок,
Дрожа, будил меня весною.
И что там ты ни городи,
Каким ни притворись рубакой,
Но сердце юноши в груди
Стучит в казарме под рубахой!
Какая в небе чистота!
Глаза пылища забивала!

Но, словно кровью изо рта,
Исходит песней запевала...

Хоть плохо скроен, крепко сшит
Мир. Крикни и присвистни!..
И, как рожок, душа дрожит
По быстро уходящей жизни.

Сорок

— Сорок! — кричу я.— Сорок!..

Есть разные степени
Представления о счастье.
Первая степень: сухие ноги...
Я ощущаю сухость, как подарок.
Нога нежилась в сапоге,
Сладострастно томилась.
Я шевелил пальцами, и ничего
Не хлюпало и не чавкало.
Наоборот! Тепло поднималось
Вверх и разливалось по телу,
Наполняя меня радостью.
Нет, не радостью,
А каким-то странным, щемящим
Счастьем, чуть-чуть грустным,
Потому что оно казалось непрочным...

Я сижу у железной печки,
Почти прозрачной от нагрева...

— Сорок! — кричу я.— Сорок!..

И мой сосед, откусив не спеша клочок газеты,
Протянет мне тот
Окурок, которым я затянусь...

Я зажмурю глаза,
И где-то в глубине груди,
Как пчела,
Ужалит меня первая затяжка...

Я не беден. Что такое бедность?
На мне хлопчатобумажные брюки.
На голове суконная пилотка.
Для постороннего глаза пилотки
Все на одно лицо. Все
Цвета хаки, все в пятнах от пушсала,
Мятые.
Но для нас каждая — индивидуальна
Своей особой, острой индивидуальностью.
Я различу свою в груде пилоток всего полка!
Сваленные в кучу,
Они представляют из себя
Толпу индивидуальностей.
Я знаю пилотки соседей!
Новые, стандартные,
Абсолютно свежие, как майские листочки,
Они уже через час бьют в глаза
Чем-то личным...
Что это?
Форма ли бритой
Округлой мальчишеской головы,
Которую они принимают
Покорно, как вода форму сосуда?
Если дневальные перепутают их ночью
Во время уборки,
Утром все равно мы за одну минуту
Расхватаем их.

Бедность? Что это такое?
Разве я беден?

Я замерзаю в поле. Я хочу курить.
И вдруг я вижу, что сосед
Сворачивает закрутку.

— Сорок! — кричу я.— Сорок!..

И вот я обретаю возможность
Ожечь, затянувшись, грудь.
Я иду полями. Я сижу
Над горкой углей...
Вдалеке, как в щели сарая,
Алеет закат...
Я не беден — я молод!

— Сорок! — воинственный клич
Моей молодости.
Сигнал о бедствии — «SOS»
Среди снежных равнин.
Крик о помощи! Крик отчаяния.
Это пароль, по которому
Мы узнавали друг друга.
Вопль веры в человека.
Священное число пифагорейцев.
Крик счастья,
Подобный крику «Земля!»
На измотанном качкой корабле,
Или подобный крику «Эврика!».

Сержант на концерте
1942 год

Спит сержант на концерте,
Упав на барьер головой.
...Там актеры, как черти,
По сцене бегут круговой.
В тонких юбочках феи
Там ножками бьют на лету.

Знатоки, корифеи,
Ценители в первом ряду...

Спит сержант на концерте.
(...Он топал по вмятинам шпал!..)

Захотелось до смерти
Уснуть... Головою упал.

Гул все глуше и глуше.
А вот и последний хлопок.
Снег растаял, и лужи
Стоят у гигантских сапог.

Спит сержант на концерте.
(...Дороги вовсю развезло!..)

Как спалось мне под Верди!
Как было светло и тепло!

* * *

Я всех глубже небо ощущаю,
Небо — это вечность. Это фон.
Я его почти не замечаю.—
Я к нему навеки прикреплен.

И стоит оно в глубинах где-то,
Озаренное ночным огнем.
Перешло оно ко мне от деда,
Всходят звезды и заходят в нем.

Небо справа. Смотришь: небо слева.
Небо — это крыша. Это дно.
Внешнее и внутреннее небо
Пусть во мне сливаются в одно.

* * *

Я позабыл ее давным-давно,—
И соль слабеет на открытой ране!

Но вдруг бывает случаем в кино
Мелькнет знакомый облик на экране.
Как я бродил по лужам ночью той!
Вокруг был город: башни, трубы, шпили...
Но кончено! Все это за чертой,
Ее давно уже похоронили.

Но кажется порою, что вот-вот —
А это будет поздно или рано —
Она меня нежданно позовет
В трамвае, среди улицы, с экрана.

* * *

«Мир приключений»—был такой журнал.
Я, помню, раздобыл подшивку где-то...
Кто не сидел над нею до рассвета,
Тот сам себя безбожно обкорнал!
И, как гигантский стонущий насос,
Я всасывал в себя ночное чтиво...
Надвинутая кепка детектива.
Корабль, затертый насмерть льдами. «SOS»...

Жизнь — приключение. Иди. Живи!
Вон — побережье моря, реки, взгорья...

...Но ты смотри на помощь не зови,
Когда вдруг жизнь возьмет тебя за горло!..
В глухой тайге напьешься из корца...
Умрешь — положат в Грузии к чинаре...
И жизнь твоя, как повесть без конца
В том чудном и растрепанном журнале.

Гравюры Ю. Космынина.

ПИСАТЕЛИ

Наше издательство специфическое. Выпускаемые им книги, брошюры и плакаты призваны прежде всего помочь советским воинам лучше овладеть мастерством, в совершенстве изучить новое оружие и сложную современную технику. Вот почему основное место в планах издательства занимает военная литература (техническая, теоретическая и массово-политическая). Издается немало книг исторического и мемуарного характера.

Большое внимание уделяется художественной литературе.

Произведения о жизни, службе и боевой учебе солдат, матросов и офицеров воспитывают такие замечательные качества, как высокая боеспособность, постоянная боевая готовность, бдительность и дисциплинированность. Мы стремимся к тому, чтобы создать в наших книгах по-настоящему сильный положительный образ советского воина мирных дней.

В 1966 году издательством планируются книги о современной жизни армии и флота известных писателей: А. Первенцева («Операция «Норд»), И. Всеволожского («Ночные туманы»), Д. Сергиевича («Десять дней отпуска»), Г. Семенихина («Космонавты живут на земле»), Б. Пармузина («В пустыне всегда неспокойно») и книги молодых авторов — В. Жукова, Ю. Пронякина, В. Протасова, К. Панферова, А. Киреева.

Хочется назвать и наиболее значительные произведения о Великой Отечественной войне.

Повесть «Истребители вступают в бой» написал генерал-майор доктор военных наук профессор И. Н. Березовой. В годы войны он был начальником штаба авиасоединения. В своей книге он рассказывает о летчиках-истребителях, которые в первые месяцы войны мужественно защищали советское небо от фашистских стервятников.

Впервые в жанре прозы выступает с романом «Черное солнце» поэт Владимир Осинин. Его книга, посвященная героям-танкистам,— это волнующее повествование очевидца, произведение глубоко патриотическое.

Книги о войне сдали в Воениздат московские литераторы В. Андреев (сборник рассказов «Когда горит сердце») и В. Василевский (повесть «На переднем крае»), азербайджанский прозаик С. Велиев (роман о партизанской борьбе в районе Триеста «Триглав, Триглав...»), украинские писатели С. Голованивский (роман «Тополь на том берегу») и Ю. Збанацкий (повесть «Единственная»), таджикский романист Ниязи Фатех («Верность») и узбекский писатель Шухрат («Годы в шинелях»). Некоторые книги, получившие горячее признание читателей, будут переизданы в серии «Советский военный роман». Это «Солдаты» М. Алексеева, «Белая береза» М. Бубеннова, «Тяжелый дивизион» А. Лебеденко.

Готовясь к 50-летнему юбилею Советской власти, Воениздат начал выпускать серию книг известных поэтов. В 1966 году в этой серии увидят свет сборники Д. Бедного, Н. Грибачева, А. Твардовского, Н. Доризо, П. Крученюка.

Очень многие авторы, печатающиеся в Военном издательстве,— писатели-воины, офицеры, несущие службу в различных родах войск. О некоторых из них и их книгах рассказывается на этих страницах.

Полковник С. БОРЗУНОВ,
главный редактор художественной литературы Воениздата

ВОИНЫ

Авторы Воениздата В. В. Полторацкий, Б. А. Мясников и В. Д. Соколов в гостях у воинов.

СНОВА О РАКЕТЧИКАХ

Творчество подполковника Николая Горбачева тесно связано с армией, и прежде всего с ракетчиками. Им посвящены сборник рассказов «Возвращение», повести «Ракеты и подснежники», «Звездное тяготение».

...На читательских конференциях Николаю Горбачеву задают вопрос: «Над чем работаете сейчас?»

— Над романом «Дайте точку опоры». События его относятся к тем годам, когда в армии начался процесс, именуемый революцией в военном деле.

Н. Горбачев рассказывает, что роман — многоплановое произведение, в центре которого судьба товарищей, окончивших инженерную академию и ставших один — командиром, другой — сотрудником научно-исследовательского института, разрабатывающего ракетное оружие...

Роман покажет характер современной армии. Действие происходит в одной из частей ракетных войск, крупном штабе, научно-исследовательском институте, на испытательном ракетном полигоне.

ВСЕГДА ОДНА ТЕМА

Десанты и штурмы, огонь и раны — такова фронтовая биография полковника Николая Камбулова. И поэтому не случайно так взволнованно он пишет об армии военных и мирных лет.

В 1962 году в Военном издательстве вышла повесть Николая Камбулова «Подземный гарнизон». Это—первое произведение, в котором воскрешено необыкновенное мужество защитников аджимушкайских катакомб. В книге нет вымысла, нет придуманных ситуаций, ибо все, о чем рассказывает писатель, он сам видел, сам пережил.

Вдумчиво отнесся Николай Камбулов и к теме современной жизни армии, которую он решает в романе «Разводящий еще не пришел». Герои этого произведения влюблены в армию, стремятся сделать ее непобедимой, еще более боеспособной, ибо разводящий, то есть всеобщий мир, еще не пришел и армия должна находиться в постоянной боевой готовности.

В февральском номере журнала «Москва» публикуется новая повесть Николая Камбулова «Тринадцать осколков». В ней писатель по-прежнему остается верен своей теме: главный герой этого произведения — советский человек в погонах, совершающий героические поступки во имя полного торжества коммунизма.

«РАЗГЛАШЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ»

Произошло это в дождливую июньскую ночь 1943 года. Пользуясь непогодой и кромешной темнотой, над советской территорией пролетел фашистский самолет. Когда вдали заглох шум его моторов, на небольшую лесную поляну приземлился парашютист. В его чемодане лежали сухие батареи для радиостанции, два комплекта обмундирования, бланки различных документов, запас пищи и другие принадлежности шпиона. В кармане — оружие, в вещевом мешке — советские ассигнации. Парашютиста никто не заметил, и он мог бы спокойно скрыться в лесу... Но странное дело: разведчик и не собирался скрываться. Он спокойно отстегнул лямки парашюта, аккуратно сложил его, взвалил на спину рюкзак, взял чемодан и уверенно зашагал в сторону нашей Н-ской части.

Парашютистом оказался советский офицер Александр Козлов. Захваченный гитлеровцами в 1942 году в плен, он несколько месяцев обучался в специальной разведшколе в Германии и теперь засылался врагом в наш прифронтовой тыл для ведения шпионской работы. Одет он был в форму советского гвардии капитана и имел документы на имя Раевского...

А через некоторое время Козлов вернулся к гитлеровцам, чтобы выполнить задание советского командования.

О сложной и опасной работе советского разведчика, о его действиях во вражеском лагере, об огромном вкладе советской разведки в дело нашей окончательной победы над врагом и рассказывается в повести литератора — офицера Александра Сердюка «Разглашению не подлежит». Книга эта находится в печати и скоро появится на прилавках книжных магазинов.

ПРОСТАЯ БИОГРАФИЯ

АНАТОЛИЙ ЗЕМЛЯНСКИЙ **После града**

На наш вопрос подполковник Анатолий Землянский, смущаясь, ответил:

— Что можно сказать о себе? На фронте, на переднем крае, не был. Служу в армии. Понемногу пишу.

Да, биография действительно простая. В 1940 году сельского парня с Брянщины, решившего поступить в техникум, поезд привез в Воронеж. А в июле 1941-го опять же поезд, только товарняк, отвез повзрослевшего на год студента под Ельню, на трудовой фронт.

Сразу по возвращении с трудового фронта юноша добровольно ушел в армию. Его послали на курсы морзистов-телеграфистов. Окончил. С февраля 1942-го запасный полк, учебный батальон. Затем военное училище и институт. Потом офицерская служба в разных частях и на разных должностях.

Тетрадь самых первых своих стихов парень с Брянщины вез в потертом чемоданчике. Никому не показанные, они пропали. Новая тетрадь поселилась в кармане. Автор принес ее в Литературный институт имени А. М. Горького в 1948 году. Приняли. На заочный, конечно: погоны оставались на плечах.

Учась в институте, Анатолий Землянский впервые потянулся к рассказу. Увлекся. И как-то так получилось, что первая прозаическая книжка «Струны чистого звона» вышла раньше поэтической («Это живет во мне». Стихотворения и поэмы. Воениздат, 1964). А в последнюю книгу, «После града», вышедшую совсем недавно, включены уже не только рассказы, но и маленькие повести.

ПЕВЕЦ ПОГРАНИЧНОЙ РОМАНТИКИ

Главные герои книг подполковника Анатолия Марченко — пограничники. В его повестях и рассказах показаны люди суровой и завидной судьбы, влюбленные в свой ратный труд, смело идущие навстречу опасностям.

Нравственная красота советского человека — основная идея новой книги Марченко «Как солнце дню». Главные герои повести, давшей название сборнику, в первые месяцы войны проходят через суровые испытания, и каждый по-своему преодолевает их.

Другая повесть, включенная в эту книгу, «Юность уходит в бой», рассказывает о юношах и девушках, со школьной парты ушедших на фронт, о пограничниках, принявших на себя первый удар врага.

«Как солнце дню» — четвертая книга Анатолия Марченко.

О МОЛОДЫХ МОРЯКАХ

Капитан 2-го ранга Виктор Устьянцев прекрасно знает современную службу на флоте, характеры командиров и матросов, специфику флотской службы. Знает потому, что сам много лет отдал службе на корабле.

И вот он сдал в Военное издательство новую книгу. В нее входят три повести о флоте наших дней.

У героев повестей есть одна хорошая примета: все они молоды. Отсюда и свойственная молодости неуемная жажда жизни, стремление понять ее цель и смысл, умение в будничном труде моряков найти ту возвышающую романтику, которая делает людей светлыми и чистыми.

В пору их первой любви мы знакомимся с героями всех трех повестей: молодым матросом Костей Соколовым («Здравствуй, море!»), подводником лейтенантом Матвеем Стрешневым («Капитан покидает судно последним»), журналистом Николаем Гуляевым («Океан не спит»).

«ГРОЗА НАД ДЕСНОЙ»

Как бы ни были суровы дни войны, жизнь оставалась жизнью.

Длинноносую сельскую девчонку полюбили два паренька. Кому из них выпадет счастье заслужить ее любовь? Кто перенесет все испытания во имя высокого и чистого чувства? Об этом рассказано в романе Н. Бораненкова «Гроза над Десной».

Подполковник Николай Бораненков известен читателям по повести «Боевые товарищи», романам «Птицы летят в Сибирь», «Вербы пробуждаются зимой». Роман «Гроза над Десной» — одно из первых крупных произведений молодого писателя. Герои его романа — советские воины, сражавшиеся на границе под Старой Руссой, Курском, в Белоруссии, юные партизаны и партизанки Брянских и Смоленских лесов.

В этом году роман выйдет в новом, дополненном и переработанном издании.

В сводках не сообщалось...

Это было на третий день войны. Колонна штаба дивизии двигалась на запад. Неожиданно впереди оказалась засада врага. Спасая знамя, группа бойцов во главе со старшим политруком Александром Барбашовым отошла в лес. Знамя было спасено. Но соединиться со своими вновь знаменосцы уже не смогли. Отряд несколько раз менял направление и везде натыкался на врага. Наконец, совершив обход, бойцы нашли путь к району сосредоточения дивизии. Но неожиданно впереди снова послышался гул многих машин. Знаменосцы залегли.

...Шум на дороге усиливался. Барбашов раздвинул стебли малинника и нетерпеливо подался вперед. По дороге навстречу знаменосцам двигались немецкие танки и бронетранспортеры. Барбашов без труда разглядел короткоствольные пушки тяжелых танков и черные кресты на грязно-зеленой броне автомобилей.

Прошла минута, вторая, десятая, а колонна все гудела, рычала, и Барбашов вдруг понял, что дальше идти некуда. Там, впереди, куда вел он свой маленький отряд, своих уже не было. Искать их теперь нужно было только на востоке.

О том, как бойцы выносили из окружения знамя дивизии, рассказывается в повести «В сводках не сообщалось...» подполковника Александра Беляева.

НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Когда вершин военных обелисков
Касается крылом своим заря,
Я вспоминаю мне родных и близких,
Всех русичей
И сыновей российских,
Погибших на земле и на морях.

Передо мной,
Как будто из преданий,
Проходят через годы и века
В кольчугах бородатые славяне:
Владимирцы, орловцы и смоляне —
С мечами изостренными в руках.

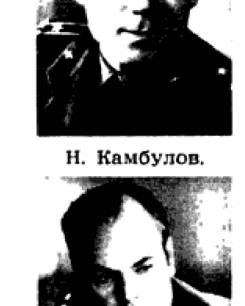
Я чувствую,
Как здесь незримо встали
Дружинники и родичи мои,
Что наши веси грудью прикрывали,
Когда над Русью тучи залегали,
Когда молчали в рощах соловьи.

И я горжусь:
Живет моя Россия,
Пройдя через лихие времена.
Не рухнут ее горы снеговые,
Не высохнут ромашки полевые,
Ее висков не тронет седина.

Она идет — крепка, русоволоса,
За горизонт глядит из-под руки,
В ее глазах — хрусталь озерных плесов,
В ее кудрях — зеленые березы,
В ее душе — живые родники.

Сергей БАРЕНЦ

Н. Горбачев.

Н. Камбулов.

А. Землянский.

А. Марченко.

Н. Бораненков.

В. Устьянцев.

А. Сердюк.

А. Беляев.

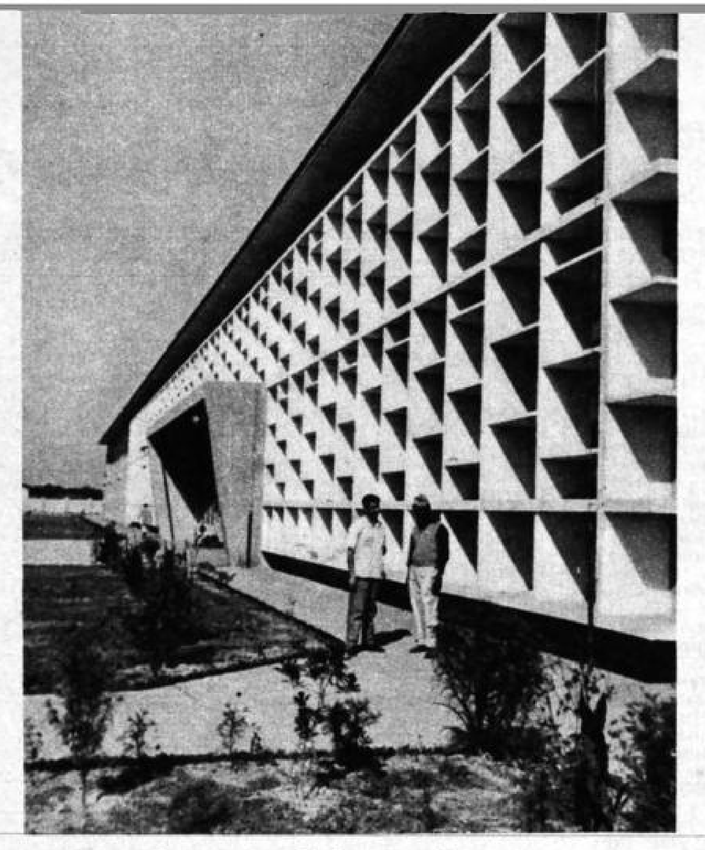
С. Баренц.

Рисунки Л. Хайлова.

Грозные львы охраняют входы в дома непальцев.

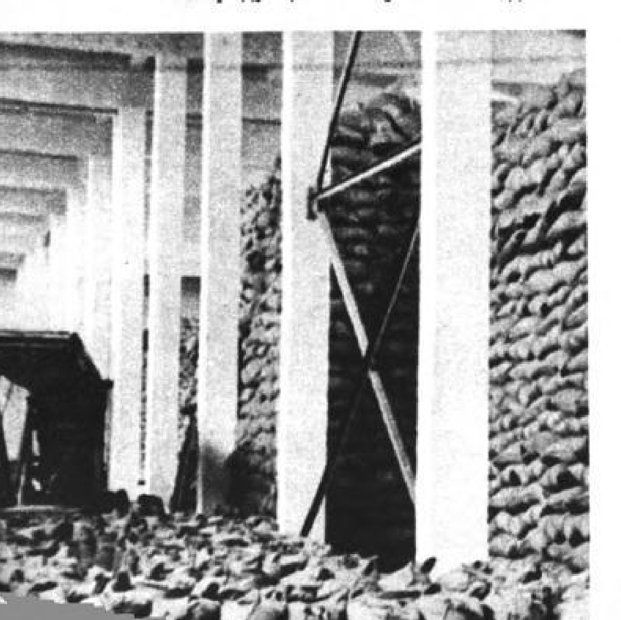

Сигаретная фабрика в Джанакпуре.

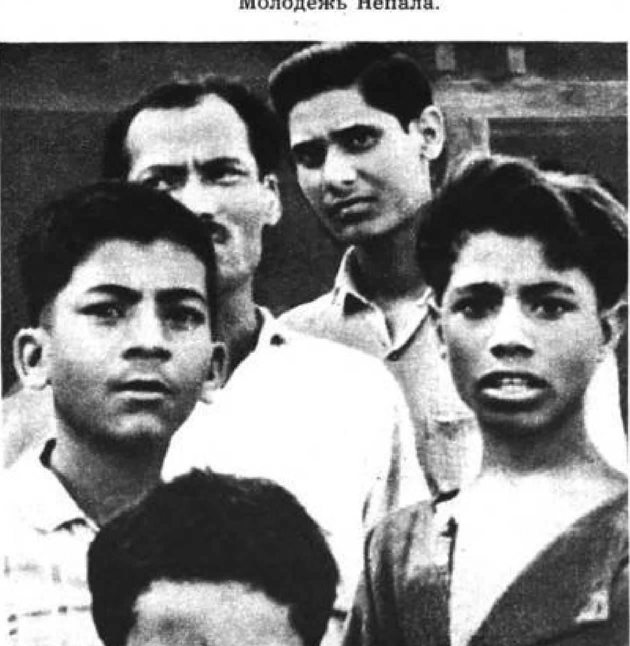

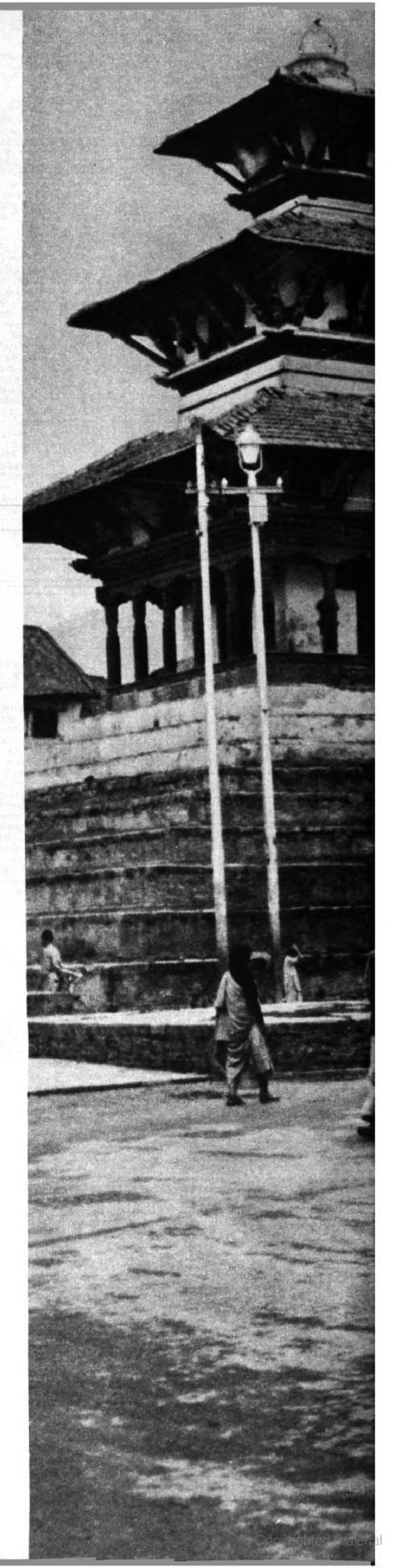
Улица города.

Продукция сахарного завода.

Молодежь Непала.

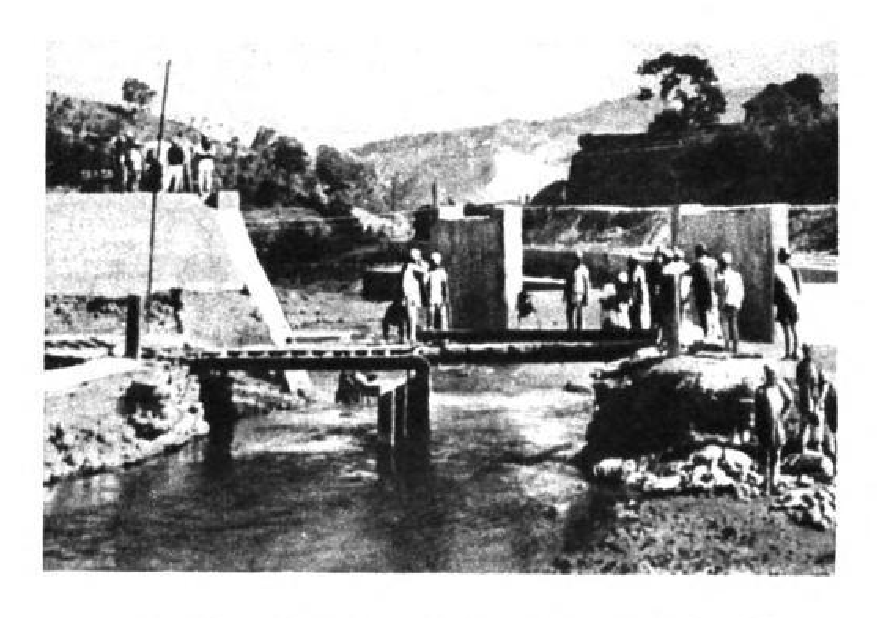

Фото В. Трапезникова, Л. Панкина, Л. Котляренко.

Строительство плотины гидроэлектростанции Панаути.

ЧУДЕСА НЕПАЛА

До 1948 года в Центральном Непале побывало всего около пятидесяти европейцев. Долгие годы Непал казался очень далеким, и мы мало знали о нем. Авторы книг давали ему такие эпитеты, как «сказочный», «фантастический», называли его «страной за семью замками». Но сказочного в этой стране было мало. В ней просто сохранилось, словно в заповеднике, почти до наших дней самое настоящее средневековье. Всей землей владели феодалы. Представители самого крупного семейства — Рана, отстранив короля от фактической власти, более ста лет занимали все важнейшие посты в государстве, душили свободу. Еще в двадцатых годах нашего века здесь существовало рабовладение. Иногда по улицам городов бродили люди, закованные в кандалы. По приказанию всесильного магараджи Рана, случалось, хватали ту или иную приглянувшуюся ему девушку и заточали в гарем.

Вступавшие в сговор с английскими колонизаторами правители страны поставляли в английскую колониальную армию солдат — гурхов, вербуемых среди крестьянской бедноты, и получали за каждого по 25 английских фунтов стерлингов.

Непальские сановники добирались в столицу страны Катманду в паланкинах, которые несли носильщики по горным тропам. По тем же тропам кули доставляли автомашины, закупленные для правителей страны за границей, и даже памятники, отлитые за рубежом и предназначенные для установки на площадях Катманду. Шоссейная дорога соединила столицу Непала с внешним миром только в 1956 году.

До сороковых годов в Непале не существовало книгопечатания, радиовещания, кинотеатров, не было, по существу, почтовой связи с зарубежными странами.

Исторический поворот в жизни Непала произошел 15 лет назад. 18 февраля 1951 года в результате вооруженного выступления непальских патриотов семейство Рана было лишено власти, страна стала на путь прогрессивного развития.

Национальный Панчаят в 1963 году принял свод законов, устраняющих ряд пережитков феодализма в области общественных отношений, в частности запрещены различные формы принудительного труда, постепенно отменяется кастовая система. Принят закон о выкупе государством у феодалов излишков земли и продаже ее крестьянам.

Особенно ярко бросаются в глаза черты нового в столице Непала. На шумных улицах Катманду то и дело встречаешь юношей и девушек с книгами. Часто они готовятся к занятиям, сидя на газонах центральной площади Тундикхел. В столице несколько колледжей, медицинская и юридическая школы, в пригороде Киртипуре строится университет, первый в стране. Несколько лет существует Королевская академия искусств. В столице есть библиотеки, кинотеатры, музей; за силуэтами пагод возвышается мачта радиовещательной станции. В городе два новых госпиталя. Один из них построен и оборудован Советским Союзом. В 1963 году он был преподнесен в качестве дара непальскому народу.

В соответствии с планами экономического развития в Непале строятся дороги, ирригационные каналы, электростанции. Одна из важнейших дорог свяжет западную и восточную части государства. В ее строительстве принимают участие и советские дорожники. В сорока километрах от столицы, около деревни Панаути, с помощью СССР сооружена гидроэлектростанция мощностью в 2 400 киловатт.

В городе Биргандже Советский Союз помог создать сахарный завод. Его производительность — 14 тысяч тонн сахара в год. Просторные цеха оснащены современным оборудованием, изготовленным в Чехословакии. В городе Джанакпуре в начале 1965 года открылась сигаретная фабрика, в сооружении которой принимали участие советские специалисты. В Биратнагаре с помощью СССР будет строиться завод сельскохозяйственных орудий.

В Непале много удивительных сочетаний старого и нового.

Король по традиции ежегодно едет охотиться на тигров в джунгли, но теперь отправляется он туда на вертолете. Старинные храмы, как и столетия назад, привлекают к себе нескончаемые вереницы паломников, но теперь не в диковинку встретить неподалеку от храмов тех же непальцев с транзисторными приемниками.

Конечно, в стране еще сохранились старинные обычаи вроде ярких праздничных шествий, паломничества к «святым местам» — к храмам Боднатх и Сваямбукатх, воздвигнутым более двух тысяч лет тому назад, к легендарному месту рождения Будды в Лумбини. Но XX век уже властно входит в далекую гималайскую страну. Все меньше остается и мест, куда бы не ступала нога человека, покорены знаменитые гималайские горные исполины-восьмитысячники, развеян и миф о снежном человеке. Несмотря на введенный непальским правительством в 1962 году весьма высокий денежный сбор за право восхождения на гималайские вершины, существует очередь зарубежных альпинистов, желающих взобраться на крышу мира.

Чудеса, связанные с древностью, постепенно уходят в прошлое. На смену им пришли новые чудеса. Разве не чудо, когда молодой непальский строитель, опустив привычным жестом щиток на лицо, сваривает металлические конструкции и при этом даже не удостаивает вниманием пролетающий над его головой самолет!

Дм. КОСТИНСКИЙ

Мимо древнего храма шагают утром школьники и студенты.

ЗА ГОРИЗОНТ ПРЕКРАСНОГО

В. ЗАХАРЧЕНКО, писатель,

П. ТЕСНЕР, профессор,

члены президиума Федерации горнолыжного спорта СССР

Вертолет резко отваливает в сторону гор... Стрекозиная его тень пересекает волнисто-белую границу между морем и берегом. Впереди горы. Мы царственно — так бывает только во сне — проносимся над нестройной геометрией сухумских улиц и врываемся в зелено-синий настой воздушной толщи; она, цвета бутылочного стекла, втиснута, как в фантастическую чашу, в хвойные обрывы горного ущелья. На горизонте его ослепительно-белые снега высокогорья, а внизу, справа и слева, отточенные природой зеленые пики столетних пихт и редкие, чуть желтоватые вспышки дубов и буков. Вертолет проносится над самыми остриями лесных пик, над голубыми зеркалами крохотных озер.

— Красота...

— Нет. Это больше чем красота,— отрываясь от иллюминатора, бросает Вианор Панджович.— Такого вы не увидите нигде в мире. Никогда! И все это в двух шагах от моря, где ежегодно отдыхают миллионы людей... Да, мы с вами, увы, слишком часто даже не догадываемся о красотах, которые рядом с нами.

Директор единственного в мире Научно-исследовательского института туризма, вот уже несколько лет тому назад созданного на общественных началах в Абхазии, Вианор Панджович Пачулиа знает цену красоты своей республики. Возглавляя республиканское Общество по охране памятников культуры, он исходил многие сотни километров горных троп. Он исследовал пещеры Нового Афона и зарытые временем тайны Великой абхазской стены, древние храмы Пицунды и полузалитые морем руины знаменитой Диоскурии. Но сегодня мы, на общественных началах, члены института, участвуем в экспедиции особого рода. Она не связана с прекрасным прошлым страны. Она пролегает в будущее: мы летим за горизонт того прекрасного, что проносится сейчас в продолговатых кинескопах вертолетных иллюминаторов и что должно быть открыто всем людям.

Мы летим на место строительства будущей высокогорной базы отдыха и спорта «Гагра-Альпийская». Уже не раз писалось о ней. Уникальнейшее место земного шара: горное заснеженное плато рядом с субтропическим курортом. Головокружительные лыжные спуски — и подводное плавание. Альпийское буйное солнце высокогорья, спорящее с раскаленной галькой приморских пляжей! А между этими, казалось бы, противоречивыми началами связующая нить будущей канатной дороги.

Пришло время от громких слов переходить к делу. Совет Министров Грузинской республики, откликаясь на обостренный интерес, принял решение о строительстве комплекса «Гагра-Альпийская». Архитекторы Тбилиси завершают первую стадию проектирования. Здесь будут гостиницы, ресторан, курортные залы, летний каток и отлично оборудованные подъемниками горнолыжные трассы. Экспедиция института, включив в свой состав представителей Федерации горнолыжного спорта СССР, ставит своей задачей более детальное исследование этого сказочного района.

Летчики торопятся пройти перевал Псху. Три дня он был забит облаками. Сегодня его распахнуло. Надолго ли? А ведь нам необходимо еще доставить продовольствие геологам Ахейского месторождения ртути. Нас с нетерпением ждут 184 человека, на многие недели оторванные от Большой земли...

Но вот, выполнив свой долг перед геологами, летим дальше. Наш вертолет, продираясь сквозь белесые клочья облаков, невесть откуда сбежавшихся в ущелье, зависает над хрустальной чашей озера Рица. Словно жуки-плавунцы, оставляя белые следы на разводье, ползут по озеру скоростные катера. Желтоватый серпантин дорог врублен в зелень склонов вдоль пенных извивов Геги. Видны крохотные площадки для стоянки автомашин и автобусов, несколько ровных квадратов гостиничных зданий.

Мы по-орлиному скользим над этим крохотным кусочком уже освоенной человеком красоты, медленно проплываем над буковыми и дубовыми рощами Адавадхары и решительно устремляемся в кипящее белой пеной и зеленью ущелье Бзыби.

Так вот оно, место, где будут воздвигнуты в ближайшие годы первые сооружения будущего комплекса «Гагра-Альпийская». Высокогорные луга, в которые врезаются острыми клиньями буковые леса. Горные склоны величественно возвышающихся над плато вершин Арабик и Мамздышха.

Но какой вид открывается отсюда, с высоты 1 600 метров! У наших ног, розоватое, чуть дымящееся у горизонта, лежит море. Оно рядом... Оно близко — рукой подать: там, за сине-зеленой гребенкой пихт, штурмующих поляну с крутого склона Гагринского хребта. А за нашей спиной плавные склоны гор, которые станут лыжными трассами.

Ради одного этого можно проделать путь не в одну сотню километров.

— Неужели все это сможет видеть каждый?

— Да, сможет...

Канатная дорога за какие-то двадцать минут поднимет вас с гагринского побережья, от шума санаториев и пансионатов, к торжественной тишине «Принцевой поляны», к мягким склонам и увалам, простирающимся отсюда к гостеприимным вершинам гор. Двадцать минут...

На мгновение хочется представить себе, как утроится, удесятерится вся эта красота, когда белые снега закроют склоны и поляну, а там, внизу, еще будет торжествовать яркая осень субтропиков, плескаться ласковая волна!

Мы вновь поднимаемся вверх. Нам надо обследовать склоны Арабика — ведь здесь пролягут трассы слалома. На озере будет высокогорный каток. Туристские и лыжные маршруты протянутся отсюда к Малой и Большой Рице, к Ацетукским озерам...

Сегодня это почти не исследованный заповедник туристов и лыжников, царство отдыха и наслаждения дарами земли и неба.

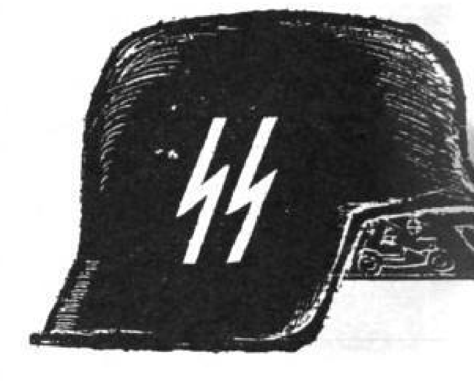
Но когда же мы наконец приступим к планомерному освоению этих мест? Неужели пятьдесят лет тому назад принц Ольденбургский, осваивавший Гагру, был дальновиднее нас? Ведь уже в те годы была проложена талантливыми строителями Абхазии горная дорога на поляну. 36 километров ее серпантина давно бы следовало восстановить, а восстановлено за полвека всего лишь десять километров.

Не пора ли всерьез ставить вопрос о неправильном распределении средств, отпускаемых на строительство в курортных районах? Архитекторы и строители порой изощряются на узкой и тесной полосе традиционного побережья в поисках новых решений, порой полных ненужного излишества, а сами даже представления не имеют о красоте, застывшей в безвестности буквально у них над головой.

Горячо приветствуя решения Совета Министров Грузии о строительстве первого в стране комплекса — «Гагра-Альпийская», мы не можем не выразить своего беспокойства по поводу темпов проведения подготовительных работ и проектирования. Необходимо решение финансовых вопросов с привлечением всех заинтересованных организаций: ВЦСПС, «Интуриста», «Спутника» и других.

Пора наконец расширить горизонты прекрасного.

Макет будущего строительства.

ВОСПОМИНАНИЯ ГЕНКОНСУЛА 1940—1941 гг.

В жизни оккупированного Парижа происходило много странного. Спустя несколько месяцев после заключения перемирия тысячи беженцев вернулись в столицу, и внешне город заметно оживился. На его улицах, некогда нарядных, заполненных блестящими автомобилями, появились такси-рикши и автомобили с уродливыми газогенераторными установками: не было бензина. Модной стала обувь на деревянной подошве. С наступлением холодов дома стояли нетопленные: не было угля. На улицах, у продовольственных магазинов, выстраивались длинные очереди, но в кабаре «Казино де Пари», «Фоли бержер», «Табарен», переполненных гитлеровцами всех рангов, шел кутеж. В кинотеатрах демонстрировали германскую военную хронику, снятую во всех частях Европы, где армия Гитлера одерживала одну победу за другой. В темном зале раздавался свист и улюлюканье. Дело дошло до того, что военную кинохронику показывали при включенном свете, под наблюдением французских или немецких полицейских, входивших на это время в зрительный зал.

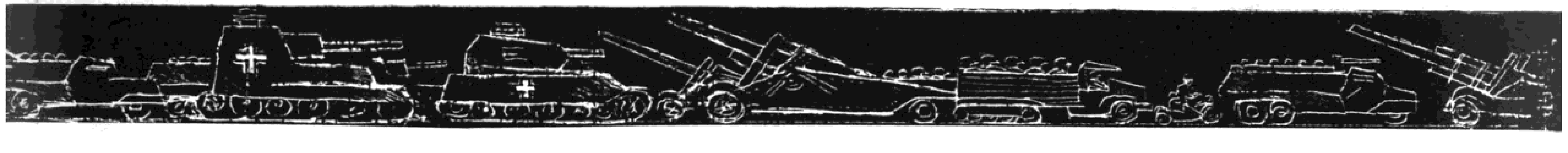
Кроме радиоприемников, дававших нам возможность слушать московские передачи, как и передачи из других стран, особых развлечений у нас не было. Я попробовал организовать коллективные посещения театров, но на первом же спектакле в «Комеди франсэз» увидел, что мы были почти единственными штатскими зрителями среди германской военщины, заполнявшей зрительный зал.

Из иностранных консулов, находившихся в то время в Париже, я изредка поддерживал контакт со старшиной консульского корпуса, бразильским генеральным консулом Перейра да Мелло. Этот пожилой, весьма симпатичный человек был настроен по отношению к немцам отнюдь не дружелюбно. Перейра много лет жил в Париже и свои консульские обязанности совмещал с представительством во Франции крупных бразильских кофейных компаний. Многие иностранные консулы одновременно занимались и коммерческой деятельностью.

Перейра долго расспрашивал меня о России. Больше всего его интересовал вопрос, пьют ли у нас кофе. Он был явно разочарован, узнав, что большинство нашего населения пьет чай.

Продолжение. См. «Огонек» № 7.

Л. ТАРАСОВ

ОККУПИРОВАННОМ ПАРИЖЕ

— Сколько жителей в вашей стране?— спросил бразилец.

— Двести миллионов...

— О!— И представитель бразильских кофейных монополий стал подсчитывать, какое количество кофе мог бы поглотить русский рынок.— Почему же вы не покупаете у нас кофе?— воскликнул он.

— Между нашими странами нет дипломатических отношений,— ответил я.

— Но ведь это опасно из-за коммунистической пропаганды!— нисколько не смущаясь, сказал бразильский консул.

Что можно было ему на это ответить? Я не мог сдержать улыбки...

Вскоре в Виши прибыл вновь назначенный Советским правительством посол во Франции Александр Ефремович Богомолов и вызвал меня к себе для доклада. Умный, образованный и опытный человек, Богомолов быстро разобрался в сложной обстановке, царившей тогда во Франции и ее новой столице. Наконец я мог получить ответы на вопросы, которые возникали в связи с работой в оккупированном Париже. Но все же отсутствие нормальной дипломатической связи чувствовалось на каждом шагу. Неожиданно на помощь пришли французские друзья. Мне до сих пор неизвестно, как на протяжении столь длительного времени работникам парижской междугородной станции удавалось скрывать от контроля германских оккупационных властей несколько телефонных каналов, связывавших Париж с южными городами! Нас по первому требованию соединяли с посольством в Виши. По телефону мы диктовали цифровые группы шифротелеграмм, которые посольство уже нормальным путем отправляло в Москву. Так почти целый год нам удавалось поддерживать двустороннюю связь с Министерством иностранных дел.

В Париже посетители по-прежнему с раннего утра выстраивались в длинные очереди у дверей нашего генконсульства. Многие из них голодали, и с ними мы делились продуктами, которые покупали в деревнях. До некоторого времени германские власти как будто бы не обращали внимания на наши поездки по оккупированной зоне. Обычно я посылал имевшийся у нас небольшой грузовичок в Бретань или в другие департаменты, где можно было купить у крестьян овощи и мясо. Таким образом мы снабжали продуктами нашу небольшую советскую колонию, кое-кого из французов и испанских беженцев-республиканцев.

Систематически мы поддерживали и таких людей, как академик Ланжевен, писатель Жан-Ришар Блок. Последнего несколько позже удалось отправить в Москву.

Генконсульство продолжало выплачивать денежное пособие вдове Георгия Валентиновича Плеханова. Р. М. Плеханова, высокая, строгого вида женщина, держалась несколько замкнуто, я бы сказал, даже сурово. О своем муже она говорила так, как будто со дня его смерти не прошло более двух десятков лет и она с ним только что рассталась. Я молча выслушивал ее короткие фразы, сказанные в поучительном тоне, и, подавив в себе желание расспросить ее о Плеханове, почтительно провожал до дверей посольства.

До конца 1940 года во Франции еще чувствовались отголоски пропаганды правительства Даладье и Рейно, которая утверждала, будто советско-германский пакт о ненападении 1939 года не что иное, как военный союз СССР и гитлеровской Германии. Бывшему французскому правительству, защищавшему интересы крупных промышленников, эта версия нужна была для оправдания своей политики, приведшей в итоге к поражению Франции. Но с начала 1941 года все больше стали распространяться слухи о неизбежной войне между гитлеровской Германией и Советским Союзом.

В генконсульство все чаще приходили люди, желавшие предупредить нас о неминуемом нападении Германии на нашу страну. Почти все они рассказывали, что слышали об этом от кого-то из оккупантов. Это были не только наши новые граждане, но и наши друзья-французы, испанцы-республиканцы, нашедшие убежище во Франции после поражения Испанской республики, и даже русские белоэмигранты, ранее никогда не приходившие в советское консульство. Многие из них служили шоферами в оккупационных воинских частях и учреждениях, возили оккупантов разных рангов и, как все шоферы, многое узнавали из того, что говорилось за их спинами. Большинство этих людей состояло в различных антисоветских белоэмигрантских организациях, но еще с периода первой мировой войны к немцам относились как к врагам России.

У меня не сохранилась в памяти фамилия белоэмигранта, бывшего морского офицера российского флота, пришедшего к нам, как он уверял, от имени адмирала Кедрова, одного из видных деятелей Российского Общевоинского Союза (РОВС)— военной антисоветской эмигрантской организации. Этот человек передал нам беспокойство адмирала и его слова, что перед лицом военной угрозы России со стороны ее «исконного» врага Кедров был бы счастлив «вступить на палубу советского корабля хотя бы в качестве мичмана».

Среди других в моем кабинете появился бывший полковник царской армии. Октябрьская революция застала его на военно-дипломатической службе в Италии (он не то был помощником военного атташе, не то состоял в какой-то русской военной миссии во время войны). Это был старик. Говорил бойко, не без юмора. Он начал с того, что ему ничего от меня не нужно, но что он не мог побороть в себе желания в это «смутное» время, как он выразился, поговорить с «истинно русским человеком» оттуда, из самой «матушки»-России!

— Я понимаю,— начал полковник,— на кой черт мы вам нужны! Но вот наши дети еще могут пригодиться России...— И он стал рассказывать про сына, ставшего офицером французской армии и жаждавшего сражаться с немцами.— Что вы думаете о возможности новой русско-германской войны?— вдруг спросил меня бывший военный дипломат.— Вы уж извините меня, старика, я понимаю, что подобные вопросы дипломатам задавать не следует, но уж очень меня волнует этот вопрос.

Полковник пожевал губами, поднес уже немного трясущиеся руки к лицу и дрогнувшим голосом сказал:

— Ох, много у нас грехов перед Россией... Теперь приходится околевать на чужбине... Прости, господи, наши великие прегрешения!— И он истово перекрестился, задумался и опустил голову.

— Что же вы делали все это время в эмиграции?

Он встрепенулся, в глазах его опять появился веселый и даже лукавый огонек и, бережно взяв предложенную мною русскую папиросу, рассказал:

— Я, изволите ли видеть, не бежал из России. Революция застала меня в Италии. Ну те-с, вначале мы все думали, что революция — это так, несерьезно и ненадолго, но получилось иначе.... Когда же белое движение оказалось подавленным, мы поделили между собой посольские деньги и расползлись, как тараканы... Ну... некоторые остались в Италии, а я подался в Париж. Здесь я вошел в компанию из бывших генералов, князей и графов, мы открыли шикарный ресторан, настоящий русский, с икрой, блинами...— Рассказчик весело взглянул на меня, элегантным жестом поднес папиросу ко рту, затянулся и с шиком выпустил дым к потолку.— И вот, сами все проели и пропили! Так и закончилась наша компания. Остались мы ни с чем, как раки на мели...

Прощаясь, старик со слезами на глазах благодарил меня за то, что я терпеливо выслушал его и дал облегчить душу.

Однажды во второй половине дня, когда уже заканчивался прием в генконсульстве, мне сказали, что пришел какой-то русский, назвавшийся Мясниковым, и настойчиво просит генконсула принять его, не желает разговаривать ни с каким другим сотрудником.

Худой, плохо одетый человек небольшого роста не спеша вошел в мой кабинет. Глубоко сидящие, небольшие глаза, с хитрым прищуром под густыми седыми бровями, изучающе смотрели на меня. Резкие морщины на лице, длинные, зачесанные назад седые волосы и узловатые руки рабочего выдавали в нем уже пожившего и много испытавшего на своем веку человека. Держался он свободно, даже с достоинством. В руках у него была объемистая папка.

— Я Мясников,— представился посетитель как-то многозначительно.— Мяс-ни-ков! — с расстановкой повторил он, видя, что произнесенная в первый раз фамилия не вызвала у меня никаких эмоций.

— Прошу садиться. Чем могу служить?

Посетитель улыбнулся. Прищуренные глаза хитро взглянули на меня. Он молча сел, положив папку на столик перед собой.

— Я Мясников из «Рабочей оппозиции». Слыхали о такой?— в третий раз представился он.

Передо мной сидел Мясников Г. И., один из деятелей так называемой «Рабочей оппозиции», антипартийной, анархо-синдикалистской группировки в РКП(б), выступавшей против линии ЦК вместе с троцкистами. В 1933 году во вре-

мя чистки партии, он был исключен из ее рядов.

— Слыхал,— ответил я.— Какое у вас дело к нам?

— Собственно, личных дел у меня к вам нет. Я пришел поговорить о надвигающейся войне...

Увидев, что я недоуменно пожал плечами, Мясников поспешно добавил:

— Я не прошу отвечать мне или высказывать свое мнение по этому вопросу. Я понимаю, что вы лицо официальное, но мне хотелось бы, чтобы вы все же выслушали меня...

— Насколько мне известно,— сказал я,— вы не были высланы из Советского Союза за границу. Как же вы очутились во Франции?

— Я был выслан в Казахстан, как говорили при царе, на поселение. Но, конечно, не собирался там оставаться долго. Бежать же оттуда совсем не просто; граница с Синьцзяном хоть и была сравнительно близко, но Синьцзян — пустыня, без дорог, тысячи километров надо пройти до цивилизованных районов Китая. А до персидской границы далеко. Вот я и решил обжиться, присмотреться, попривыкнуть на новом месте, чтобы местная власть, несомненно, наблюдавшая за мной, попривыкла ко мне. Кустарничал. Ходил на охоту. На день, на два, на неделю. Возвращался. Так прошел год, может, больше. Местные товарищи привыкли к моим отлучкам. Их внимание притупилось. Тем временем я накопил деньжат и однажды тронулся в путь. Добрался до Туркмении, а там перешел границу и попал в Иран.

— А как же вы из Ирана попали во Францию?

Мясников вновь посмотрел на меня хитро прищуренными глазами, улыбнулся и уклончиво ответил:

— Помогли друзья...

Я не настаивал на больших подробностях и не очень верил в правдоподобность рассказанной истории о побеге. Все могло быть и иначе.

Некоторое время Мясников молча курил, глядя прямо перед собой.

— В этой папке,— вновь заговорил он,— мои воспоминания, вернее, описана вся моя жизнь. В ней не хватает только сегодняшнего дня и моего разговора с вами. Я хотел бы передать ее вам. Возьмете?

— Отчего же не взять...

— Ну, вот, собственно, из-за этого я к вам и пришел.— И он рассмеялся старческим, дребезжащим смехом.— Возьмите. Может быть, не сейчас, позже, когда-нибудь ваши историки заинтересуются и используют мои воспоминания. Да вы прочтите —увидите, себя я не очень оправдываю, других не слишком обвиняю...

Глаза Мясникова все время были хитро прищурены. Очевидно, иначе смотреть он не умел. На этом мы расстались. Я взял его объемистую рукопись. Однако отправить ее в Москву мне не удалось, и она была уничтожена со всей дипломатической почтой в первый день войны, 22 июня 1941 года в Берлине.

Помню я и другую встречу — с Ф. Ф. Раскольниковым. Вернувшись из Испании, в мае 1939 года я получил назначение в Париж в качестве второго секретаря посольства. После длительного пребывания в осажденном Мадриде, в обстановке почти не прекращавшихся артиллерийских обстрелов и частых бомбежек с воздуха, жизнь в Париже казалась мне необыкновенно тихой и спокойной.

Бывший в то время советским послом во Франции Яков Захарович Суриц очень внимательно, с большой теплотой относился к молодым дипломатам. Большой знаток достопримечательностей Парижа и тонкий ценитель живописи, Суриц показывал мне город и водил по картинным галереям.

Как-то в конце мая или в начале июня 1939 года я позвонил Сурицу и получил приглашение зайти к нему. У него в кабинете я застал красивого мужчину лет сорока пяти, с которым он меня тут же и познакомил. Это был Федор Федорович Раскольников, участник Октябрьского вооруженного восстания 1917 года в Петрограде, военный моряк в период гражданской войны, один из первых советских дипломатов и литератор.

Знакомя нас, Я. З. Суриц представил меня как недавнего участника войны в Испании. Раскольников крепко пожал мне руку, сказав, что его очень интересует все касающееся событий в Испании и что он крайне сожалеет о том, что ему не довелось принять участие в этой войне.

Судя по всему, я помешал их разговору и собрался тут же уйти. Однако Суриц задержал меня, сказав, что я могу остаться, и как-то уж очень поспешно обратился ко мне:

— Гм, гм... Вот, Федор Федорович был вызван в Москву, а приехал в Париж... гм, гм, говорит, что нездоров, хочет показаться врачам... Вот я рекомендую ему все же не задерживаться и ехать в Москву... гм, гм. Вы, наверное, тоже так думаете?— неожиданно закончил он, обращаясь непосредственно ко мне.

Не зная еще причин волнения Сурица, я все же понял, что ему почему-то нужно было мое присутствие и участие в разговоре с Раскольниковым. Старый дипломат знал о многочисленных арестах на родине, многое ему было известно и из иностранной прессы. В то время не только Суриц в щекотливых обстоятельствах стремился разговаривать при свидетелях. Раскольников же явно не разделял желания посла и, очевидно, предпочитал бы говорить с ним с глазу на глаз. Почувствовав себя неудобно и пробормотав что-то не очень вразумительное, я поспешно попрощался с Раскольниковым, сказав Сурицу, что зайду к нему позже.

Испытывая досадное чувство неловкости, я вышел из посольства и, пройдя до ближайшего угла, зашел в кафе. Я намеревался вернуться, когда Раскольников уже уйдет. Но, выйдя позже из кафе на улицу, снова столкнулся с ним. Мы остановились. По его рукопожатию и выражению лица я почувствовал, что он был благодарен мне за мой поспешный уход.

— Вы долго пробыли в Испании?— спросил он, и мы заговорили о событиях в этой стране. Его живо интересовало все происходившее там, он расспрашивал о знакомых ему людях. Несколько раз он повторил, что вот ему не довелось поехать туда. Потом, помолчав немного, он заговорил о себе.

— Недавно я получил телеграмму за подписью Литвинова, в которой мне предлагалось срочно выехать в Москву для доклада. Но никакой срочной необходимости в этом не было. Посудите сами,— как бы рассуждая с самим собой, говорил Раскольников.— Болгария — небольшая страна. Никаких важных международных проблем в ней не решалось, в наших взаимоотношениях с ней не имелось никаких осложнений... Я сообщил, что хочу заехать в Париж показаться врачам-специалистам, так как чувствовал себя нездоровым. Запретили. Вторая телеграмма за подписью Молотова предлагала без задержки выехать в Москву... Все это очень странно,— заключил Раскольников и после небольшой паузы добавил:— К тому же Суриц нервничает, расстроен...

Я слушал сочувственно: он казался мне симпатичным человеком. Тогда, пожалуй, я не поверил бы, что Раскольников может не вернуться на Родину. На мой вопрос, когда он уезжает в Москву, Раскольников посмотрел на меня и неопределенно ответил:

— Да вот собираюсь...

Затем он остановил проезжавшее такси и уехал. Спустя некоторое время стало известно о том, что Раскольников не вернулся в СССР и даже выступил в антисоветской печати. Меня долго преследовала мысль о его поступке...

Не знаю, что ожидало Раскольникова на родине. Прав ли он был в своих опасениях? Но твердо знаю, что опубликование им так называемого открытого письма Сталину в ярой антисоветской белогвардейской газете, которая ни на минуту не прекращала призывов к свержению Советской власти и потоплению в крови завоеваний и идей Октябрьской революции,— чудовищный, недопустимый для коммуниста и советского человека факт, независимо от того, в какие условия поставила его жизнь!

Спустя двадцать лет кое-кто в своих воспоминаниях о встрече с Раскольниковым в тот период утверждал, что он находился в состоянии сильного смятения и был похож на растерявшегося ребенка. Вероятно, этим хотели смягчить или даже оправдать его поступок. Другие в своих воспоминаниях не писали, что он был похож на ребенка. Но те и другие замалчивали главное—сам вопиющий факт выступления Раскольникова в антисоветской газете.

Очевидно, я был последним из советских людей, кто разговаривал с Раскольниковым накануне его рокового решения. У меня имеются все основания утверждать, что он был сосредоточен, собран и производил впечатление человека, полностью понимавшего смысл своих действий. Да и всем, знавшим его и его жизнь, хорошо известно, что Федор Раскольников не был похож на слабенького мальчика, способного идти туда, куда дует ветер.

Но вернемся к нашему повествованию.

Я познакомился тогда с французским прогрессивным писателем Жаном-Ришаром Блоком. Он жил трудно. Для прогрессивно настроенных деятелей французского искусства с приходом оккупантов наступили тяжелые времена. Писатель очень нуждался, недоедал, но держался бодро, не падал духом и твердо верил в победу над фашизмом.

Для таких людей, как Жан-Ришар Блок, обстановка в Париже к апрелю 1941 года становилась опасной. Не было сомнений, что рано или поздно оккупанты упрячут его в концлагерь. Переезд в неоккупированную зону также не давал никаких гарантий безопасности. Оставалось одно — отправить писателя в Советский Союз. Организация его отъезда оказалась делом далеко не простым. Но все же удалось преодолеть многочисленные трудности: в апреле 1941 года Жан-Ришар Блок был в Москве.

...Вспоминаю еще об одной встрече. Это был русский художник Чистовский родом из Ленинграда, где у него в то время еще жил отец. Совсем молодым человеком он отправился в Рим—Мекку всех художников. Там он учился и прожил несколько лет. Позже он переехал в Париж.

Чистовский, несомненно, был талантливым художником, одним из тех, к которым признание приходит слишком поздно или тогда, когда их уже нет на свете. В минуту откровения художник с горечью признался мне, что занимался подделками старинных икон, которые всегда пользовались большим спросом у богатых снобов-американцев, скупавших всякую старину в парижских антикварных магазинах. Особо ценились иконы XI—XIII веков. Их подделка на высоком художественном уровне была совсем не простым делом. Она требовала большого мастерства, даже таланта. Чистовский объяснил мне технологию изготовления таких икон. Он брал старые, изъеденные червями доски малоценных икон и, прекрасно владея кистью, писал на них иконы, тонко подражая манере какого-нибудь старинного мастера. Затем подделку выставляли на крышу под солнце и дождь на несколько недель или месяцев для ее интенсивного постарения. Посредники и подставные эксперты сбывали эти иконы заокеанским любителям старины за солидные деньги. Художник получал меньше всех.

Чистовский в полном смысле слова был человеком не от мира сего. Он не умел и не мог приспособиться к новым, еще более трудным условиям войны, и для него наступили тяжелые времена. Не было денег даже на хлеб. Его верный друг — жена пошла на отчаянный шаг: в одном магазине она похитила для него пару кистей и попалась на этом. В отчаянии Чистовский пришел ко мне, умоляя спасти жену.

Я поехал в полицейский комиссариат, в душе мало надеясь на успех. Строгость блюстителей порядка по отношению к тем, кто нарушает священный закон частной собственности, известна. Даже мелкое воровство во Франции наказывали очень строго. К счастью, полицейский комиссар оказался либералом, на него подействовал мой прочувствованный рассказ о семье художника.

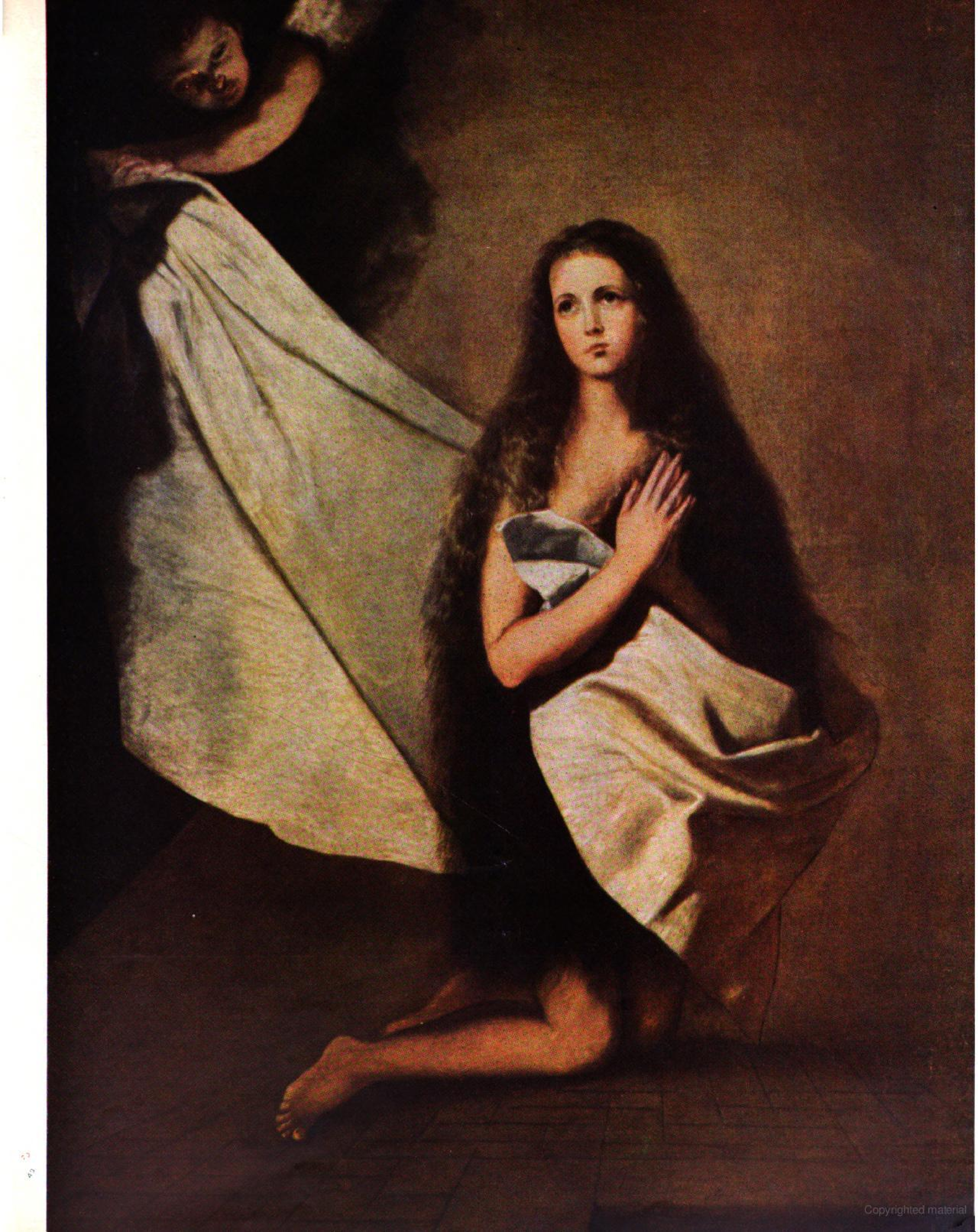
— Что же, мсье ле консул женераль,— сказал он мне.— Если владелец магазина простит ужасный поступок мадам и согласится взять назад свое заявление, я, пожалуй, отпущу ее...

С владельцем лавки я быстро уладил дело: Чистовский обязался написать его портрет...

Окончание следует.

Хосе Рибера. ИНЕСА.

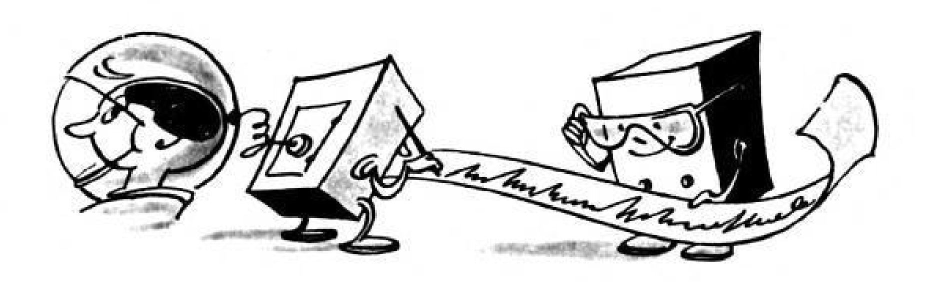
Дрезден. Галерея

Хосе Рибера. СЕБАСТЬЯН И ИРИНА.

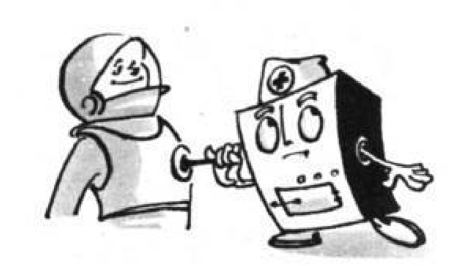
Ленинград. Государственный Эрмитаж.

ВОЛНУЮТСЯ ЛИ КОСМОНАВТЫ?

Алексей **ГОЛИКОВ**,

Иван **КАСЬЯН**

Тускло блестят стекла электронных аппаратов, тихо щелкают реле, секундомеры отсчитывают время... В одной из лабораторий Академии наук СССР нам показывают приборы, регистрирующие физиологические функции космонавтов во время рейсов. Показания приборов с помощью радиотелеметрии передаются на Землю, где врачи следят за здоровьем космонавтов.

— Когда в космос поднялся Юрий Гагарин, — рассказывает кандидат технических наук Рустам Исмаилович Утямышев,—приборы регистрировали только его сердечную деятельность и дыхание. Достижения электроники и транзисторной техники позволили создать новые приборы. Сейчас, например, врачи на Земле получают данные о биопотенциалах коры головного мозга, о биопотенциалах глазных мышц: это необходимо для изучения вестибулярной реакции космонавтов в условиях невесомости.

Электронная аппаратура, обладающая высокой чувствительностью, точностью, регистрирует самые различные проявления жизнедеятельности организма. С помощью электронной и транзисторной техники можно даже получать сведения об эмоциональной сфере. А это крайне важно.

Вот, например, прибор, в какой-то степени определяющий психическое состояние человека. Этот прибор не обманешь. Он отмечает малейшее волнение, неуверенность в себе. Космонавты в шутку назвали его «прибором страха». По существу, он в сочетании с приборами, измеряющими биотоки мозга, температуру тела, артериальное давление и частоту пульса, представляет собой прибор для измерения эмоций человека. В космосе его впервые опробовали Николаев и Попович.

— Что показал прибор?

— Перед стартом оба космонавта волновались, а в условиях невесомости волнение постепенно проходило. Нервное напряжение у космонавтов было различным. Павел Попович оказался более возбудим, Андриян Николаев во время полета чувствовал себя спокойнее. Прибор показал также, что эмоциональное состояние космонавтов менялось несколько раз в сутки. Так ученые получили очень ценные данные для разработки программ будущих полетов и совершенствования тренировки космонавтов.

— Как устроен «прибор страха»?

— Как бы сказать попроще? Главное тут—измерение сопротивления кожи человека прохождению через нее постоянного тока. Сухая кожа оказывает большее сопротивление, влажная меньше. А влажность кожи зависит от действия потовых желез, которыми управляет вегетативная нервная система. Когда человек волнуется, его потовые железы приходят в действие, кожа увлажняется, и прибор реагирует. Да вот, если хотите, можете испытать сами, как действует «прибор страха».

— Конечно, хотим!

Садимся в кресла. Перед каждым из нас на столике небольшой прибор с круглым циферблатом. От приборов идут провода с двумя датчиками, похожими и формой и размером на трехкопеечную монету. Их прикрепляют к ноге, «на нижнюю треть голени», как говорит лаборант.

— А почему именно сюда?

— От страха душа уходит в пятки. Вот мы ее на подходе и ловим,— улыбается Рустам Исмаилович. И объясняет: — На голенях датчики меньше мешают космонавту.

Датчики присоединены, приборы включены, ждем начала опыта. А стрелки приборов почему-то уже отклонились от нуля... Вдруг лаборант хлопнул в ладоши, мы вздрогнули, и стрелки запрыгали по шкале.

Оказывается, мы все время волнуемся — больше или меньше. Возбуждение вызывает и музыка, и чтение, и даже совсем простой вопрос: сколько будет дважды два? Вскоре мы почувствовали себя как-то неуютно: словно каждый порыв души становится явным для окружающих. Ощущение такое, будто идешь по людной улице в чем мать родила... А чертов прибор фиксирует и эти наши эмоции.

— Хотите прекратить опыт? — понимающе спрашивает лаборант и в утешение рассказывает, как пробовал этот прибор на себе: только включил его, и в тот же миг в лабораторию вошел строгий начальник.— Я всегда думал, что вовсе начальника не боюсь. А тут вдруг стрелка прибора резко отклонилась, обнаружив мой трепет. Товарищи потом долго надо мной смеялись...

Невольно поражают малые размеры приборов, которые берут с собой в полет космонавты. Вот аппарат не больше портсигара, фиксирующий степень наполнения кровью сосудов головного мозга. Всего девяносто граммов весит прибор для исследования легочной вентиляции, изменения емкости легких и определения энерготрат в условиях невесомости.

— Но даже эти приборы покажутся великанами в сравнении с космической аппаратурой близкого будущего,— рассказывает Рустам Исмаилович.— Если применить тонкопленочные схемы и их дальнейшую модификацию — интегральные схемы, можно повысить плотность компоновки аппаратуры так, что она будет приближаться к плотности компоновки человеческого мозга.

Уже сейчас можно построить радиопередатчик весом в 1,5 грамма и объемом около 0,5 кубического сантиметра. При использовании же тонких пленок его вес уменьшится до 0,3 грамма и объем — до 0,08 кубического сантиметра.

С помощью электроники можно создать прибор, который заставит космонавта заснуть и проснуться, когда положено. Вспомните учение И. П. Павлова об условных рефлексах и физиологии мозга. Человек засыпает, когда в мозгу развивается процесс торможения. У спящего замедляется дыхание, пульс, понижается температура тела. Если прибор вызовет у человека эти физиологические симптомы, то вступят в действие условные рефлексы, и придет сон. Подобный прибор и в земных условиях был бы весьма полезен для людей, страдающих бессонницей.

— А как космонавтам измеряют кровяное давление?

— Где? В космосе? Так же, как и на Земле,— отвечают нам.— Надевают на руку резиновую манжету, которая периодически наполняется воздухом.

И тут мы вспоминаем о датчиках, которые нам крепили к «нижней трети голени». Это не так уж удобно для космонавтов. Особенно если полет будет продолжаться месяцы, а то и годы.

— Создание совершенных датчиков и их креплений не менее важно, чем конструирование самих приборов,— говорит Рустам Исмаилович.— Датчики, видимо, станут бесконтактными и будут воспринимать биопотенциалы. Миниатюрные же физиологические приборы впишутся в одежду космонавтов так же, как пуговицы, пояс, застежки.

— А каким же образом получат электроэнергию эти приборы?

— Тут есть несколько возможностей, ведь речь идет об очень малых количествах электроэнергии. Получить ее можно, например, за счет тепловой энергии человеческого организма, превращенной в электрическую. А можно использовать биопотенциалы мышц. Каждая мышца — целая энергостанция. И когда космонавт выполняет какую-то работу, выделяется достаточно энергии, чтобы приборы действовали.

Для передачи физиологических данных у каждого космонавта будет своя малая радиотелеметрическая система, сигналы которой пойдут в бортовое радиотелеметрическое устройство. Вычислительная машина корабля обработает эту информацию и передаст ее земным станциям. Передаваться будут, видимо, только контрольные сигналы о самочувствии экипажа. Система автоматически включится, когда окажутся отклонения от нормы (имеется в виду здоровье человека) и потребуется срочная помощь.

Вычислительная машина и приборы космонавтов как бы составят единую систему «человек — корабль», позволяя осуществлять наиболее рациональное управление кораблем. Скажем, при возвращении на родную планету возникли чрезмерные перегрузки, и космонавт потерял сознание. Сигнал об этом вычислительная машина передаст на приборы, управляющие кораблем. А они изменят режим полета, уменьшат перегрузки. Единая система «человек — корабль» позволит также создавать наилучшие условия для работы и жизни в состоянии длительной изоляции в новых условиях обитания.

Вычислительная машина станет подсказывать экипажу наиболее рациональный распорядок дня, чередование труда и отдыха. Она же поможет космонавтам и при некоторых заболеваниях. Если возникнут сердечная недостаточность, аритмия, несогласованные сокращения сердца, вестибулярные расстройства, то по команде машины включаются небольшие электронные стимуляторы, вырабатывающие определенные электрические импульсы. В длительных полетах подобные стимуляторы могут применяться и для поддержания мышечного тонуса.

— А как все это будет действовать при высадке космонавтов на другие планеты, скажем, на Луну?

— Первый космонавт на Луне вряд ли далеко отойдет от своего корабля. Тогда телеметрия космонавта будет передавать сведения на корабельную установку, а та, в свою очередь, на Землю.

Несомненно, «космическая биотелеметрия» сыграет большую роль и в земной медицине. Она позволит дежурному врачу в больнице, не совершая обхода, узнать состояние всех больных. Можно будет более точно и, главное, заблаговременно обнаруживать признаки профессиональных заболеваний. По-видимому, уже в ближайшие годы с помощью малой радиотелеметрии ученые смогут изучать физиологические реакции людей самых различных профессий: сталеваров, шахтеров, спортсменов.

ЧИТАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ...

Великая Отечественная война... Сколько героических, сколько волнующих страниц вписала она в историю! Нам и нашим потомкам всегда будут дороги подвиги прославленных героев, будничные ратные дела фронтовиков, подвиги людей, казалось бы, не военных, но неразрывно связанных с борьбой за победу.

В № 38 минувшего года «Огонек» рассказал об одном из эпизодов военной поры в репортаже «Вспомните, люди!». В редакцию пришло много писем. Часть из них мы публикуем ниже.

В. Лопата встретился со своим спасителем 85-летним В. В. Корнейчуком.

СПАСЛИ ХРАБРЫЕ

П. Гаврилин. Снимок военных лет.

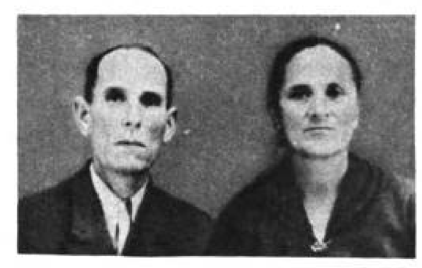
Недавно я встретился с Героем Советского Союза Павлом Федоровичем Гаврилиным, и вот что он мне рассказал:

— Шли жестокие воздушные бои за освобождение Крыма. Мы вылетели в паре с Костей Алексеенко на разведку. Над вражеским аэродромом сбили два самолета. Внезапно со стороны солнца нас атаковали «мессеры». Пулеметная очередь прошила фюзеляж. Страшная боль обожгла спину. Как посадил машину и вылез из горящей кабины, не помню. Очнулся на дне воронки. Когда стемнело, пополз. Теряя силы, добрался до села. По улицам шныряли фашисты. Меня спасли храбрые люди Гавриил Лазаревич и Александра Ивановна Талаловы. Они перевязали раны, накормили, надежно спрятали.

Семья Талаловых сейчас живет в поселке Энем, под Краснодаром. Гавриил Лазаревич работает на железной дороге. Они переписываются с Павлом Гаврилиным, встречаются, считают себя родными.

А. ЖУРАВЛЕВ

Москва.

Г. Л. и А. И. Талаловы.

Выхаживали всем селом...

Случилось это у поселка Великий Бурлук, на Харьковщине, в июне 1942 года. Мощный «КВ», на котором сражался Василий Лопата, утюжил огневые точки, таранил вражеские танки. Вдруг тяжкий удар потряс машину, и пламя ворвалось внутрь. Василий успел открыть люк и высунуться по пояс. Взрывом его швырнуло на землю. Там и нашел его рядом с четырьмя погибшими товарищами шестидесятидвухлетний пастух Василий Васильевич Корнейчук. На руках, как ребенка, принес могучий старик танкиста в село в хату Анны Борошевич. Едва успели спрятать обмундирование, как вбежал фашистский солдат.

— Кто есть? — И тычет автоматом в окровавленное тело.

— Сын хозяйки. Коров пасли, на мине подорвался.

Анна Антоновна тоже не подкачала — голосит и обнимает раненого. Так и остался Василий у нее в хате. Всем селом его выхаживали: кто хлеба принесет, кто вишен, а кто и последнюю курицу. Врачевала раненого Мария Пивоварова; нелегко ей пришлось — тридцать две раны, не считая ожогов.

Семь месяцев боролись за его жизнь колхозники, потом пришло освобождение, и передали они танкиста в госпиталь.

Крепкий оказался парень — в сорок четвертом уже опять держал в руках оружие. Войну закончил на Эльбе. Теперь Василий Захарович Лопата работает шофером-инструктором в Миргороде. Нынешним летом побывал в гостях у своих спасителей. Радостной была встреча с дедушкой Корнейчуком, которому теперь восемьдесят пять, с Анной Антоновной и всеми, кто в грозную годину, пренебрегая опасностью, пришел на помощь попавшему в беду воину.

Л. НИКОЛАЕНКО

Миргород.

•

Встреча через двадцать три года

В Новороссийском историко-краеведческом музее собрались участники легендарного десанта Героя Советского Союза майора Цезаря Куникова на «Малую землю».

Справа налево: Сергей Степанович Колот, Надежда Степановна Лихацкая, Владимир Афанасьевич Колесников и Иван Моисеевич Белоусов.

Новороссийск.

Фото Н. Архангельского.

•

ПОЕДИНОК

С. Коптев. 1941 год.

На всю жизнь я запомнил плач мамы и бабушки: почтальон принес скорбную весть — на фронте убили моего дядю Сергея. Об этом сообщил заместитель политрука Гаря Манджиевич Дорджиев. Больше писем не приходило.

После войны я начал разыскивать Дорджиева. И вдруг сообщение из военкомата: «Дорджиев живет в городе Элиста, работает директором школы».

И вслед за тем — письма от Гаря Манджиевича.

«...Шел пятый день войны,— писал он,— наш зенитный дивизион на открытых платформах двигался через Минск к Борисову. Но у станции Красное Знамя поезда застряли — путь перерезал фашистский танковый десант. Фашисты безжалостно расстреливали бежавших в лес из эшелонов женщин и детей.

Молодые зенитчики растерялись, многие бросились к лесу. Нас осталось на платформе четверо. И тут Сергей Коптев развернул свою зенитку, прицелился. Выстрел — и уже пылает первый танк. Гитлеровские танкисты стреляли из пушек и пулеметов по открытому орудию. Но зенитка продолжала бой. Уничтожен второй танк. Увидев подбитые танки, бросились к своим орудиям растерявшиеся было воины и вступили в бой...»

Удалось разыскать и других очевидцев этого сражения. Пишет председатель Плисского сельсовета В. Апарович: «В начале войны я была двенадцатилетней девочкой, жила на станции Красное Знамя. Танковый десант перерезал дорогу на Борисов. В вагонах были раненые красноармейцы, женщины с детьми. Помочь им было нельзя — немцы стреляли по составам. И тут мы услышали выстрелы пушек — наши били из зениток по танкам. Горстка солдат разгромила десант, путь на Борисов был открыт.

Могилу лейтенанта Коптева ра-

зыскали ученики нашей школы, посадили на ней цветы. В школе создан уголок героя, и ученики собирают материалы о его подвиге...»

И вот письмо от бывшего комиссара полка И. Ф. Акимова, полковника в отставке: «Хорошо помню Сергея Коптева и его героическую гибель. Поединок с танками шел с трех часов дня, продолжался всю ночь, и к десяти утра десант был уничтожен. Сергей подбил четыре танка, но был ранен разрывной пулей. Дорджиев повез друга в поселок, в больнице ему сделали перевязку. Придя в сознание, он спросил: «Где наши?» Услыхав, что десант разгромлен, а эшелоны прошли на восток, крепко пожал руку друга.

Похоронили его в лесу, под березкой...»

Многого не успел сделать в жизни лейтенант Коптев, но сделал главное — не дрогнул в минуту смертельной схватки с врагом. И хотелось бы, чтобы в Муроме у входа в одну из школ на мраморной плите стояли золотые буквы: «Здесь учился герой Отечественной войны Сергей Коптев, отдавший жизнь за Родину. Его имя носит наша школа»

Такой надписи пока нет. Но она должна появиться.

Ю. СВИРЕЛИН

Горький.

•

Самоотверженность мальчишки

В ноябре 1941 года наш полк базировался в Тамбовской области. Накануне праздника мы вылетели бомбить танковую колонну врага. При возвращении с боевого задания наш самолет атаковал звено истребителей. Бой был неравным — нас сбили. Я выбросился с парашютом и, чтобы уйти от пулеметного огня гитлеровцев, подтянул стропы и быстро пошел вниз (товарищ мой был расстрелян в воздухе). Скорость приземления была слишком большая — ударившись о землю, я потерял сознание. Когда очнулся, вокруг меня стояли ребятишки из соседней деревни. Увидев, что я босиком — унты слетели в воздухе,— один из мальчуганов снял с себя отцовские валенки и надел на меня. Унты, правда, хлопцы вскоре отыскали, но я на всю жизнь запомнил самоотверженного мальца. Попробуй-ка на морозе разуться! Это ведь хоть маленький, да подвиг...

И. АМОЛИН

Новосибирск.

•

Вспоминают с нежностью

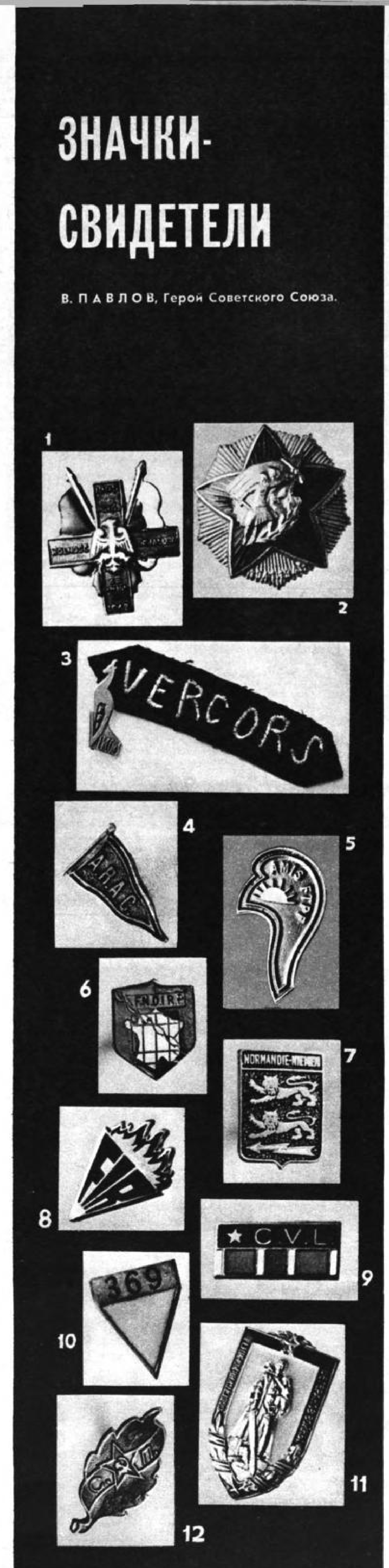
Это было в деревне Барсуки, под Дорогобужем, зимой 1942 года. Колхозный бригадир Николай Петрович Гниленков и его жена Домна Прокофьевна укрыли у себя раненых советских бойцов. Когда стало совсем плохо с продуктами, они, не задумываясь, зарезали свою коровенку, чтобы поддержать силы воинов. Потом Николай Петрович помог им связаться с партизанами, которые переправили бойцов на Большую землю. Но об этом пронюхали фашисты, и петля палача оборвала жизнь отважного патриота. Односельчане с теплотой и нежностью вспоминают об этой душевной русской семье. Домна Прокофьевна живет сейчас в Дорогобуже, на улице Исаева.

В. ЧУМАКОВ

Дорогобуж.

ЗНАЧКИ-СВИДЕТЕЛИ

В. ПАВЛОВ, Герой Советского Союза.

У меня много значков. Ни один из них не куплен, не выпрошен у заезжего туриста. Зато каждый из этих значков имеет пусть небольшую, но собственную историю. История эта связана с войной, с подпольщиками и партизанами. Потому их и храню, что сам бывший партизан. Когда я раскрываю заветную коробку и перебираю мои значки, я слышу голоса товарищей и ощущаю их крепкие рукопожатия.

1

В конце июня сорок третьего года в лесу, под местечком Любешов, около которого располагалось наше партизанское соединение, сформировался польский отряд имени Ванды Василевской. Не все его бойцы и командиры были искушены в тонкостях партизанской войны. Прежде чем выступить в поход за Буг, на родную землю, они обучались партизанской тактике и стратегии. На мою долю выпало провести практические занятия с диверсионной группой польского отряда, получившей теоретическую подготовку в лесной академии при штабе нашего соединения.

Практика прошла весьма успешно. Поляки выдержали экзамен: взорвали два вражеских эшелона на линии Ковель — Сарны.

А знак «ЗБОВИД»—так называется польская организация участников Сопротивления — напоминает мне о том, что было в хмурых полесских лесах под Ковелем.

2

Вот знак Югославского союза борцов народно-освободительной войны. Мне пришлось побывать на гостеприимной югославской земле в составе делегации Советского комитета ветеранов войны. Среди наших делегатов было два человека, жизнь которых тесно связана с народно - освободительной войной в Югославии: Н. Корнеев и А. Дьяченко.

Генерал-лейтенант Н. В. Корнеев возглавлял советскую военную миссию, аккредитованную при командовании Народно-освободительной армии Югославии. Для того, чтобы добраться к месту назначения, генералу и его подчиненным пришлось совершить сложнейший и опаснейший перелет через линию фронта. Потом вместе с партизанами они сражались в югославских горах.

Бывший черноморский матрос, а теперь механик из города Николаева Анатолий Дьяченко в годы войны командовал под Триестом русской партизанской бригадой.

Наша делегация побывала на Черном верхе, на горе, которая во время войны служила партизанской базой. В одном селении мы зашли в кафану выпить кофе. Вдруг при виде Дьяченко добрая половина мужчин, сидевших за столиками, вскочила и, опрокидывая стулья, устремилась к нам:

— Дьяченко!.. Толья!..

3—7

Алюминиевый горный тур и грубая самодельная нарукавная нашивка с надписью «Vercors» мне вручены в Гренобле. Во французском городе у подножия Альп живет немало бывших партизан. Но, быть может, еще больше имен партизан и подпольщиков выбито на мемориальных досках. На этих мраморных досках с традиционным крестом — имена тех, кто сложил головы в годы борьбы с фашистскими захватчиками, тех, кто замучен в застенках гестапо, сброшен с горных круч, расстрелян, убит в бою... На горе Vercors группировались наиболее сильные отряды. Гитлеровцы не раз предпринимали карательные экспедиции против партизан Vercors, но безуспешно. Единственно, что им удалось сделать,— это отыскать и уничтожить партизанский госпиталь, организованный французским патриотом доктором Валуа в одной из горных пещер. Раненые партизаны и подпольщики и сам доктор Валуа были сброшены в пропасть.

Во Франции соратники по оружию подарили мне еще несколько значков. Вот они. «ARAC» — ассоциация французских фронтовиков - республиканцев, основанная Анри Барбюсом. Знак « Amis FTPF», который носят бывшие партизаны — вольные стрелки Франции. Вот значок «FNDIRP» — организация французских депортированных и интернированных политзаключенных. Наконец, значок летчиков прославленной эскадрильи «Нормандия — Неман».

8—9

К чаше, в которой горит вечный огонь, я отношусь с особым уважением. Буквы FIR, изображенные на ней, символизируют международную организацию бывших участников движения Сопротивления в странах Европы. Мне пришлось побывать на конгрессах FIR, и оттуда я привез значок Корпуса итальянских волонтеров свободы — CVL. С итальянскими партизанами-гарибальдийцами я не раз встречался за рубежом и в Москве. Среди моих друзей-москвичей — итальянские партизаны Александр Гноев и Владимир Переладов. И когда я смотрю на этот значок, то думаю о горных итальянских дорогах, на которых бок о бок с итальянцами вели огонь по фашистам советские люди...

10

Знак бывших узников гитлеровского концлагеря смерти Маутхаузен я привез из Вены. Цифра «369» означает количество недель, которые просуществовал лагерь.

11

Этот значок известен во всем мире — значок Советского комитета ветеранов войны.

12

Последний, самый маленький и скромный из всех моих значков уникален, потому что он существует в единственном экземпляре. Когда-то мы, бывшие партизаны, подумывали о том, что следовало бы ввести партизанский нагрудный знак. Было предложено несколько эскизов. Один из них, тот, который вы видите на снимке, случайно сохранился у меня.

На берегу Тонкинского залива небо республики охраняют воины Н-ского подразделения армии ДРВ.

Из путевых блокнотов корреспондента

СРАЖАЮЩАЯСЯ РЕСПУБЛИКА

И. ЩЕДРОВ

Фото автора.

Небо над Ханоем заволокли сплошные серые тучи. Ночью шел мелкий, моросящий дождь, который быстро стих. В городе много траншей и бомбоубежищ, появившихся за последний год. Вдоль дороги валяются обломки взорванных самолетов. Детей в Ханое почти не видно, они эвакуированы в более безопасные районы. В сквере, у озера Возвращенного Ручья, небольшие стенды, где указывается число сбитых над Демократической Республикой Вьетнам американских самолетов.

То и дело по улицам мчатся одетые в зеленую маскировочную сетку, а то и просто замаскированные ветками запыленные машины. Это из южных провинций, где каждый день идут ожесточенные бои с американской авиацией. Сегодня обычный день в жизни Ханоя, 7 февраля, понедельник. Не отмеченный ни одним календарем, он, как незарубцевавшаяся рана, в сердце каждого вьетнамца. Ровно год назад в этот день американская военщина развязала разбойничью, необъявленную войну против Демократической Республики Вьетнам.

Под давлением нарастающего во всем мире движения за прекращение грязной войны во Вьетнаме Пентагон вынужден был сделать 37-дневную передышку в бомбежках Северного Вьетнама. Но вот снова одна за другой появились группы американских реактивных бомбардировщиков, направивших свои смертоносные удары на широкую 500-километровую полосу от самого южного города сражающейся республики Донг-Хоя до горной провинции Шон-Ла на северо-западе страны.

Миллионы людей по призыву партии стали на защиту революционных завоеваний, самоотверженно сражаются на фронте и трудятся в тылу. Даже американская печать вынуждена признать резко возросшую в последний период мощь самых современных наземных средств противовоздушной обороны, стремительный рост молодых военно-воздушных сил ДРВ. В своих последних заявлениях представители ДРВ неоднократно подчеркивали, что Советский Союз и другие социалистические страны оказывают Вьетнаму огромную помощь в укреплении

Больше года на Занзибаре работает группа советских специалистов морского флота. Они передают свои знания и опыт морякам торговых судов, национализированных после народной революции. Подготавливаются национальные кадры специалистов — штурманы и механики. В совместном труде и учебе крепнет дружба моряков Одессы и Занзибара. На снимке: старший механик В. М. Белан с мотористом Нгома Рамаданом.

Испания, побережье около Паломарес, где продолжается поиск радиоактивных осколков бомбы с разбившегося американского самолета. Как полагают, взрывной механизм атомной бомбы упал в море. Однако зарубежная печать сообщала о том, что американскому командованию пришлось снять на побережье слой почвы и песка с повышенной радиоактивностью. Местное население протестует против незваных разносчиков атомной смерти.

обороноспособности страны. Не помогает американским воздушным стервятникам изменение тактики: ночные налеты, действия небольшими группами, полеты на низких и средних высотах. Их здесь настигают средства противовоздушной обороны. Уже в первый день возобновления пиратской войны частями Вьетнамской народной армии было сбито семь американских самолетов, в том числе широко разрекламированные Пентагоном сверхскоростные «Ф-105» и «Ф-4Н». Взятые в плен американские летчики с удивлением отмечают плотную завесу огня, возросшую точность попаданий зенитчиков, бесстрашие и высокое мастерство вьетнамских военных летчиков. О том, какое серьезное значение придает американское военное командование военно-воздушным силам ДРВ, говорит уже тот факт, что в Дананге и на других крупных военных базах США в спешном порядке созданы противовоздушные системы обороны, оснащенные ракетами «земля — воздух».

* * *

Только что из министерства обороны ДРВ получено разрешение побывать в Н-ском авиаполку. Встреча состоится ночью. Нас предупредили, что не только аэродром, самолеты, но и самих летчиков сфотографировать не удастся. Ничего не поделаешь — военная обстановка. Выезжаем засветло, в часть прибываем, когда над головой нависает темно-синий, усыпанный яркими звездами пятый океан. Здесь, в тропиках, он кажется глубже, синее. Близость к аэродрому чувствуется по запыленным колоннам бензовозов, по проносящимся над головой самолетам. Но мы не гасим фар, не сворачиваем резко в сторону. Наш шофер не раз бывал под бомбежкой и хорошо усвоил правило: при виде реактивного самолета нужно моментально гасить фары, сворачивать в сторону и скрываться с пассажирами подальше от дорог. Но теперь он улыбается навстречу нарастающему где-то впереди шуму реактивных самолетов. «Наши»,— с гордостью говорит он.

Наконец за одним из поворотов показывается городок военных летчиков. Здания затемнены, и поселок заливает мертвый свет луны. Знакомимся с пилотами, техниками. В небольшом клубе идет ожесточенная схватка в настольный теннис, рядом над шахматной доской склонились две черные головы, остальные предпочитают роль зрителей. Из соседнего корпуса доносится пение. Из комнат общежития слышатся взрывы смеха, переборы гитары, тихий разговор. Несколько летчиков на усыпанном зелеными ветками «газике» собираются на аэродром. У них ночной боевой вылет.

Мы в авиаполку ДРВ, формированием которого началась, по существу, история военно-воздушных сил республики. Небольшого роста крепыш в зеленой форме с синими петлицами приглашает нас в красный уголок. По тому, как его встречают, чувствуется, что начальник политуправления авиаполка Нгуен Чук пользуется большим уважением. На вопросы отвечает заместитель комиссара эскадрильи Тю Зюи Кинь. Говорит он медленно, обдумывая каждую фразу. Мы просим прокомментировать последнее сообщение американских корреспондентов из Сайгона, которые, ссылаясь на американское командование, сообщают о том, что в настоящее время ДРВ располагает несколькими военными аэродромами, на которых базируются современные реактивные самолеты, в том числе машины, переданные Вьетнаму в порядке военной помощи Советским Союзом. Товарищ Кинь о чем-то вполголоса советуется с Нгуеном Чуком, а затем, улыбаясь, отвечает: «Сейчас идет война, и вы понимаете, что мы не можем пока сказать всего. Напишите так: военно-воздушные силы ДРВ располагают прекрасными современными боевыми машинами. Несмотря на молодость, у нас много авиаполков и, разумеется, не один военный аэродром. Можете добавить,— продолжал он,— что в создании военно-воздушных сил эффективную помощь оказали Советский Союз и другие социалистические страны. Мы многому учимся на опыте героической советской авиации, особенно в период второй мировой войны. Теперь у нас накопился и свой боевой опыт. Вьетнамские летчики принимали участие во многих боях. На нашем счету не один и не два сбитых американских самолета. Во всяком случае,— шутя добавляет заместитель комиссара,— пальцев на обеих руках явно недостаточно, чтобы сделать точный подсчет».

Командир эскадрильи капитан Фам Нгок Лан — первый вьетнамский летчик, сбивший в воздушном бою американский самолет. Родом из Южного Вьетнама, из провинции Куанг-Нам, той самой, на территории которой у Да-Нанга базируются американские стервятники, совершающие налеты на ДРВ. В 1954 году, когда во Вьетнаме наступил мир, 19-летний боец одной из пехотных частей народных вооруженных сил Фам Нгок Лан вместе с революционными армиями на пароходе выехал в Северный Вьетнам. Там, на Юге, остались мать, родственники, друзья. Некоторые из них погибли от рук фашистских карателей во время варварских бомбардировок американской авиации. Лан на всю жизнь запомнил кровопролитные бои, спаленные села в небольшом горном районе Ан-Кхе, что лежит между побережьем Тихого океана и столицей горного края Плейку. В городке Ан-Кхе, оккупированном интервентами осенью прошлого года, обосновалась первая американская мобильная воздушнодесантная дивизия ударной группы вооруженных сил США в Южном Вьетнаме. И Фам Нгок Лан свел свои счеты с американскими стервятниками.

В памятный день первого боя, 3 апреля 1965 года, четверка капитана Фам Нгок Лана атаковала группу американских реактивных самолетов. Один американский самолет-стервятник был сбит. Этот день стал днем рождения военно-воздушных сил Демократической Республики Вьетнам.

Назавтра летчики снова были в воздухе, снова над Тхань Хоа, снова вели ожесточенные бои. 4 апреля майор Чан Хань сбил в воздушном бою первый сверхскоростной реактивный самолет «Ф-105», развив еще один миф американской пропаганды.

...Лейтенант Нгуен Нят Хай в воздушных боях участвует с памятного 3 апреля. Но свой первый самолет он сбил в сентябре. Нгуен Нят Хаю еще нет тридцати, но он также успел повоевать в ту войну в дельте Красной реки. А сейчас он воюет уже вдвоем с женой. Она на земле, а он в воздухе. Жена Хая — командир отряда Народного ополчения в одной из деревень провинции Хай Зыонг, что на пути между Ханоем и Хайфоном.

Много в полку летчиков, у каждого интересная судьба, но обо всех не напишешь.

Среди тех, с кем мы встречались, были и участники недавнего ночного боя над провинцией Нге Ан. В этом бою было сбито еще два новейших американских реактивных самолета.

Ханой, февраль,
по телефону.

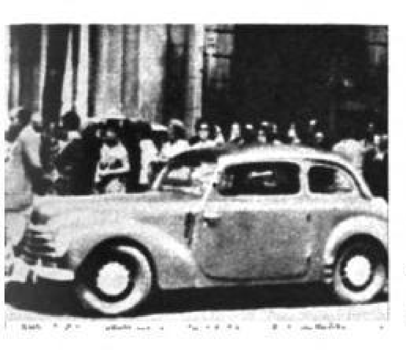
Город Нам Динь. В этом доме жили рабочие со своими семьями. По традиции на стене была сделана надпись: «Воспитывайте детей здоровыми, послушными». Американская бомба попала прямо в дом.

У могилы тринадцатилетней девочки Тхать, погибшей от осколка американской бомбы.

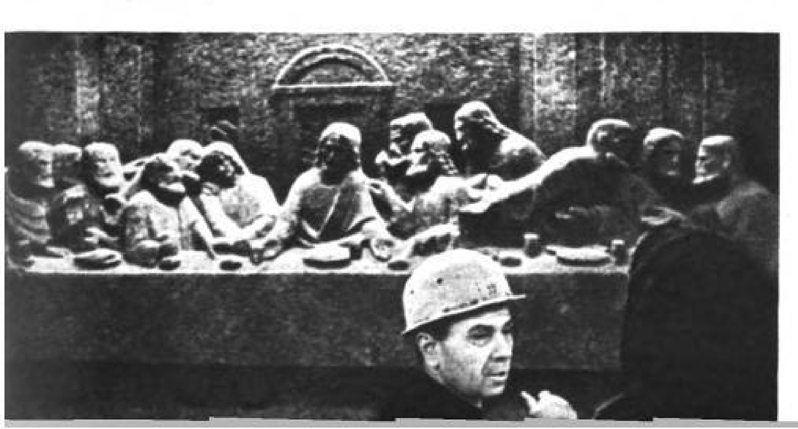
Фото ТАСС и ЮПИ.

В прошедшем году цены на продукты первой необходимости выросли в Уругвае на 80 процентов. Многие семьи находятся в отчаянном положении, поскольку зарплаты на питание не хватает. В Монтевидео и других крупных городах спекулянты, рассчитывающие на дальнейший рост цен, припрятывают продукты. Около немногих магазинов, где они продаются по высоким ценам, выстраиваются огромные очереди. На снимке—одна из таких очередей в Монтевидео.

Небольшое местечко Величка, около Кракова, известно старейшими в Польше соляными копями и горным музеем. В глубоком подземелье вырезан из соли целый городок. В нем расположен единственный в мире подземный санаторий, где лечат астму, коклюш и другие заболевания.

Самым знаменитым памятником подземного города является костел. Его алтарь, скульптуры и даже люстры вытесаны из соли. На снимке: «Тайная вечеря»— барельеф, украшающий одну из стен подземного соляного костела.

Недавно Монте-Карло отмечал свое столетие. В столице Монако состоялись торжества. Одним из аттракционов праздника был полет 80-летнего Шарля Дольфуса на воздушном шаре, в корзине, сохранившейся с 1866 года. Ш. Дольфус имеет диплом пилота аэростата.

На улицах Санто-Доминго студенты устроили демонстрацию против американской агрессии в Южном Вьетнаме. Полиция открыла огонь по демонстрантам и забросала их гранатами со слезоточивым газом. Имеются убитые и раненые. На снимке: доминиканские полицейские за оградой президентского дворца.

На скамье запасных. Тренеры сборной команды СССР А. В. Тарасов, А. И. Чернышев и хоккеисты сборной следят за ходом борьбы.
Фото М. Боташева и А. Бочинина.

ЧТО НОВОГО В ХО

А. ЧЕРНЫШЕВ,
старший тренер сборной команды СССР

Международный хоккейный сезон достиг своего апогея: позади товарищеские встречи на ледяных площадках Чехословакии и Швеции, Канады и США. Впереди чемпионат мира, который разыгрывается на сей раз в югославском городе Любляне. Все как в те же дни, год назад, только тогда мы были еще не трехкратными, а лишь двукратными чемпионами мира.

Что же нового в хоккее 1966 года? Будет ли Любляна повторением Тампере?

Хотя за обладание серебряными кубками мирового и европейского первенства, вот уже три года хранящимися в Москве, по-прежнему поведут борьбу все те же команды — советская, чехословацкая, шведская и канадская,— хотя на хоккейном небосводе за это время не появилось новых звезд, способных затмить старые, но в самой большой четверке произошли существенные качественные изменения. Мы считаем, что победить в Любляне нам будет значительно труднее, чем в прошлом году на чемпионате мира в Тампере.

С тех пор как советские хоккеисты в 1963 году в Стокгольме завоевали после долгого перерыва первенство мира, значительно омолодила свои ряды чехословацкая сборная. Она также взяла на вооружение многие тактические новинки, обогатившие хоккей. Теперь на этот путь стала и шведская «Тре Крунур». Сборная команда Швеции в прошлом доставила нам немало огорчений (достаточно вспомнить две ничьи с ней на чемпионатах мира 1954 и 1957 годов и то поражение, которое мы потерпели в матче со шведами на чемпионате мира 1963 года). Мы всегда трудно играем со шведами, хотя успели до тонкостей изучить каждого игрока этой прекрасной команды — ведь ее состав сохранялся до нынешнего года чуть ли не со времен Скво Вэлли неизменным. В этом сезоне руководители шведской сборной ввели в команду большое число молодых, талантливых хоккеистов, и надо сказать, что эта перестройка произведена очень успешно. Вот почему один из руководителей «Тре Крунур», Пеле Бёргстрём, имел все основания заявить: наша команда на сей раз имеет весьма серьезные шансы занять второе место.

Итак, Бёргстрём пророчит серебряным призерам в Тампере — чехословакам — лишь бронзовые медали в Любляне, заранее отдавая нам золотые. Давайте проверим, насколько реалистичны прогнозы шведского тренера. Познакомимся поближе с «Тре Крунур» образца 1966 года.

Готовясь к тому, чтобы защищать на чемпионате мира в четвертый раз свой титул, советские хоккеисты трижды встречались в этом сезоне со сборной командой Швеции: дважды в Стокгольме и один раз в Колорадо Спрингс, на «малом чемпионате мира». Когда сборная команда СССР встретилась в декабре в Стокгольме со шведской командой, настроение ее игроков было не блестящим: за несколько дней до этого шведы проиграли в Праге сборной Чехословакии. Но, несмотря на это, первые же минуты матча показали, что перед нами действительно команда, отличающаяся всеми преимуществами молодости: смелая, быстрая, легко восстанавливающая свои силы. Во всех линиях «Тре Крунур» мы увидели новых игроков, даже в защите, которая состоит из неувядаемых ветеранов типа Роланда Стольца. Девятнадцатилетний Ульф Торстенссен и Ленарт Сведберг действовали в защите очень уверенно и надежно, а в нападении шведы выставили молодую, сильную тройку.

Да, немалого труда стоила нам победа, и перевес выразился всего лишь в одной шайбе (счет матча 3 : 2). Правда, вторая встреча прошла для нас более успешно, и мы, освоившись с омоложенной «Тре Крунур», добились победы со счетом 7 : 1. Однако нельзя не учитывать, что эти две игры принесли шведским хоккеистам большую пользу, еще крепче сплотили их силы. Во всяком случае, новая встреча с ними, на турнире Колорадо Спрингс, снова прошла в напряженной борьбе (4 : 3 в нашу пользу), причем две шайбы в ворота советской сборной забросил молодой нападающий, которого мы не видели в Тампере, Бьерн Пальмквист.

Так в Колорадо Спрингс мы убедились в том, что не ошиблись в своей оценке шведской сборной. Новобранцы «Тре Крунур» росли от матча к матчу, о чем достаточно убедительно говорит итог встречи Швеция — Канада, закончившейся вничью — 5 : 5. И в исходе этого напряженного поединка снова очень велика роль молодых шведских нападающих Фольке Бенгтссона, Бьерна Пальмквиста и Хокана Нюгрена. Еще за пять минут до конца матча с канадцами шведы вели со счетом 5 : 3, и лишь на последних секундах хоккеистам «Кленового листа» удалось отыграться. У нас есть все основания предполагать, что к тому дню, когда мы встретимся в Югославии с помолодевшей командой Швеции, она станет еще сильнее и, уж во всяком случае, будет представлять значительно большую угрозу, чем в прошлом году в Тампере.

Но теперь пришло время вспомнить заявление другого тренера, одного из руководителей чехословацкой сборной, Владимира Костки. Он сказал: сохранить второе место в мире или сделать шаг вперед при нынешнем уровне хоккея в других странах очень трудно, но мы на это надеемся. Мне остается добавить к этому лишь одну фразу: и не без основания.

Чехословацкая сборная остается по-прежнему нашим соперником номер один. И в Инсбруке и в Тампере встречи с хоккеистами Чехословакии были для нас решающими на пути к высшей ступеньке пьедестала почета, и думается мне, что в Любляне не так-то просто будет удержать учеников Боузека и Костки на втором месте, что они все сделают, чтобы шагнуть вперед.

У меня есть достаточные основания для такого утверждения. Ведь мы в этом сезоне с чехами встречались трижды, причем счет пока не в нашу пользу: два матча в Праге мы проиграли (2 : 3 и 2 : 4) и лишь в Колорадо Спрингс взяли реванш, забив три шайбы и не пропустив ни одной.

Правда, этот итог нуждается в пояснении: в Праге наша сборная выступала в совершенно новом составе, что вызвало даже недовольство у хозяев поля. Но надо же нам продолжать поиски молодых игроков! Ведь только омоложение нашей команды позволило нам выйти вперед после неудач в Скво Вэлли и Женеве, а теперь не за горами и новая Белая олимпиада 1968 года в Гренобле, и времени для подготовки к ней у нас в обрез.

Гренобль накладывает свой отпечаток на предстоящее первенство мира в Любляне. Он диктует многие решения тренерам. Мы, готовясь к Греноблю, значительно расширили состав нашей сборной. В нее включено 32 человека, и, поверьте, не так-то легко было из этого числа отличных хоккеистов отобрать тех 17, которые едут в Любляну. Ведь уже сейчас рядом с прославленными игроками, участниками многих международных встреч, как равные стоят молодые армейские спортсмены, о которых мы и не слышали в прошлом сезоне,— В. Полупанов и В. Викулов. Вместе с известным хоккеистом А. Фирсовым эти два нападающих образуют отличную тройку, а теперь на место в сборной по праву претендуют и многие другие молодые спортсмены. Вот почему мы и решились выставить против таких грозных соперников, как чехословацкие хоккеисты, да еще на их собственном поле, молодой состав сборной команды СССР.

В Праге выступала лишь одна тройка, имеющая большой опыт международных встреч,—динамов-

ККЕЕ ? —

цы Александр Стриганов, Владимир Юрзинов и Виктор Якушев, да еще в армейской тройке вместе с молодыми Евгением Мишаковым и Юрием Моисеевым играл участник тамперевского чемпионата Анатолий Ионов. Все же остальные нападающие были незнакомы чехословацким хоккеистам, и надо сказать, что и спартаковцы Виктор Ярославцев, Евгений Зимин и Александр Якушев и динамовцы Александр Сакеев, Анатолий Мотовилов и Виктор Шилов доставили много хлопот серебряным призерам чемпионата мира.

В команде Чехословакии выступали 15 участников последнего чемпионата мира, в то время как в нашей команде их было всего шесть. Но, несмотря на это, игра шла на равных и победа решалась лишь в последние минуты. В первом матче счет был открыт лишь во втором периоде, а во втором матче, где выступал Голонка, лучший нападающий вице-чемпионов мира, и такие испытанные бойцы, как Холик и Клапач, чехи добились победы лишь в конце матча.

Что отличает игру чехословацкой команды? Прежде всего то, что наши соперники все более успешно применяют персональную опеку — тактический прием, который мы успешно использовали в борьбе с ними в Тампере. Нам стало также ясно, что тренеры чехословацкой команды, значительно омолодив ее в прошлом сезоне, продолжают подбор новых игроков, и мы имели возможность познакомиться с такими отличными нападающими, как Грандтнер и Шпинделарж, защитником Шмидтом.

Для нас нет сомнений, что чехословацкая сборная находится на большом подъеме, что в Любляне она будет еще сильнее, чем в Тампере. В команде идет разработка новых тактических вариантов борьбы, и мы нисколько не сомневаемся, что такие опытные тренеры, как Боузек и Костка, не только делают широковещательные заявления, но и успешно накапливают «секретное оружие» к новым встречам в Любляне. Впрочем, этим заняты сейчас и тренер шведов Стремберг и наставник канадцев Бауэр, да и мы с Тарасовым не теряем попусту времени. Но пока об этих поисках новых тактических средств говорить рано: тайное станет явным только на югославском льду.

В нынешнем сезоне, готовясь к новому чемпионату мира, больше всего встреч мы имели с канадской сборной: ведь во время турне по Канаде советская сборная пять раз скрещивала клюшки с командой «Кленового листа», а затем снова встретилась с ней в Колорадо Спрингс. Счет этих встреч в нашу пользу, канадцам лишь один раз удалось добиться победы.

Но этот подсчет не должен нас успокаивать. Команда «Кленового листа», столь неудачно выступающая на последних чемпионатах мира и на Олимпийских играх, представляет собой большую потенциальную силу. Ее тренер Бауэр, видимо, отлично понимая это, делает все возможное, чтобы сохранить команду в том виде, в котором она выступает последние годы. В ее составе по-прежнему вратарь Бродерик, такие известные хоккеисты, как О'Мэлли, Бэгг, Маккензи, Дайнин, Маклеод, Макклин. Но вместе с ними играют и новые сильные хоккеисты, такие, например, как Хэк, зарекомендовавший себя как один из лучших центровых нападающих. Можно считать, что команда Канады очень возмужала после Тампере, во всяком случае, их победа в Колорадо Спрингс над сборной Чехословакии со счетом 3 : 2 говорит о многом. Надо также учитывать, что в Любляне в составе команды могут появиться новые сильные хоккеисты из профессиональных клубов.

Меня часто спрашивают, почему мы не осуществляем своего намерения испытать силы советской сборной в игре с профессиональными командами Канадо-американской лиги. Увы, как мы поняли, руководство этой лиги не заинтересовано во встрече с нами. Хоккейные боссы, видимо, не уверены, что удастся победить нашу команду. А если этого не произойдет, может упасть интерес к дальнейшим выступлениям сильнейших профессиональных клубов, что грозит большими материальными убытками.

Не нам судить, насколько вески такие опасения, но вот мнение одного из крупнейших знатоков современного хоккея, президента международной хоккейной федерации Джона Ахерна. На вопрос чехословацкого журналиста, как сыграли бы лучшие европейские команды с канадскими профессионалами, Ахерн ответил, что сборная Советского Союза, если бы она приняла участие в первенстве национальной хоккейной лиги, бесспорно, выиграла бы больше встреч, чем проиграла. Чехословацкие и шведские хоккеисты, по мнению Ахерна, также не выглядели бы хуже канадских профессионалов.

— Советские и чехословацкие спортсмены по быстроте превосходят канадцев,— заявил Ахерн.— Я за то, чтобы профессионалы и любители встречались между собой, чтобы легенда о сверхклассе канадцев спустилась с фантастических высот на землю...

Такова расстановка сил на хоккейном Олимпе перед решающими встречами в Любляне. Как видите, претенденты на победу, как и в прошлом году, те же. Американские хоккеисты, так успешно выступившие на Белой олимпиаде в Скво Вэлли в 1960 году, после этого не смогли удержаться на высоком уровне. Видимо, и в нынешнем сезоне они еще не рассчитывают на успех, во всяком случае, мы снова не увидели их в числе участников «малого первенства мира» на их же собственном льду в Колорадо Спрингс. Тренеры команды США заявили, что готовят команду к Греноблю. Может быть, это и так, но я считаю большой ошибкой уход от товарищеских встреч с сильнейшими командами мира. Кто прав, мы увидим в Гренобле, а пока до Любляны остались считанные дни: в начале марта на югославском льду произойдут решающие хоккейные встречи.

ДРУГ МАЛЫШЕЙ

Когда моя дочь была совсем маленькой, она считала, что все детские стихи пишет Барто. Книжка «Стихи детям» (за нее Агния Львовна в 1950 году получила Государственную премию) была прочитана от корки до корки, и любимые стихи выучены наизусть.

Сейчас дочь выросла, но миллионы маленьких граждан нашей страны учатся грамматике человеческих отношений по книгам А. Барто. Ведь недаром ее книги выдержали 590 изданий и переведены на 65 языков.

Если стихи Барто читают дети, они знают, что это написал их друг, который умеет незаметно, без скучных нотаций показать, что хорошо и что плохо, что красиво и что уродливо.

А если книги Барто читают взрослые, то они чувствуют, что это написано и для них и про их детство, и от этого тоже становятся немножко лучше.

В прошлом году издательство «Детская литература» подарило читателям новую книгу Агнии Львовны Барто — «Лешенька, Лешенька...».

В этой книге поэтесса достигла такой выразительности и афористичности языка, что ее стихи запоминаются сразу, целиком, удобно укладываясь в памяти слово к слову.

Эти стихи останавливают внимание читателя на том, мимо чего он собирался пройти. «Подожди,— говорит ему стихотворение.— Разве это хорошо?» Барто не говорит, что это плохо. Она только спрашивает. И с чуть заметной иронией улыбается. Читатель все поймет сам.

В школе шла уборка. Три девочки двигали тяжелый шкаф, а два парня-крепыша не спеша двигали стул. Потом все отдыхали.

Отдыхали девочки,
Отдыхали мальчики:
Девочки — на лавочке,
Парни — на диванчике.

Вот и все. И все ясно.

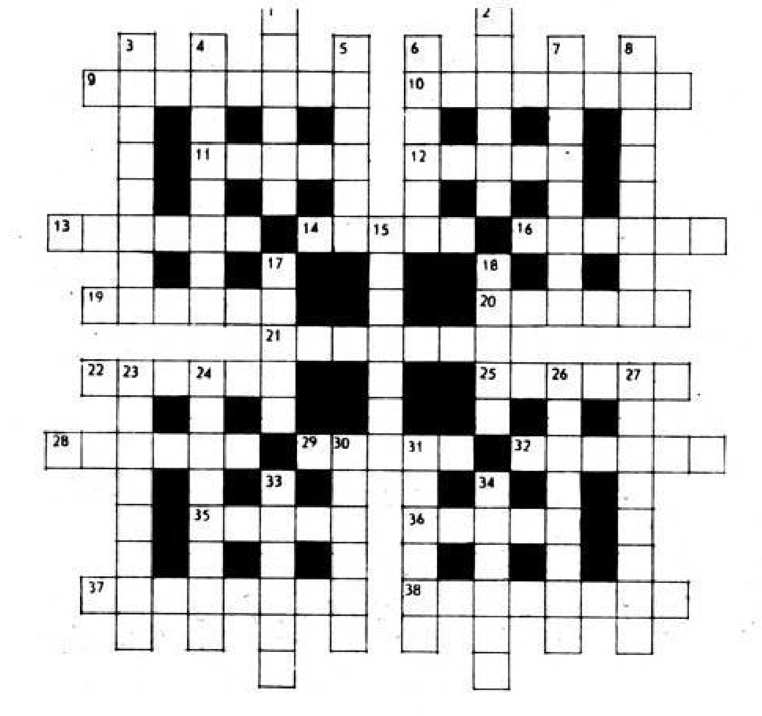
Барто умеет объяснить, что истинная доброта не нуждается в наградах («Три очка за старичка»), что каждое дело надо делать с удовольствием, тогда успех будет обеспечен («Секрет успеха»), что человек не одинок и у него всегда найдутся настоящие друзья («Я лежу, болею...»).

В книге «Лешенька, Лешенька...» собраны лучшие стихи поэтессы. Поэтому выдвижение этой книги на соискание Ленинской премии кажется и своевременным и справедливым.

Поэзия Барто подчинена большому гражданскому чувству — желанию сделать мир лучше, красочнее и богаче.

Агнии Львовне Барто исполнилось 60 лет. Поверить в это трудно и главное — не нужно. Лучше от всей души пожелать ей здоровья и еще много хороших книг, которые так нужны ее маленьким и большим читателям!

Л. ИГНАТЬЕВА

КРОССВОРД

По горизонтали:

9. Областной центр РСФСР. 10. Актриса МХАТа. 11. Штат в США. 12. Хищная птица. 13. Государство на Балканском полуострове. 14. Сторона здания. 16. Минеральная вода. 19. Балтийская сельдь. 20. Река в Якутской АССР. 21. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 22. Сыр из овечьего молока. 25. Специальность. 28. Список, указатель, перечень. 29. Старинное русское судно. 32. Хирургический инструмент. 35. Ход лошади. 36. Порт в Чили. 37. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 38. Наука о строении живого организма.

По вертикали:

1. Героиня пьесы К. А. Тренева. 2. Часть генератора. 3. Перерыв между уроками. 4. Растение с мелкими цветками. 5. Состояние атмосферы. 6. Музыкальный интервал. 7. Помост на столбах, сваях. 8. Французский химик XVIII века. 15. Садовые ножницы. 17. Озеро в Приморском крае. 18. Женское пальто. 23. Зубчатая передача. 24. Русский поэт. 26. Советский физик, академик. 27. Инструментальное произведение на темы народных песен, танцев. 30. Сосуд для хранения продуктов в постоянной температуре. 31. Ветер разрушительной силы. 33. Сооружение для строительства или ремонта судов. 34. Выдержка из текста.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали:

4. Исмаилия. 7. Лаборант. 8. Ударник. 9. Шестерня. 14. Черепаха. 15. Оперетта. 16. Лама. 18. Рубильник. 19. Астрограф. 21. Тема. 24. Резонанс. 26. Бригадир. 27. Лапчатка. 28. Витебск. 29. Трапеция. 30. «Дипломат».

По вертикали:

1. Эстафета. 2. Партитура. 3. Минданао. 5. Дагомея. 6. Мирабель. 10. Вересаев. 11. Параграф. 12. Бериллий. 13. Отличник. 16. Лифт. 17. Арка. 20. Реология. 22. «Мизантроп». 23. Малахит. 25. Спасский. 26. Баклажан.

●

На первой странице обложки: В районе учений (см. в номере репортаж «Юноши, не знавшие войны»).

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: Плакат художника Н. Долгорукова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10530. Подписано к печати 16/II 1966 г.
Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{16}$. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 355. Тираж 2 000 000. Изд. № 242.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

АВТОМАТЫ-ГАНГСТЕРЫ

Торговые автоматы столь оригинального вида установлены в одном из магазинов Лас-Вегаса (США).

ОСЛИК В СУМКЕ

Его зовут Наперсток. Весит он всего 6 килограммов. Ослик принадлежит женской школе в графстве Кент (Англия).

С КРОКОДИЛОМ ЗАПАНИБРАТА

Многие дети, живущие на берегах рек Ганы, с малых лет забавляются с крокодилами. Они настолько изучили их нравы и повадки, что не боятся подержать зубастого хищника за хвост.

СОБСТВЕННОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Американец Фрэнк Позерскис сконструировал вертолет. Он легко управляем и может передвигаться со скоростью от 12 до 100 миль в час.

УЮТНАЯ ПОСТЕЛЬ

Это львенок из Дрезденского зоопарка. На лапах своей мамаши он чувствует себя в полной безопасности и может сладко спать.

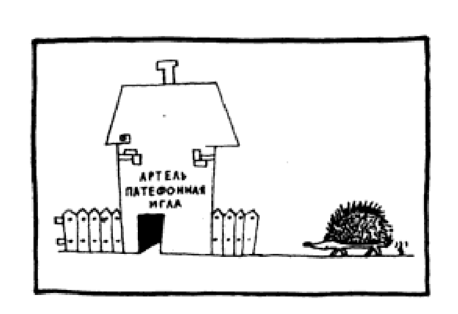

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

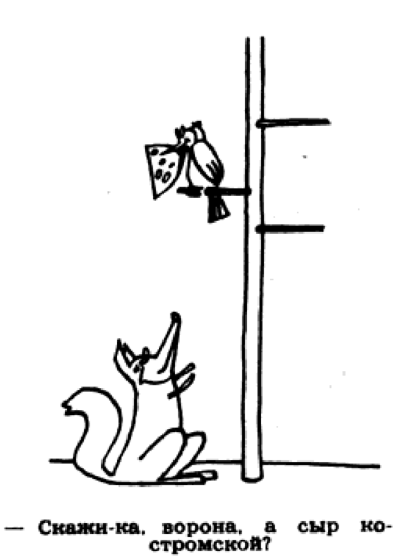
Огромный интерес вызвал аукцион, на котором продавался старый грузовик, в 1963 году перевезший украденные из экспресса Лондон — Глазго два с половиной миллиона фунтов стерлингов. Обладателем этой музейной редкости стал Гамлет Вейнрайт, заплативший за машину крупную сумму.

— Сдачи нет,— возьмите спички!..

За запасными частями.

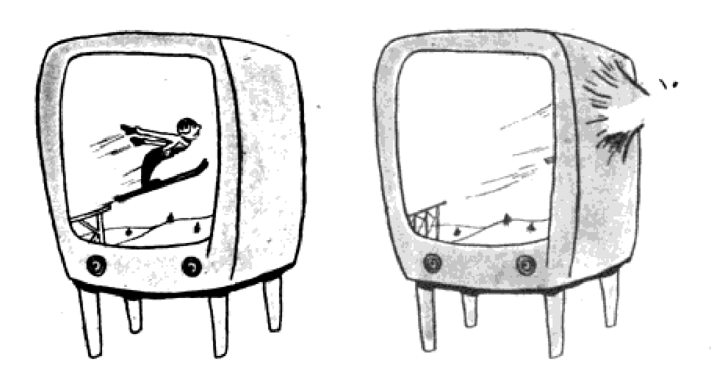
— Скажи-ка, ворона, а сыр костромской?

Рисунки В. Арсеньева и В. Лозовского.

После посещения цирка.

Рисунок Б. Боссарта.

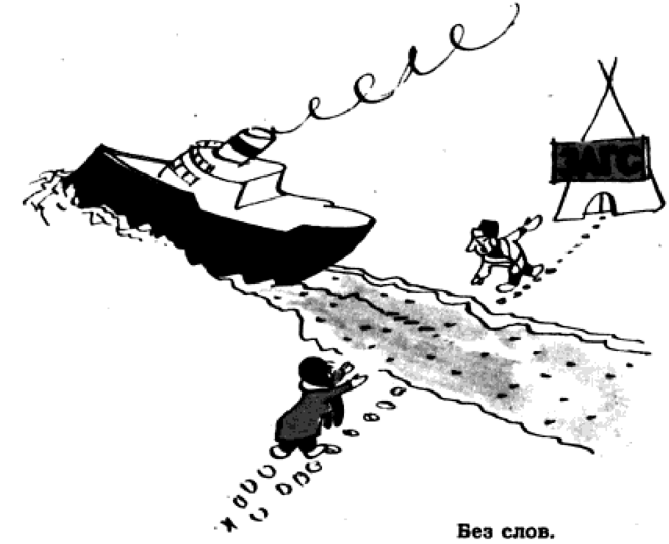

Без слов.

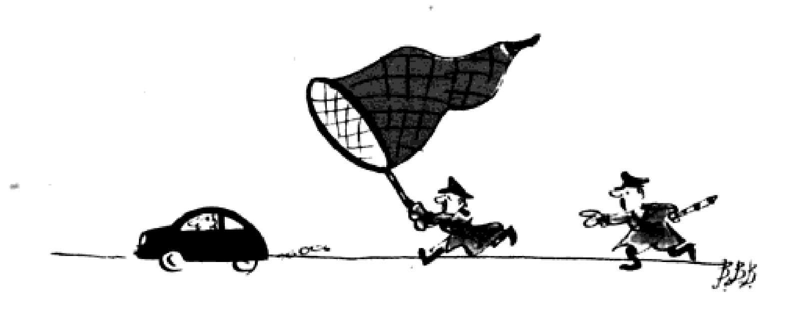
Рисунок Н. Елинсона.

В радиомагазине.

Без слов.

— Опять эта микролитражка нарушает!

— Работать, что ли, пошел?

— Нет, бабке пенсию принесли.

Рисунки В. Воеводина.

9-18
Цена номера 30 коп.
Индекс 70663